
3 1761 04362 4014

29 — KU

23-III.

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Время Павла
и его смерть.
Русская быль

947
Г.23

ВРЕМЯ ПАВЛА
и
его смерть.

Записки современниковъ и участниковъ

событія 11-го марта 1801-го года.

Часть Первая,

съ четырьмя портретами.

43456

МОСКВА—1908 г.

Изданіе **„Русской Были"**.

DK
186
V74
c. 1

МОСКВА—1908.

Типо-лит. „РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА печатн. и издательскаго дѣла".

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

Телефоны: 18.35 и 53.95.

Предисловіе.

Цареубійство 11-го марта 1801 года, являясь само по себѣ выдающимся событіемъ, имѣло огромное значеніе въ жизни Россіи. Правда, примѣровъ дворцовыхъ переворотовъ въ прошломъ было достаточно и само событіе это заключаетъ цѣлый циклъ такихъ переворотовъ, но раньше перевороты не сопровождались столь грубыми проявленіями, такой безцеремонностью, какая была проявлена въ ночь съ 11-го на 12 марта. Въ силу этого намъ важно знать, что дало возможность къ такому поведенію заговорщиковъ, можно ли чѣмъ объяснить или оправдать ихъ поведеніе.

Передъ историкомъ Россіи стоитъ во всей своей полнотѣ и серьезности вопросъ — кто виновенъ въ событіи 11-го марта? А за нимъ стоитъ другой—виновны ли въ этомъ событіи заговорщики? Онъ долженъ отвѣтить на эти вопросы; онъ можетъ сказать—да, такія-то и такія-то лица виновны; но онъ можетъ сказать, что эти лица виновны, но есть обстоятельства, въ той или иной степени смягчающія эту виновность; наконецъ, онъ можетъ отвѣтитъ, что—нѣтъ—не виновны.

Но для того, чтобы вынесть то или другое заключеніе, историку нужны прежде всего свидѣтельскія показанія; ему надо выслушать обѣ стороны. Однако событія 11-го марта изъ такихъ, гдѣ вы не услышите одной стороны, именно потерпѣвшей. Дѣйствительно ни въ государственныхъ архивахъ, ни въ судебныхъ, вы не найдете никакихъ данныхъ по этому дѣлу. Государственная власть послѣ смерти Павла всячески старалась скрыть положеніе дѣлъ, такъ какъ она же и являлась отвѣтчицей. Но, если историкъ не имѣетъ передъ собой судеб-

наго процесса за уклоненіемъ преступника, то въ его распоряженіи дѣла, поступки, даже мысли потерпѣвшаго, переданныя въ государственныхъ актахъ, приказахъ, повелѣніяхъ и запискахъ современниковъ.

Этотъ матеріалъ является наилучшимъ для историка-слѣдователя. Факты говорятъ сами за себя, а ихъ въ упомянутыхъ документахъ болѣе, чѣмъ достаточно. Тамъ мы находимъ факты, прямо поражающіе своею фантастичностью, невѣроятностью, жестокостью и нелѣпостью. Они показываютъ, что жизнь страны совершенно вышла изъ колеи, давъ волю дикому, больному воображенію. Эти факты сохранились для насъ въ исторической литературѣ и въ ней же передано то впечатлѣніе, которое производили они на современниковъ. Въ этомъ отношеніи интереснѣе всего записки Саблукова и Гейкинга. И тотъ и другой были только посторонними зрителями развертывавшихся событій. Они ясно чувствовали, что кругомъ творится совершенно неладное; сами на себѣ испытали «нелѣпу» времени и однако сохранили всю свою симпатію къ Павлу. Это-то для насъ наиболѣе цѣнно. Изъ ихъ записокъ мы видимъ, что люди, наиболѣе расположенные къ Павлу, наиболѣе ему преданные, являясь его заступниками, становятся волей-неволей самыми сильными его обвинителями. Не замѣчая сами того, они впадаютъ въ крайнее противорѣчіе тѣмъ фактамъ, которые только что привели, тѣмъ событіямъ, которыя только что описали; впадаютъ въ противорѣчіе именно тамъ, гдѣ наиболѣе проявляется ихъ симпатія. Мы говоримъ, что это наиболѣе цѣнно въ ихъ запискахъ. Намъ было бы недостачно выслушать сторону преступную, намъ важно слышать защиту стороны потерпѣвшей и вотъ, когда эта защита на каждомъ шагу хромаетъ на обѣ ноги, тогда приговоръ нашъ становится ясенъ...

Вотъ почему мы остановились въ первую очередь на запискахъ Саблукова и Гейкинга.

Въ событіи 11-го марта, помимо указаннаго вопроса, выдвигается другой. Извѣстно, что Павелъ имѣлъ большую семью, жилъ въ своемъ дворцѣ, какъ въ крѣпости; почему же заговорщики не встрѣтили себѣ достойнаго отпора? почему они съ такой легкостью овладѣли этой крѣпостью и всѣми находящимися въ ней?

На это мы не находимъ полнаго отвѣта въ запискахъ совре-

менниковъ и участниковъ. Историкъ объ этомъ могъ лишь собрать отрывочныя свѣдѣнія и изложить ихъ въ связи другъ съ другомъ. Это сдѣлано извѣстнымъ историкомъ Брикнеромъ, изъ труда котораго, «Смерть Павла», мы и беремъ главу, посвященную этому вопросу и озаглавленную «императорская семья».

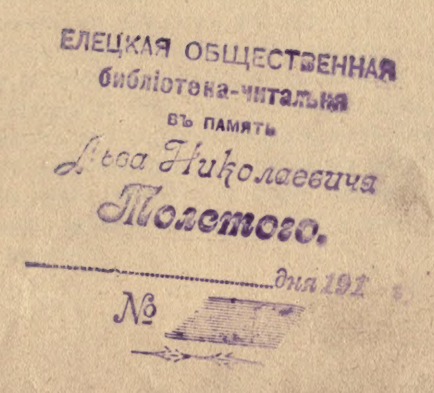
Наконецъ, важно знать и фактическую сторону. Эта послѣдняя изложена въ различныхъ варіаціяхъ самими участниками, каковы главные изъ нихъ—Бенигсенъ, кн. Ливенъ, графъ Ланжеронъ (со словъ в. к. Константина и гр. Палена) и др.

Эта часть имѣетъ для насъ не менѣе важное значеніе и интересъ, чѣмъ упомянутыя выше, а потому изложится наиболѣе подробно и полно.

Къ этому выпуску прикладываемъ четыре портрета; одинъ Павла I—великимъ княземъ (фототипическій); одинъ Императрицы Маріи Ѳедоровны, работы Ритта (фототипическій); одинъ княгини А. П. Гагариной (фототипическій) и одинъ Е. И. Нелидовой (цинкографическій).

Г. Балицкій.

М. 1908 г.
29 января.

ЕЛЕЦКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
библіотека-читальня
въ память
Льва Николаевича
Толстого.
.................дня 191
№

ВОСПОМИНАНІЯ

о дворѣ и временахъ Императора Павла Перваго.

Изъ бумагъ умершаго русскаго генерала.

ЧАСТЬ I.

В—галль 22/10 Февр. 1840.

Перечитывая на-дняхъ въ «Исторіи Россіи» Левека то, что онъ говоритъ о разногласіи въ мнѣніяхъ, существующемъ до сихъ поръ на счетъ Лжедимитрія, я въ особенности былъ пораженъ скудостію показаній современниковъ и очевидцевъ о событіяхъ этого достопамятнаго времени, и самъ Левекъ замѣчаетъ, что такія показанія въ исторіи имѣютъ первостепенную важность, ибо одни очевидцы могутъ засвидѣтельствовать ея правдивость.

Такъ какъ я самъ былъ очевидцемъ всѣхъ событій, происходившихъ въ царствованіе Императора Павла I, и во время всего того періода состоялъ при его дворѣ, имѣя полную возможность узнавать все, что происходило при этомъ дворѣ и вокругъ него; кромѣ того, былъ лично знакомъ съ самимъ Императоромъ и со всѣми членами Императорскаго семейства, такъ же какъ со всѣми вліятельными людьми того времени; то я рѣшился запи-

*) Reminiscenses of the Court and times of the Emperor Paul I of Russia up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General officer—подъ такимъ заглавіемъ появились въ 1865 году въ лондонскомъ журналѣ „Fraser's Magazine for town and country“ записки Саблукова, современника и почти очевидца убійства Павла: его эскадронъ былъ смѣненъ самимъ Императоромъ. Впервые на русскомъ языкѣ записки появились въ Русскомъ Архивѣ въ 1869 году, конечно, безъ описанія самой драмы во дворцѣ и вообще съ большими пропусками. Полный переводъ былъ перепечатанъ сначала за границей, а затѣмъ и въ Россіи въ прошломъ 1907 году въ книгѣ Цареубійство 11-го марта. Мы беремъ изъ записокъ первую часть, гдѣ Саблуковъ говоритъ, какъ участникъ или очевидецъ, но упускаемъ послѣднюю, о смерти Павла, т.-к. Саблуковъ здѣсь говоритъ со словъ другихъ; въ этомъ отношеніи намъ интереснѣе разсказъ самихъ участниковъ, каковой помѣщаемъ нѣсколькихъ авторовъ. *Ред.*

сать все то, что я помню о событіяхъ этихъ интересныхъ годовъ, и черезъ это, быть можетъ, пролить новый свѣтъ на характеръ Павла I, который, конечно, былъ человѣкъ не дюжинный.

Да не сочтетъ меня читатель нижеслѣдующихъ страницъ тщеславнымъ, потому что я много говорю о самомъ себѣ, о многихъ изъ моихъ друзей и о полку, въ которомъ я служилъ. Привожу эти подробности главнымъ образомъ, какъ свидѣтельство тому, что я былъ лично «въ соприкосновеніи съ этимъ временемъ» и какъ свидѣтельство правдивости моихъ показаній, которая одна можетъ придать нѣкоторый интересъ моему разсказу. Въ эпоху восшествія на престолъ Императора Павла I, мнѣ было двадцать лѣтъ, и я служилъ подпоручикомъ (second-lieutenant) въ конногвардейскомъ полку, бывъ предварительно два года унтеръ-офицеромъ (sous-officier) и четыре года офицеромъ въ томъ же полку *). Я также передъ тѣмъ много путешествовалъ за границею и былъ представленъ ко многимъ дворамъ, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи; слѣдовательно много вращался въ высшемъ обществѣ, какъ дома, такъ и въ чужихъ краяхъ. Мой отецъ держалъ открытый домъ, въ которомъ собирались запросто министры и дипломатическій корпусъ; такъ что, при всей моей молодости, мой умъ былъ достаточпо подготовленъ къ внимательному наблюденію за текущими событіями. Присовокуплю къ этому, что я владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, что меня живо занимали политическіе толки, и что я съ особенною охотою читалъ газеты.

Я теперь вернусь на минуту ко времени непосредственно предшествовавшему восшествію Императора на престолъ, такъ какъ свѣдѣнія о томъ, что тогда происходило, послужатъ къ объясненію многихъ послѣдующихъ событій, которыя безъ этого было бы трудно понять.

Павелъ Петровичъ, будучи Великимъ Княземъ, и его супруга имѣли великолѣпный аппартаментъ въ Зимнемъ Дворцѣ, и другой въ Царскосельскомъ. Тутъ происходили ихъ выходы и пріемы тутъ же давали они весьма пышные обѣды, вечера и балы, и въ этихъ случаяхъ оказывали своимъ гостямъ чрезвычайную любез-

*) Въ чинѣ унтеръ-офицера я былъ ординарцемъ у фельдмаршала гр. Салтыкова и дежурилъ при немъ изъ двухъ недѣль одну, при чемъ былъ обязанъ сопровождать его повсюду, и такимъ образомъ часто бывалъ съ его свитою въ прихожей кабинета Императрицы Екатерины II.

Фот. Шереръ, Набгольцъ.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ, Великій Князь.

Портретъ работы А. Рослена, подписной.

Находится въ Большомъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ.

ность. Всѣ высшіе чиновники ихъ двора, такъ же какъ и прислуга, принадлежали къ штату Императрицы, и понедѣльно дежурили у обоихъ дворовъ, и всѣ издержки уплачивались изъ Кабинета. Императрица Екатерина обыкновенно сама весьма милостиво принимала участіе въ пріемахъ своего сына, и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обществу, не допуская соблюденія этикета, установленнаго при собственномъ ея дворѣ.

Великій Князь Павелъ Петровичъ по наружности постоянно оказывалъ своей матери глубочайшее уваженіе, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ не раздѣлялъ тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя къ ней питалъ Русскій народъ. Великая Княгиня, его супруга, однако же, любила Екатерину, какъ нѣжная дочь, и привязанность эта была вполнѣ взаимная. Дѣти Павла, юные Великіе Князья и Великія Княжны, воспитывались подъ надзоромъ своей бабки-Императрицы, которая постоянно совѣтовалась съ ихъ матерью *).

Кромѣ вышеупомянутыхъ аппартаментовъ, въ двухъ императорскихъ дворцахъ, у Великаго Князя былъ очень удобный дворецъ на Каменномъ Острову; и въ этомъ загородномъ домѣ Великій Князь и Великая Княгиня давали избранному обществу весьма веселые праздники, на которыхъ происходили jeux d'esprit, театральныя представленія, словомъ все то, что придумали остроуміе и любезность для украшенія стараго французскаго двора. Сама Великая Княгиня была красивая женщина, крайне скромная въ своемъ обращеніи,—даже до того, что казалась слишкомъ строгою и степенною (по мнѣнію нѣкоторыхъ, скучною),—насколько могли ее сдѣлать таковою добродѣтель и этикетъ. Павелъ, напротивъ того, былъ исполненъ остроумія, юмора и живости, и всегда отличалъ особымъ вниманіемъ тѣхъ, которые блистали тѣми же качествами.

Самою яркою звѣздою придворнаго кружка была молодая дѣвушка, которую пожаловали фрейлиною въ уваженіе превосходныхъ талантовъ, выказанныхъ ею во время ея воспитанія въ Смольномъ Монастырѣ: имя ея было Екатерина Ивановна Нелидова. По наружности, она составляла прямую противоположность

*) Генералы Протасовъ и Сакенъ были гувернерами Великихъ Князей, а баронесса Ливенъ гувернанткою Великихъ Княженъ и довѣреннымъ другомъ ихъ матери.

съ Великою Княгинею, которая была высока ростомъ, бѣлокура, склонна къ полнотѣ и близорука: между тѣмъ какъ Нелидова была маленькая брюнетка, съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ, исполненнымъ выразительности. Она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостію, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ.

Павелъ не долго остался равнодушнымъ къ столькимъ прелестямъ. Великій Князь, однако же, не былъ человѣкомъ безнравственнымъ; онъ былъ добродѣтеленъ и по убѣжденію, и по намѣреніямъ; онъ ненавидѣлъ распутство, очень былъ привязанъ къ своей прелестной супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы когда-либо ловкая интриганка могла околдовать его до того, чтобы влюбить его безъ памяти въ себя. Поэтому онъ свободно предался тому, что онъ считалъ связью чисто платоническою, и это было началомъ его странностей.

Императрица Екатерина, знавшая человѣческое сердце гораздо лучше, чѣмъ ея сынъ, была глубоко огорчена за свою невѣстку. Она вскорѣ послала сына путешествовать съ его супругою, и отдала самыя настойчивыя приказанія, чтобы эта прогулка по Европѣ была столь блистательна и интересна, какъ только можно было того достигнуть при помощи денегъ и ея вліянія на дворы, посѣщаемые молодою четою. Путешествовали они incognito, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, и всѣмъ извѣстно, что остроуміе графа, красота графини и обходительность обоихъ оставили самое выгодное впечатлѣніе въ странахъ, ими посѣщенныхъ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы раннее воспитаніе Великаго Князя было небрежно; напротивъ того, Екатерина конечно употребила все, что въ силахъ человѣческихъ, дабы дать своему сыну воспитаніе, которое сдѣлало бы его способнымъ и достойнымъ царствовать надъ обширною Россійскою Имперіею. Графъ Панинъ, первый государственный человѣкъ своего времени, уважаемый и дома, и за границею, за честность, высокую нравственность, искреннее благочестіе и отличное образованіе, былъ воспитателемъ Павла. Сверхъ того, Его Императорское Высочество имѣлъ лучшихъ наставниковъ того времени, изъ которыхъ многіе были иностранцы, пользующіеся почетною извѣстностію въ литературномъ мірѣ; въ особенности занялись его религіознымъ воспита-

ніемъ, и Павелъ до дня своей смерти былъ очень набоженъ. Еще нынѣ показываютъ мѣста, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ одинокую молитву, и часто обливаясь слезами: паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ *). Графъ Панинъ былъ членомъ нѣсколькихъ масонскихъ ложъ, и Великій Князь былъ введенъ въ нѣкоторыя изъ нихъ; словомъ, было сдѣлано все возможное для физическаго, нравственнаго и умственнаго его развитія. Павелъ былъ однимъ изъ лучшиихъ наѣздниковъ своего времени, и съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ языки славянскій, русскій, французскій и нѣмецкій, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ, былъ хорошо знакомъ съ исторіею, географіею и математикою, говорилъ и писалъ весьма свободно и правильно. Два помощника главнымъ образомъ содѣйствовали графу Панину въ воспитаніи Великаго Князя: Сергѣй Плещеевъ, капитанъ флота, и баронъ Николаи, страсбургскій уроженецъ. Г. Плещеевъ служилъ въ англійскомъ флотѣ, былъ отличнымъ офицеромъ и человѣкомъ со свѣдѣніями, въ особенности знатокомъ русской литературы; баронъ Николаи былъ ученый, прежде жившій въ Страсбургѣ, извѣстный авторъ разныхъ сочиненій. Плещеевъ издалъ впослѣдствіи «Les Voyages du Comte et de la comtesse du Nord», и оба остались близкими и вліятельными людьми при Императорѣ до его кончины.

Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ, Павелъ пропитался тѣми высоко-аристократическими идеями и вкусами, впослѣдствіи столь мало согласными съ духомъ времени, которые довели его до большихъ крайностей въ его усиліяхъ поддержать нравы и обычаи стараго режима, въ то время, какъ французская революція стирала все подобное съ лица Европы. Но какъ пагубно ни подѣйствовали эти вліянія на чуткую, легко воспламеняемую душу Павла, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который произвели въ Берлинѣ прусская дисциплина, выправка, мундиры, кивера и т. д., и т. д., словомъ все, что напоминало о Фридрихѣ

*) Офицерская комната при караулѣ, въ которой я сидѣлъ, когда бывалъ дежурнымъ въ Гатчинѣ, была рядомъ съ его частнымъ кабинетомъ, и я нерѣдко слышалъ вздохи Императора Павла во время его молитвы.

Великомъ. Павелъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его, какъ кошмаръ. Къ счастію Павла и его родины, онъ не заразился бездушною философіею и упорнымъ безбожіемъ Фридриха. Но этого Павелъ не могъ переварить и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, доброе сѣмя удержалось.

Но, чтобы вернуться ко времени, которое непосредственно предшествовало восшествію Павла на престолъ, я долженъ упомянуть о томъ, что, кромѣ дачи на Каменномъ Острову, у него были великолѣпный дворецъ и имѣніе въ Гатчинѣ, въ двадцатичетырехъ верстахъ отъ Царскаго Села; къ Гатчинѣ были приписаны обширныя земли и нѣсколько деревень; у жены же его было подобное имѣніе въ Павловскѣ, съ обширными парками и богатыми деревнями. Этотъ послѣдній дворецъ находится только въ трехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Въ этихъ двухъ имѣніяхъ Великій Князь и Великая Княгиня обыкновенно проводили большую часть года одни, за изъятіемъ своихъ дежурнаго камергера и гофмаршала. Тутъ Великій Князь и Княгиня не принимали никого, развѣ по особымъ приглашеніямъ. Екатерина Ивановна Нелидова, однако же, скоро стала появляться въ этихъ частныхъ резиденціяхъ, и даже сдѣлалась наперсницею Великой Княгини, оставаясь платоническимъ идоломъ Великаго Князя. И въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ строго соблюдались костюмъ, этикетъ и обычаи французскаго двора.

Мой отецъ въ это время былъ во главѣ Государственнаго Казначейства, и въ его обязанности входило выдавать Ихъ Императорскимъ Высочествамъ ихъ четвертное жалованіе, и лично принимать отъ нихъ росписку въ счетную книгу Казначейства. Въ поѣздкахъ, совершаемыхъ имъ за этимъ въ Павловскъ и въ Гатчину, онъ часто бралъ меня съ собою, и я живо помню странное впечатлѣніе, которое производило на мой умъ все то, что я видѣлъ и слышалъ въ этихъ случаяхъ: это были словно поѣздки въ чужую страну; въ особенности въ Гатчинѣ, гдѣ былъ построенъ форштатъ въ точное подобіе мелкаго германскаго городка. Эта слобода имѣла заставы, казармы, конюшни; всѣ строенія были точь въ точь такія, какъ въ Пруссіи; а по виду войскъ, тутъ стоявшихъ, хотѣлось побиться о закладъ, что они прямо изъ Берлина.

Я долженъ объяснить здѣсь, какимъ образомъ Великому Князю вздумалось сформировать въ Гатчинѣ эту курьезную маленькую армію. Когда Павелъ былъ еще очень молодъ, Императрица, для того, чтобы дать ему громкій титулъ, не сопряженный ни съ какимъ трудомъ или отвѣтственностью, пожаловала его въ генералъ-адмиралы Россійскаго флота; а впослѣдствіи онъ былъ назначенъ командиромъ прекраснаго кирасирскаго полка, во главѣ котораго онъ прослужилъ одну кампанію противъ Шведовъ, при чемъ имѣлъ честь, во время схватки съ непріятелемъ, видѣть, какъ надъ его головою пролетали пушечныя ядра. Когда онъ поселился въ Гатчинѣ, онъ, такъ какъ не было войскъ, расположенныхъ по близости, въ качествѣ генералъ-адмирала, потребовалъ себѣ батальонъ морскихъ солдатъ, съ нѣкоторою артиллеріею; а въ качествѣ командира лейбъ-кирасировъ, онъ потребовалъ себѣ эскадронъ этого полка, чтобы составить гарнизонъ въ Гатчинѣ. И то и другое ему было разрѣшено, и таково происхожденіе пресловутой «гатчинской арміи», впослѣдствіи причинившей столько неудовольствій и вреда всей странѣ. Было также въ Гатчинѣ, на маленькомъ озерѣ, нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ, какъ военные корабли, и это послѣднее учрежденіе впослѣдствіи пріобрѣло немалое значеніе.

Этотъ батальонъ и эскадронъ были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый представлялъ одинъ полкъ императорской гвардіи; они всѣ были одѣты въ темно-зеленые мундиры и во всѣхъ отношеніяхъ походили въ точности на прусскихъ солдатъ. Въ это время русская пѣхота была одѣта въ свѣтло-зеленые мундиры, кавалерія въ синіе, а артиллерія въ красные; покрой этихъ мунлировъ не походилъ на покрой, употребительный въ какой-либо иной европейской арміи, но былъ превосходно приспособленъ къ климату и нравамъ Россіи. Русскія войска всякаго оружія покрыли себя славою въ войнахъ противъ Турокъ, Шведовъ и Поляковъ, и справедливо гордились своими подвигами. Какъ всякія другія войска, они гордились и мундирами, въ которыхъ они пожали свои лавры, и это заставляло ихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на гатчинскую обмундировку.

Гатчинскіе моряки также были одѣты въ темно-зеленое сукно, между тѣмъ какъ мундиръ русскаго флота былъ бѣлый, введенный самимъ Петромъ Великимъ, и это измѣненіе также возбу-

ждало неудовольствіе. Въ гатчинскомъ батальонѣ, эскадронѣ и флотиліи офицерскія мѣста были заняты людьми темнаго происхожденія, ибо ни одинъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи не соглашался оставаться въ нихъ и подчиняться прусской дисциплинѣ. Я уже упомянулъ о томъ, что дворъ Великаго Князя былъ составленъ изъ лицъ, принадлежавшихъ также ко двору Императрицы, такъ что все, происходившее въ Гатчинѣ, тотчасъ становилось извѣстнымъ при большомъ дворѣ и въ обществѣ, и будущность, ожидавшая Россію, подвергалась не малымъ толкамъ и рѣзкой критикѣ.

Но Великій Князь, съ другой стороны, былъ восходящею звѣздою того времени, и не было недостатка въ услужливыхъ личностяхъ, готовыхъ передавать ему о невыгодномъ впечатлѣніи, производимомъ при дворѣ Императрицы его странными распоряженіями, на которыя онъ, съ своей стороны, смотрѣлъ, какъ на важныя улучшенія. Далѣе, ему доносили о многихъ злоупотребленіяхъ, дѣйствительно существовавшихъ въ разныхъ отрасляхъ управленія; а мягкость и материнскій характеръ Екатерининскаго управленія представляли въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ Павлу; по природѣ вспыльчивый и горячій, онъ кромѣ того былъ очень раздраженъ своимъ отстраненіемъ отъ престола, который, согласно обычаю посѣщенныхъ имъ иностранныхъ дворовъ, онъ считалъ своимъ законнымъ достояніемъ. Всѣмъ стало извѣстно, что онъ съ каждымъ днемъ нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему матери.

Екатерина, съ своей стороны, становилась стара и немощна; у нея уже былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго она вполнѣ не оправлялась. Она искренно любила Россію и была дѣйствительно любима всѣмъ народомъ; она не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, выдвинутое ею столь быстро на путь благоденствія, славы и образованности, останется послѣ нея безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, въ особенности въ такое время, когда «комитетъ общественной безопасности» заставлялъ дрожать на престолахъ почти всѣхъ монарховъ Европы и потрясалъ старинныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ.

Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своего государства, и если бы она могла заставить наслѣдника

престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ государемъ, она умерла бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, уже начертанной, въ каковомъ случаѣ былъ бы назначенъ наслѣдникомъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію. Слово конституція, столь часто тутъ повторяемое, не должно быть принято въ обычномъ, слишкомъ тѣсномъ смыслѣ парламентскаго представительства, еще менѣе демократической формы правленія. Оно означаетъ тутъ не болѣе какъ великую хартію, благодаря которой верховная власть Императора перестала бы быть самодержавною. Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однако же говорили съ увѣренностію, что 1-го января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то время замѣчено, что Великій Князь Павелъ Петровичъ является ко двору рѣдко, и то лишь въ торжественные пріемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опруссаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ. Мы, офицеры, часто смѣялись между собою надъ Гатчинцами. Я побывалъ за границею въ 1795 — 96 годахъ и, проживъ нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, порядочно ознакомился съ прусскою выправкою. По возвращеніи моемъ домой, мои товарищи часто заставляли меня передразнивать, или точнѣе, корчить прусскихъ офицеровъ и солдатъ; мы тогда и не помышляли о томъ, что въ скоромъ времени мы всѣ будемъ обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину; но на повѣрку вышло, что знаніе этихъ подробностей очень пригодилось мнѣ впослѣдствіи.

Ознакомленный такимъ образомъ съ положеніемъ дѣлъ, читатель пойметъ разсказъ, къ которому я теперь приступаю. По возвращеніи моемъ въ 1796 году изъ путешествія я часто ѣздилъ въ домъ г-жи Загряжской, дамы весьма модной, хотя далеко не красивой, впрочемъ, весьма умной и чрезвычайно любезной.

Такъ какъ ея племянница, дѣвица Васильчикова, только что была сговорена съ графомъ Кочубеемъ, то ея вечера стали интимнѣе и менѣе людны; но я былъ одинъ изъ немногихъ, которыхъ продолжали приглашать въ домъ, куда мы собирались играть въ лото, дофинъ, и т. д. 6-го Ноября 1796 года, я прибылъ туда по обыкновенію. Къ семи часамъ, на столѣ было приготовлено лото, и я предложилъ себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвѣчала болѣе холоднымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно: «очень хорошо», и я началъ игру. Всѣ игроки, однако же, думали, повидимому, о чемъ-то другомъ, и я былъ принужденъ пожурить ихъ за то, что они не отмѣчаютъ номеровъ. Вдругъ г-жа Загряжская отозвала меня въ сторону и сказала: «Vous êtes un singulier homme»—«En quoi donc, Madame?» — отвѣчалъ я.—«Vous ne savez donc rien?»—«Mais qu'y a-t-il à savoir?» «Comment donc, l'impératrice a eu un coup d'apoplexie, et on la croit morte» *). Я чуть не свалился съ ногъ; г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Какъ только я пришелъ въ себя, я побѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ мой экипажъ и поскакалъ въ домъ къ отцу. Онъ уже уѣхалъ въ Сенатъ, куда его вызвали. Катастрофа совершилась, сомнѣній быть не могло. Екатерина скончалась.

Александръ Мухановъ, капитанъ конно-гвардейскаго полка, который на другое же утро долженъ былъ жениться на моей сестрѣ, Натальѣ, также выѣхалъ изъ дому и отправился въ казармы, куда поспѣшилъ и я. По дорогѣ я встрѣчалъ людей всѣхъ сословій, спѣшившихъ по улицамъ, пѣшкомъ или въ саняхъ и каретахъ; нѣкоторые останавливали на улицахъ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ выражали сокрушеніе о случившемся, словно у каждаго Русскаго умерла нѣжно-любимая мать.

Князь Платонъ Зубовъ, послѣдній фаворитъ Екатерины и первый ея министръ, немедленно отправилъ своего брата, графа Николая Зубова, оберъ-шталмейстера, въ Гатчину, чтобы извѣстить Великаго Князя Павла Петровича о смерти его матери. И Сенатъ, и Синодъ были въ сборѣ, и всѣ войска столицы подъ

*) «Странный вы человѣкъ!» — Почему же? — «Такъ вы ничего не знаете?»—Да что же знать? -«Какъ же, съ императрицею апоплексическій ударъ и говорятъ, что она уже не жива».

ружьемъ, ожидая манифеста. Графъ Безбородко, въ качествѣ старшаго статсъ-секретаря, находился въ кабинетѣ Императрицы, а прочіе статсъ-секретари, и великіе чины двора всѣ собрались въ ожиданіи прибытія Великаго Князя.

Графъ Зубовъ вскорѣ вернулся съ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ Павла. Площадь передъ дворцомъ была наполнена народомъ, и около полуночи прибылъ Великій Князь. Въ теченіе ночи былъ изданъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалось о кончинѣ Екатерины и о восшествіи на престолъ Павла I. Этотъ документъ былъ также прочитанъ въ Сенатѣ, и была принесена обычная присяга.

Нѣтъ словъ, чтобы описать скорбь, испытанную и выраженную каждымъ офицеромъ и рядовымъ конногвардейскаго полка при прочтеніи намъ манифеста. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ; многіе рыдали, словно лишились ближайшаго родственника или лучшаго друга. Мнѣ говорили, что то же самое происходило во всѣхъ полкахъ, и что подобнымъ образомъ выразились всеобщая печаль и въ приходскихъ церквахъ.

Весьма рано 7/19 Ноября, нашъ полковой командиръ, майоръ Васильчиковъ, отдалъ приказаніе, чтобы всѣ офицеры явились слѣдующимъ утромъ въ десять часовъ на парадъ передъ зимнимъ дворцомъ; отрядъ же нашего полка, назначенный туда на караулъ, былъ осмотрѣнъ самимъ майоромъ наитщательнѣйшимъ образомъ.

Въ теченіе ночи выпалъ глубокій снѣгъ, къ утру настала оттепель и заморосилъ дождь, и всѣмъ намъ было крайне непріятно брести вслѣдъ за нашимъ коннымъ отрядомъ отъ казармъ ко дворцу, около трехъ англійскихъ миль, въ лучшихъ нашихъ мундирахъ, синихъ съ золотомъ, въ лучшихъ нашихъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу, еще покрывавшемъ улицы.

Это не было хорошимъ предзнаменованіемъ для новаго царствованія и новаго порядка вещей. Какъ только дошли мы до площади, намъ было сообщено множество новыхъ постановленій. Прежде всего, ни одинъ офицеръ, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ являться нигдѣ иначе, какъ въ мундирѣ, а наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для постояннаго ношенія; затѣмъ намъ сказали, что офицерамъ воспрещается ѣздить

въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только ѣздить верхомъ, либо въ саняхъ или дрожкахъ. Въ довершеніе того, былъ изданъ рядъ полицейскихъ приказовъ, предписывающихъ всякому носить пудру, косичку или гарбейтель, и запрещающихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, высокихъ сапогъ, панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ или culottes; и тутъ и тамъ слѣдовало носить пряжки; волосы слѣдовало зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ было велѣно останавливаться на улицахъ при встрѣчѣ съ Императорскою фамиліею; сидящіе въ экипажахъ должны были выходить, чтобы отвѣсить свой поклонъ. Утромъ 8/20, ранѣе 9 часовъ, усердная столичная полиція успѣла уже обнародовать всѣ эти правила.

До насъ также дошли любопытные слухи о томъ, что произошло во дворцѣ по прибытіи новаго Императора: говорили, что онъ съ графомъ Безбородкою дѣятельно занимался жженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ Ея Величества; что Павелъ глядитъ очень пасмурно и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія собственныхъ своихъ войскъ изъ Гатчины. Всѣ эти слухи были для насъ загадками, да къ тому же не самаго пріятнаго свойства, въ особенности послѣ счастливаго времени, проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось нѣжною снисходительностію ко всему, что не было прямымъ преступленіемъ. Наконецъ пробило десять часовъ, и какая тутъ пошла кутерьма! Явились новыя лица, новые сановники. И какъ они были одѣты! Несмотря на все наше горе по Императрицѣ, мы отъ смѣха держались за бока; все это казалось намъ комическимъ маскарадомъ. Великіе Князья, Александръ и Константинъ, явились въ своихъ новыхъ мундирахъ, словно старые портреты нѣмецкихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ вышелъ самъ Императоръ въ новомъ мундирѣ Преображенскаго полка. Онъ кланялся, отдувался и пыхтѣлъ въ то время, какъ проходила мимо него гвардія, пожималъ плечами и качалъ головой въ знакъ неудовольствія; затѣмъ онъ велѣлъ подвести себѣ свою лошадь, Помпона. Въ этотъ моментъ ему доложили, что Гатчинская *армія* приближается къ заставѣ, и Его Величество поскакалъ ей навстрѣчу. Черезъ часъ времени Императоръ вернулся во главѣ этихъ войскъ,

онъ самъ впереди того, что ему было угодно называть Преображенскимъ полкомъ; Великія Князья впереди такъ называемыхъ Семеновскаго и Измайловскаго полковъ. Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ войскъ и выставлялъ ихъ передъ нами, какъ образцы совершенства, которымъ мы должны были подражать по возможности близко. Ихъ знаменамъ отдали честь обычнымъ образомъ, а затѣмъ ихъ отнесли во дворецъ; сами же войска, въ качествѣ представителей всѣхъ гвардейскихъ полковъ, съ той же минуты были включены въ нихъ и разосланы по ихъ казармамъ. Такъ окончилось утро перваго дня новаго царствованія.

Мы всѣ вернулись домой, получивъ строгое приказаніе не оставлять своихъ казармъ, и вскорѣ за тѣмъ намъ были представлены новые пришлецы изъ Гатчинскаго гарнизона. Что за офицеры! Какія странныя лица! Какія манеры! И такъ странно они говорили! Всѣ они были Малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное всѣмъ этимъ на общество, состоящее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежащихъ къ лучшему Русскому дворянству. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись свободному разбору и почти всеобщему осужденію. Но мы вскорѣ убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось, куда слѣдуетъ. Какая перемѣна для полка, который до тѣхъ поръ славился своимъ высокимъ тономъ, согласіемъ и единодушіемъ!

Намъ было предписано обмундироваться какъ можно скорѣе согласно новымъ предписаніямъ. Вицмундиръ былъ квакерскаго покроя, изъ сукна кирпичнаго цвѣта. Я имѣлъ счастіе достать довольно этого сукна, чтобы сшить себѣ вицмундиръ, и на другое утро явился въ своей новой амуниціи, передразнивая Гатчинцевъ à s'y méprendre, вслѣдствіе чего майоръ немедленно назначилъ меня на этотъ день на караулъ. Будучи, какъ я уже сказалъ, порядочно знакомъ съ прусскою выправкою, я усвоилъ себѣ съ большою легкостію первые уроки нашихъ гатчинскихъ наставниковъ, а въ одиннадцать часовъ, на парадѣ, такъ отличился, что Императоръ подъѣхалъ ко мнѣ, чтобы меня похвалить и, проходя взадъ и впередъ мимо моего караула во дворцѣ въ теченіе этого дня, онъ каждый разъ останавливался, чтобы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенныхъ мною

на караулѣ во дворцѣ. Что за суета происходила въ немъ! Что за бѣготня вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ! Какіе странные костюмы! Какіе противорѣчащіе слухи! Императорское семейство то входило въ комнату, въ которой лежало тѣло Екатерины, то выходило изъ нея. Одни плакали и рыдали о понесенной потерѣ; другіе самонадѣянно улыбались въ надеждѣ на хорошія мѣста. Я долженъ однако же сознаться, что число послѣднихъ было мало, и что они старались скрывать тайныя свои мысли, не возбуждавшія ни малѣйшаго сочувствія въ большинствѣ тѣхъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Говорили, что Императоръ еще занятъ съ графомъ Безбородкомъ разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ; также, что послали нарочнаго за графомъ Алексѣемъ Орловымъ; и что когда будетъ обнародованъ церемоніалъ погребенія Императрицы Екатерины, будетъ велѣно выкопать тѣло Петра III, лежащее въ Невской Лаврѣ, перевезти его во дворецъ и поставить его рядомъ съ тѣломъ Императрицы.

Для того, чтобы понять побужденія, внушившія Павлу такое распоряженіе, слѣдуетъ припомнить, что Петръ III намѣревался, для того, чтобы вступить въ бракъ съ графинею Воронцовою, развестись съ Императрицею Екатериною, и вслѣдствіе того заключить и мать и сына въ Шлиссельбургъ на всю жизнь. Съ этою цѣлію былъ уже составленъ манифестъ, и лишь наканунѣ его обнародованія и ареста Екатерины и ея сына начался переворотъ. Слѣдствіемъ этого событія было, какъ припомнятъ, то, что Екатерина была провозглашена царствующею Императрицею, и что Петръ III гласно отрекся отъ престола, о чемъ подписалъ формальный документъ. За тѣмъ онъ удалился въ Ропшу, гдѣ и умеръ по прошествіи шести дней, какъ говорятъ нѣкоторые, отъ кровотеченія. Его тѣло было со всѣмъ парадомъ выставлено для публики въ теченіе шести дней, но такъ какъ онъ отказался отъ престола и уже не былъ царствующимъ Императоромъ въ минуту своей смерти, то и былъ похороненъ въ Невскомъ, а не въ крѣпостномъ соборѣ, въ которомъ находится усыпальница Императоровъ.

Всѣ эти событія засвидѣтельствованы документами, хранящимися въ архивѣ, и были хорошо извѣстны многимъ лицамъ тогда еще живымъ, которыя были ихъ очевидцами; и Императоръ Павелъ счелъ полезнымъ, чтобы остатки его отца были перенесе-

ны изъ Невской Лавры въ крѣпостной соборъ, и такъ какъ графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ событіи, возведшемъ на престолъ Екатерину, то ему велѣно было пріѣхать въ Петербугъ для участія въ погребальномъ шествіи.

По способу, которымъ Павелъ обошелся съ графомъ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ во время похоронъ (чему я самъ былъ очевидцемъ), я убѣжденъ въ томъ, что Павелъ не считалъ его лично виновникомъ гибели Петра III-го, хотя онъ конечно смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ главныхъ еще живыхъ дѣятелей переворота, возведшаго на престолъ Екатерину, и спасшаго какъ ее, такъ и самого Павла отъ пожизненнаго заключенія въ Шлиссельбургѣ, гдѣ до сихъ поръ можно видѣть жилище, для нихъ приготовленное.

Въ эпоху кончины Екатерины и вступленія на престолъ Павла Петербургъ былъ, несомнѣнно, одной изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, исключая, быть можетъ, Парижа и Лондона, которыхъ я въ то время не видалъ и потому не могъ судить о нихъ. Какъ по внѣшнему великолѣпію, такъ и по внутренней роскоши и изяществу ничто не могло сравняться съ Петербургомъ въ 1786 году—таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, и которые проводили тамъ многіе мѣсяцы, очарованные русскою веселостью, радушіемъ, гостепріимствомъ и общительностью, которыя Екатерина съ особеннымъ умѣніемъ проявляла во всей имперіи.

Внезапная перемѣна, происшедшая съ внѣшней стороны въ этой столицѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, просто невѣроятна. Такъ какъ полицейскія мѣропріятія должны были исполняться со всевозможной поспѣшностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго нѣмецкаго города XVII столѣтія. Къ несчастію, перемѣна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ, банальныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалось особенно тягостнымъ въ виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой.

Всеобщее неудовольствіе стало высказываться въ разговорахъ, въ семьяхъ, среди друзей и знакомыхъ и приняло характеръ злобы дня. Чѣмъ болѣе, однако, оно проявлялось, тѣмъ энергичнѣе становилась дѣятельность тайной полиціи. Офицеры нашего полка, который, какъ я уже упомянулъ, пользовался столь высокой репутаціей порядочности и благородства, сдѣлались предметомъ особаго наблюденія и малѣйшая ошибка во время парада наказывалась арестомъ. Въ царствованіе Екатерины арестъ, какъ мѣра наказанія для офицера, примѣнялся только въ исключительныхъ, серьезныхъ случаяхъ, такъ какъ онъ влекъ за собою военный судъ (court martial), и офицеръ, который былъ арестованъ въ наказаніе, обыкновенно, долженъ былъ выходить изъ полка. Таковъ былъ point d'honneur въ Екатерининское время. Не то было теперь, когда Павелъ всюду ввелъ гатчинскую дисциплину. Онъ смотрѣлъ на арестъ, какъ на пустякъ, и примѣнялъ его ко всѣмъ слоямъ общества, не исключая даже женщинъ. Малѣйшее нарушеніе полицейскихъ распоряженій вызывало арестъ при одной изъ военныхъ гауптвахтъ, вслѣдствіе чего послѣднія зачастую бывали совершенно переполнены.

Наши офицеры, однако же, не были расположены терпѣть подобное обращеніе и, въ нѣсколько недѣль, шестьдесятъ или семьдесятъ изъ нихъ оставили полкъ, что чрезвычайно ускорило производство, а такъ какъ я имѣлъ счастіе попасть подъ арестъ лишь разъ, и то въ обществѣ девяти другихъ полковниковъ, послѣ маневровъ въ 1799 году, то я не только остался въ полку, но и вскорѣ значительно повысился.

Сказавши теперь достаточно о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, я долженъ упомянуть и о нѣкоторыхъ изъ похвальныхъ мѣръ, принятыхъ тогда для благоденствія народа. Нѣсколько дней по восшествіи Павла на престолъ, во дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое всякій и всякая могли бросать свои прошенія на имя Императора. Это окно было въ нижнемъ этажѣ, подъ однимъ изъ коридоровъ дворца, и Императоръ самъ хранилъ у себя ключъ отъ той комнаты, и никогда не упускалъ отправляться въ нее каждое утро въ семь часовъ собирать прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ, и затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ стастъ-секретарей прочитывать ихъ себѣ вслухъ.

Его отвѣты, или рѣшенія на эти прошенія всегда были либо написаны, либо подписаны имъ, и затѣмъ сообщены *печатно* просителю посредствомъ газетъ, и это безъ замедленія. Иногда просителю предписывалось обратиться въ какое-либо вѣдомство, или судебное мѣсто, и затѣмъ извѣстить Его Величество о результатѣ этого обращенія.

Этимъ путемъ обнаружились многія вопіющія несправедливости, и въ такихъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ: никакія личныя или сословныя соображенія не могли избавить виновнаго отъ наказанія; остается только сожалѣть, что Его Величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые наказали бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ то дѣлалъ Императоръ, не подвергая его тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа. Я не помню теперь въ точности, какое преступленіе совершилъ одинъ князь Сибирскій, человѣкъ высоко постановленный, сенаторъ, пользовавшійся благосклонностію Императора. Если я не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступокъ его, каковъ бы онъ ни былъ, обнаружился черезъ прошеніе, представленное вышеуказаннымъ способомъ, и Сибирскій подвергся формальному уголовному суду и былъ приговоренъ къ разжалованію и къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Императоръ тотчасъ утвердилъ этотъ приговоръ, и онъ былъ исполненъ, при чемъ Сибирскій былъ публично вывезенъ, какъ преступникъ, изъ Петербурга черезъ Москву, къ великому ужасу тамошней знати, въ средѣ которой у него было много родственниковъ. Этотъ публичный актъ справедливости очень встревожилъ чиновниковъ, но произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе на массу народа.

Павелъ, хотя весьма строгій во всемъ, что́ касалось экономіи, и весьма озабоченный тѣмъ, чтобы облегчить тягости, лежавшія на народѣ, былъ очень щедръ въ раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги, и въ своихъ дарахъ отличался истинно царскою милостію. Во время коронаціи въ Москвѣ, онъ раздалъ многія тысячи крестьянъ изъ государственныхъ имуществъ главнымъ сановникамъ государства и всѣмъ тѣмъ, которые служили ему въ Гатчинѣ, такъ что многіе изъ нихъ сдѣлались очень богатыми. Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго

блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами; и несомнѣнно, что крестьяне считали милостію и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе. Моему отцу дали прекрасное имѣніе, съ пятью стами крестьянъ, въ Тамбовской губерніи, и я очень хорошо помню удовольствіе, выраженное по этому поводу депутаціею крестьянъ изъ имѣнія.

Прежде, чѣмъ вести далѣе мой разсказъ, нелишне будетъ ознакомить читателя съ главными лицами, привезенными Павломъ изъ Гатчины, а также съ нѣкоторыми другими, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя въ Петербургѣ, и которыя остались на сценѣ до его смерти. Прежде всѣхъ слѣдуетъ назвать Ивана Павловича Кутайсова, турченка, взятаго въ плѣнъ въ Кутайсѣ и котораго Павелъ, будучи Великимъ Княземъ, принялъ подъ свое покровительство, велѣлъ воспитать на свой счетъ и обучить бритью. Онъ впослѣдствіи сдѣлался Императорскимъ брадобрѣемъ, и въ этомъ качествѣ ежедневно имѣлъ въ рукахъ Императорскій подбородокъ и горло, что разумѣется давало ему положеніе довѣреннаго слуги. Этотъ человѣкъ былъ очень смышленъ и обладалъ большою проницательностію въ угадываніи слабостей своего господина; слѣдуетъ однако же сознаться, что онъ всегда по возможности старался о томъ, чтобы все улаживать, и постоянно предупреждалъ всѣхъ тѣхъ, которымъ приходилось говорить съ Императоромъ, о расположеніи духа своего господина. Съ теченіемъ времени онъ составилъ себѣ большое состояніе и сдѣланъ графомъ. Когда Павелъ добился титула великаго мастера Малтійскаго ордена (1798), онъ возвелъ Кутайсова въ оберъ-шталмейстеры ордена. Графъ всегда былъ готовъ всѣмъ помогать и никогда никому не сдѣлалъ зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина, и у нея было значительное состояніе. У нихъ было два сына, изъ которыхъ одинъ еще живъ и сенаторъ; другой же, отличный артиллерійскій генералъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ.

Слѣдующее за нимъ, по старшинству, мѣсто занималъ между Гатчинцами адмир. Кушелевъ, возведенный, по восшествіи на престолъ Павла, въ санъ генерала-адмирала, полезный человѣкъ, поддерживавшій расположеніе Императора къ флоту. Другой чест-

ный, услужливый добрѣйшій и благочестивый человѣкъ былъ генералъ-майоръ Обольяниновъ, сдѣланный генералъ-адъютантомъ при восшествіи на престолъ. Въ теченіе своей жизни, онъ много сдѣлалъ для того, чтобы смягчать послѣдствія вспыльчивости и строгости Павла. Къ концу царствованія, онъ былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Сената, и много старался о томъ, чтобы возстановить безпристрастіе въ судахъ. Павелъ любилъ и уважалъ его до такой степени, что никогда не заподозрѣвалъ людей близкихъ съ Обольяниновымъ, который и самъ ни въ комъ никогда не подозрѣвалъ ничего дурного. Это всѣмъ извѣстное обстоятельство впослѣдствіи сдѣлало его домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ замыслѣ. Странно сказать, что я, будучи въ большой милости у г-на Обольянинова, ни разу не былъ ни на одномъ изъ его вечеровъ, хотя мой отецъ бывалъ тутъ почти каждый вечеръ, чтобы играть съ нимъ въ вистъ. Этотъ прекрасный человѣкъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что когда онъ удалился въ Москву по смерти Павла, онъ былъ избранъ тамъ въ губернскіе предводители дворянства, и занималъ эту почетную должность до конца своей жизни.

Я уже упомянулъ о баронѣ Николаи, который до смерти Императора остался его статсъ-секретаремъ, библіотекаремъ и хранителемъ его кабинета. Мой дядя *Плещеевъ* также остался при Императорѣ, но умеръ отъ чахотки въ Монпелье. Генералъ Донауровъ также былъ незначительнымъ Гатчинскимъ морякомъ, и то же самое можно сказать о полковникѣ Кол—вѣ, добродушномъ гусарѣ и недурномъ фрунтовикѣ, главнымъ образомъ замѣчательномъ потому, что у него была очень красивая жена, неслишкомъ жестокая къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Она заставляла своего мужа держать для этихъ господъ весьма веселый домъ. Полковникъ Котлубицкій изъ конной артиллеріи былъ также Гатчинецъ, и часто рисковалъ своимъ положеніемъ и милостію къ себѣ Павла для того, чтобы спасать отъ наказанія молодыхъ офицеровъ. Я испыталъ это на самомъ себѣ.

Между новыми дѣйствующими лицами, выступившими на сцену, слѣдуетъ мнѣ также упомянуть о двухъ Великихъ Князьяхъ, Александрѣ и Константинѣ. Александръ былъ назначенъ шефомъ

Семеновскаго, а Константинъ Измайловскаго полка, пѣшей гвардіи; Александръ, сверхъ того, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Ему были подчинены военный комендантъ города, комендантъ крѣпости и Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ. Каждое утро въ семь часовъ, и каждый вечеръ въ восемь, онъ подавалъ Императору рапортъ. При этомъ слѣдовало отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и въ его окрестностяхъ, и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. Великій Князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его былъ робокъ; сверхъ того, онъ былъ близорукъ и немного глухъ; поэтому можно себѣ представить, что занимаемая имъ должность не была синекурою и стоила ему многихъ безсонныхъ ночей. Оба Великіе Князья смертельно боялись своего отца, и когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. Они, также, искали покровительства у другихъ, вмѣсто того, чтобы имѣть возможность (какъ можно было бы ожидать по высокому ихъ положенію) сами его оказывать. Поэтому они внушали мало уваженія, и не были популярны. Оба князя Чарторыйскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ Великимъ Князьямъ, Адамъ—къ Александру, Константинъ—къ Константину; это возбудило много толковъ, кончившихся тѣмъ, что оба князя испросили себѣ увольненіе отъ должности.

Множество полковниковъ, майоровъ и офицеровъ изъ Гатчинскихъ войскъ, какъ я уже сказалъ, были включены въ разные гвардейскіе полки, и такъ какъ они были всѣ лично извѣстны Императору и имѣли связи съ придворномъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ Императору, и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Это весьма вооружило насъ противъ этихъ господъ; мы вскорѣ открыли, что они доносили о малѣйшемъ случаѣ, о малѣйшемъ вырвавшемся словѣ. Не стоитъ исчислять всѣхъ этихъ именъ; объ одномъ изъ нихъ, однако же, слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ онъ впослѣдствіи сдѣлался весьма важнымъ человѣкомъ. То былъ Аракчеевъ, гатчинскій артиллерійскій полковникъ, имя котораго, какъ пугала Павловскаго и Александровскаго царствованія, занесется въ исторію. По наруж-

ности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомію жилъ, мышцъ и т. д. Сверхъ того, онъ какъ-то судорожно морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону; цвѣтъ лица его былъ нечистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ большой, лобъ нависшій. Чтобы дорисовать его портретъ, у него были впалые сѣрые глаза, и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости. Будучи сыномъ сельскаго дворянина, онъ былъ принятъ кадетомъ въ артиллерійское училище, гдѣ онъ до того отличился своими способностями и своимъ прилежаніемъ, что вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи; но онъ оказался такимъ тираномъ и такъ жестоко обращался съ кадетами, что вскорѣ былъ переведенъ въ артиллерійскій полкъ, часть котораго, а при ней Аракчеевъ, попала въ Гатчину.

Тутъ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе Павла и по своему необычайному уму, строгости и неутомимой бдительности, сдѣлался фактотумомъ гарнизона, страшилищемъ всѣхъ живущихъ въ Гатчинѣ и пріобрѣлъ полное довѣріе Великаго Князя. Нужно сознаться, что онъ былъ искренно преданъ своему повелителю, чрезвычайно усерденъ къ службѣ и заботливъ о личной безопасности Императора. У него былъ большой талантъ на то, чтобы вводить во всякое управленіе методъ и порядокъ, и чтобы поддерживать его со строгостію, доходившею до фанатическаго тиранства. Таковъ былъ Аракчеевъ. При восшествіи на престолъ Павла, онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, назначенъ шефомъ Преображенскаго пѣшаго полка и Петербургскимъ комендантомъ. Такъ какъ онъ прежде служилъ въ артиллеріи, то и сохранилъ большое вліяніе на эту отрасль военнаго вѣдомства и наконецъ былъ назначенъ начальникомъ всей артиллеріи, и въ этомъ департаментѣ оказалъ важныя услуги. Человѣкъ этотъ былъ до того вспыльчиваго и тиранического характера, что весьма милая молодая женщина, на которой онъ женился, находя невозможнымъ жить съ нимъ, оставила его домъ

и вернулась къ своей матери. Весьма счастливо то обстоятельство, что люди жестокіе, мстительные и тираническіе всегда трусы и боятся смерти. Аракчеевъ не составлялъ исключенія изъ этого правила; онъ всегда былъ окруженъ стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи сряду въ одной кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренною кухаркою, которая была его любовницею, и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ долженъ былъ пробовать всякое кушанье, прежде чѣмъ онъ его касался; этотъ чиновникъ исполнялъ ту-же обязанность за завтракомъ и ужиномъ. Этотъ жестокій человѣкъ былъ совершенно неспособенъ на нѣжную страсть, и въ то же время велъ жизнь крайне развратную.

Тѣмъ не менѣе Аракчеевъ имѣлъ два большихъ достоинства. Онъ былъ безпристрастенъ въ исправленіи суда и бережливъ на казенныя деньги. Въ царствованіе Павла онъ конечно много содѣйствовалъ тому, чтобы раздражить общественное мнѣніе и возбудить неудовольствіе противъ правительства; но Императоръ, человѣкъ по природѣ великодушный, проницательный и умный, сдерживалъ строгость Аракчеева и наконецъ удалилъ его. Но когда, послѣ смерти Павла, Александръ вновь призвалъ его на службу и далъ его вліянію распространиться на всѣ отрасли управленія до того, что онъ на дѣлѣ сталъ первымъ министромъ, графъ Аракчеевъ поистинѣ сдѣлался бичомъ всего государства и довелъ Александра до того шаткаго положенія, въ которомъ онъ находился въ минуту своей смерти въ Таганрогѣ, и которое разрѣшилось бунтомъ, вспыхнувшимъ при восшествіи на престолъ Императора Николая, первою мѣрою котораго, для успокоенія умовъ, было увольненіе и удаленіе графа Аракчеева.

Изъ остальныхъ правительственныхъ лицъ этого царствованія, упомяну только о графѣ Растопчинѣ, впослѣдствіи, въ 1812 году, Московскомъ генералъ-губернаторѣ, человѣкѣ весьма талантливомъ и энергическомъ, насмѣшливомъ и ѣдкомъ. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ и, на короткое время, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Панинъ, человѣкъ также талантливый и благородный, но холодный и гордый, нѣкоторое время занималъ ту же должность. Адмиралъ Рибасъ, мальтіецъ, отличался въ турецкихъ войнахъ при Екатеринѣ вмѣстѣ съ графомъ Паленомъ и адмираломъ Литтою. Онъ былъ человѣкъ весьма предпріимчивый... Заключу этотъ списокъ генераломъ Нелидо-

вымъ, родственникомъ молодой дѣвушки, упомянутой выше, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на Императора и который, въ союзѣ съ Екатериною Ивановною, прилагалъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые попадали въ опалу. А теперь два слова о дамахъ двора.

Мы уже видѣли, какое положеніе баронесса, впослѣдствіи графиня и княгиня, Ливенъ занимала при дворѣ. Она была воспитательницею Императорскихъ дѣтей и была одарена самыми рѣдкими качествами ума и характера; откровенная и твердая, она заставляла самого Императора уважать ея мнѣніе. Она впослѣдствіи доставила двумъ своимъ друзьямъ, графинѣ Паленъ и г-жѣ фонъ Ренне, должность штатсъ-дамъ при обѣихъ Великихъ Княгиняхъ, Елизаветѣ и Аннѣ. Я долженъ упомянуть тутъ и о томъ, что мужъ первой изъ этихъ дамъ, графъ Паленъ, также былъ приглашенъ въ Петербургъ, назначенъ командиромъ конногвардейскаго полка и инспекторомъ тяжелой кавалеріи; онъ впослѣдствіи, совмѣстно съ Великимъ Княземъ Александромъ, былъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, а во время смерти Павла также министромъ иностранныхъ дѣлъ и управляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ, такъ что на дѣлѣ въ его рукахъ сосредоточивались ключи ко всѣмъ государственнымъ тайнамъ, и что никто не могъ ступить шага безъ его вѣдома.

Ознакомивши такимъ образомъ читателя съ необычайнымъ характеромъ этого страннаго времени и съ большею частію главныхъ его дѣятелей, возвращусь къ моему разсказу и постараюсь изложить въ хронологическомъ порядкѣ событія краткаго царствованія Павла Петровича *).

Дальнѣйшая характеристика Императора.

В. Галль 23 Февраля 1847.

Я опять тутъ, по прошествіи семи лѣтъ, но при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ. Я теперь вдовецъ, и у меня

*) Домашнія огорченія, приключившіяся въ то время, какъ рукопись была доведена до этого мѣста, помѣшала генералу С—у соблюдать этотъ хронологическій порядокъ. *Прим. Англ. изд.*

нѣтъ болѣе моей милой Юліи, чтобы придать мнѣ жизни и бодрости, и возбуждать во мнѣ нравственную и умственную дѣятельность. По ея желанію принялся я писать этотъ разсказъ; она находила удовольстіе въ его чтеніи, а доставить ей удовольстіе было единственнымъ желаніемъ моей жизни. Этого побужденія у меня болѣе нѣтъ; но какъ бы я ни чувствовалъ себя мало расположеннымъ продолжать мой трудъ, мнѣ нужно однако же постараться о его окончаніи и довести Императора Павла до конца его земного поприща.

Я изобразилъ Павла человѣкомъ поистинѣ благочестивымъ исполненнымъ страха Божія; онъ дѣйствительно былъ человѣкъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ, любитель правды, ненавистникъ лжи и обмана, заботливъ о правосудіи и гонитель всякаго злоупотребленія власти, въ особенности лихоимства и взяточничества. Къ несчастію, всѣ эти добрыя и похвальныя качества становились совершенно безполезными, и для него и для государства, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія мѣры, крайней раздражительности и неразумной и нетерпѣливой требовательности безусловнаго повиновенія. Малѣйшее колебаніе въ исполненіи его приказаній, малѣйшая неправильность по службѣ влекли за собою строжайшій выговоръ, и даже наказаніе, и это безъ всякого различія лицъ. На Павла не легко было имѣть вліянія; ибо, считая себя всегда правымъ, онъ весьма упорно держался своихъ мнѣній, и онъ былъ до того раздражителенъ и такъ легко приходилъ въ гнѣвъ отъ малѣйшаго противорѣчія, что часто казался совершенно внѣ себя. Онъ вполнѣ сознавалъ это и глубоко этимъ огорчался, оплакивая собственную вспыльчивость, но не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы побѣдить себя.

Стремительный характеръ Павла и его чрезмѣрная взыскательность и строгость къ военнымъ, дѣлали службу весьма непріятною. Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ да-

вать взаймы деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе его, совсѣмъ оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ какъ другіе, оставивъ армію, переходили въ гражданскую службу. Вслѣдствіе всего этого, производство шло весьма быстро для тѣхъ, которые имѣли крѣпкіе нервы; я, напримѣръ, подвигался очень скоро. Отъ чина подпоручика, который я имѣлъ въ 1796 году, при восшествіи на престолъ Императора, я, черезъ всѣ промежуточныя ступени, въ Іюнѣ 1799 года добрался до чина полковника, и изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, состоявшихъ въ полку въ первый изъ этихъ сроковъ, лишь я, да еще одинъ остались въ немъ до смерти Императора. Не лучше, если не хуже, было въ тѣхъ полкахъ, въ которыхъ тираннія Аракчеева и прочихъ Гатчинцевъ менѣе сдерживалась, чѣмъ въ нашемъ. Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе.

Люди знатные, конечно, тщательно скрывали свое неудовольствіе, но чувство это иногда прорывалось наружу, и, во время коронаціи въ Москвѣ, Императоръ не могъ его не замѣтить. За то нисшія сословія, «милліоны», съ такимъ восторгомъ привѣтствовали Императора при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ, что онъ приписывалъ холодность и видимое отсутствіе привязанности со стороны дворянства лишь нравственной испорченности и якобинскимъ наклонностямъ. Что касается до этой испорченности, онъ былъ конечно правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ; Павелъ же, по честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе, что онъ часто говорилъ, что, «будучи всегда готовъ и радъ доставить законный судъ и полное оправданіе всякому, кто считалъ себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ».

Приведу тутъ, безъ извиненія, анекдотъ изъ царствованія Павла, обрисовывающій странности его характера и способа

дѣйствій. Я уже упомянулъ о томъ, что въ прежнее время Русская армія имѣла свѣтло-зеленые мундиры, а флотъ бѣлые, и что Павелъ замѣнилъ оба эти цвѣта темно-зеленымъ, синеватаго оттѣнка, для того чтобы сдѣлать его болѣе схожимъ съ синимъ цвѣтомъ Прусскихъ мундировъ. Такъ какъ краска эта приготовлялась изъ минеральныхъ веществъ, осѣдающихъ на дно чановъ, то оказалось весьма труднымъ приготовить большое количество сукна въ точности одинаковаго оттѣнка. Войска между тѣмъ должны были явиться въ новыхъ мундирахъ въ извѣстный день, на маневры въ Гатчинѣ, и нужно было купить большое количество сукна въ кускахъ. Но все дѣло происходило такъ спѣшно, что коммисаріатскій департаментъ не имѣлъ времени подобрать для каждой бригады и дивизіи особый оттѣнокъ, такъ что во многихъ полкахъ оказалось нѣкоторое различіе въ цвѣтѣ мундировъ. Павелъ, тотчасъ это замѣтивъ, весьма разсердился, и тутъ же, приложивъ къ образчику свою печать, послалъ мануфактуръ-коллегіи рескриптъ, приказывая, чтобы казенныя фабрики сукна дѣлали всѣ точно такого цвѣта, какъ этотъ образчикъ. Мой отецъ былъ тогда вице-президентомъ этой коллегіи и на дѣлѣ управлялъ всѣмъ этимъ департаментомъ, ибо президентъ, князь Юсуповъ, никогда ничего не дѣлалъ. Императоръ поэтому велѣлъ генералъ-лейтенанту Ламбу, президенту военной коллегіи, поручить это дѣло особому вниманію моего отца; а этотъ послѣдній, вслѣдствіе того, написалъ ко всѣмъ казеннымъ фабрикамъ циркуляръ, съ изложеніемъ воли Государя и требованіемъ немедленнаго отвѣта.

Отвѣты были получены почти одновременно, все единогласно подтверждали, что, по свойству краски, невозможно изготовить сукно крашеное въ кускахъ совершенно однороднаго цвѣта, и мой отецъ сообщилъ это генералу Ламбу. Въ самое это время въ Петербургѣ господствовалъ родъ гриппа, часто принимавшаго весьма дурной исходъ, и мой отецъ захворалъ этою болѣзнію, при томъ въ такой сильной степени, что съ нимъ сдѣлался сильный жаръ и расположеніе къ бреду. Разумѣется, ему былъ предписанъ безусловный покой.

Между тѣмъ генералъ Ламбъ повезъ свой портфель въ Гатчину, гдѣ тогда жилъ Императоръ, и по пріѣздѣ своемъ засталъ Его Величество на конѣ, собирающимся на смотръ. Императоръ

ИМПЕРАТРИЦА

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА

Портретъ работы Ритта.

спросилъ, нѣтъ ли чего-либо новаго или важнаго, и генералъ отвѣтилъ ему:—Ничего, кромѣ письма отъ вице-президента С-а, съ отвѣтомъ отъ фабрикантовъ, которые всѣ извѣщаютъ его, что рѣшительно невозможно окрашивать сукно въ кускахъ въ совершенно однородный цвѣтъ. «Какъ, невозможно!» сказалъ Императоръ, «очень хорошо!» Не сказавши другого слова, Павелъ сошелъ съ лошади, пошелъ во дворецъ и немедленно отправилъ нарочнаго, фельдъ-егеря, къ графу Палену, военному губернатору Петербурга, съ слѣдующимъ приказаніемъ:

«Выслать изъ города тайнаго совѣтника С-а, уволеннаго отъ службы, и немедленно отправить назадъ посланнаго съ донесеніемъ объ исполненіи этого приказанія».

(подписано) ПАВЕЛЪ.

Я сидѣлъ надъ бѣднымъ моимъ отцомъ въ комнатѣ близъ его кабинета, когда оберъ-полиціймейстеръ, генералъ-маіоръ Лисановичъ, близкій другъ нашего дома, вошелъ и спросилъ меня: «Что дѣлаетъ вашъ отецъ?» Я отвѣчалъ: «лежитъ въ сосѣдней комнатѣ и страшусь, не на смертномъ ли одрѣ.—«Неужели!» воскликнулъ Лисановичъ: «тѣмъ не менѣе, я долженъ его видѣть, ибо имѣю собщить ему немедленно приказаніе отъ Императора.» Съ этими словами онъ вошелъ въ спальню, и я послѣдовалъ за нимъ.

Лицо несчастнаго моего отца было совершенно багровое, и онъ едва сознавалъ то, что происходило вокругъ него. Лисановичъ два раза окликнулъ его: «Александръ Александровичъ!» и отецъ, немного очнувшись, сказалъ: «Кто вы такой? Что вамъ нужно?»—«Я—Лисановичъ, оберъ-полиціймейстеръ. Узнаете вы меня?» Отецъ мой отвѣтилъ: «Ахъ, Василій Ивановичъ, это вы. Я очень боленъ: что вамъ нужно?»—«Вотъ вамъ приказаніе отъ Императора». Отецъ мой развернулъ бумагу, а я сталъ такъ, что могъ въ одно время и прочесть ее, и слѣдить за ея дѣйствіемъ на лицѣ отца. Онъ прочелъ бумагу, протеръ глаза и воскликнулъ: «Господи! Да что же я сдѣлалъ?»—«Я ничего не знаю, кромѣ того, что я долженъ выслать васъ изъ Петербурга».—«Но вы видите, любезный другъ, въ какомъ я положеніи».—«Этому горю я пособить не могу; я долженъ повиноваться. Я оставлю въ домѣ полицейскаго, чтобы засвидѣтельство-

вать вашъ отъѣздъ, а самъ немедленно отправлюсь къ графу Палену донести о вашемъ положенiи: совѣтую вамъ послать къ нему и вашего сына».

Я возблагодарилъ Бога, видя, что мой несчастный отецъ становится блѣднымъ, бывъ передъ тѣмъ совершенно багровымъ, ибо боялся, чтобы съ нимъ не сдѣлалось апоплексическаго удара. Дорогая матушка, которая въ трудныя минуты была исполнена энергiи и присутствiя духа, зная, что Императоръ сначала будетъ неумолимымъ, немедленно послала на нашу дачу, расположенную миляхъ въ двухъ отъ города, приказанiе, чтобы въ комнатѣ садовника, которая топилась, была приготовлена постель: это было зимою, но погода стояла не слишкомъ холодная; она также велѣла приготовить карету и послала за докторомъ.

Я отправился къ графу Палену, который былъ очень привязанъ къ моему отцу и во многихъ случаяхъ бывалъ ко мнѣ очень добръ. «Вотъ хорошая штука», сказалъ онъ, «хотите стаканъ лафита? *)»—«Не нужно мнѣ лафита, нужно мнѣ только, чтобы вы оставили моего отца на мѣстѣ».—«Это невозможно, dites à votre père qu'il sait combien je l'aime et que je n'y puis rien, qui si l'un de nous deux doit aller au diable, c'est lui qui doit y aller. Qu'il sorte de la ville, coûte que coûte; après cela nous verrons ce qu'on peut faire. Mais pourquoi diable est-il renvoyé?» спросилъ графъ. «Ni moi ni mon père n'en savons rien» **). Я пожалъ ему руку и уѣхалъ.

Вернувшись домой, я нашелъ все готовымъ для отъѣзда моего отца; дорогая моя матушка распорядилась всѣмъ, закутала его въ мѣховую одежду, велѣла послать постель въ каретѣ, въ которую его внесли, и сама сѣла съ нимъ. Докторъ слѣдовалъ за каретою въ другомъ экипажѣ. Три часа послѣ того, какъ было отдано приказанiе, отецъ мой уже проѣхалъ городскую заставу. Полицейскiй чиновникъ донесъ объ этомъ Палену, какъ губер-

*) Это было постоянно шуткою графа—предлагать стаканъ лафиту всякому, кто попадалъ въ бѣду.

**) Скажите отцу вашему, онъ знаетъ, какъ я его люблю, но тутъ ничего не могу сдѣлать. Коль скоро одинъ изъ насъ двоихъ долженъ пойти къ чорту, то пусть это будетъ онъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ выѣхать изъ города; а тамъ увидимъ, что можно сдѣлать. Но за какимъ чортомъ его высылаютъ?—Ни я, ни отецъ мой того не знаемъ.

натору, а этотъ послѣдній отослалъ обратно фельдъ-егеря къ Императору съ донесеніемъ о томъ, что приказаніе его исполнено.

Вечеромъ я поѣхалъ провѣдать отца; и матушка, и докторъ были съ нимъ, и никакихъ серіозныхъ послѣдствій не было повода опасаться. Но, увы, съ нимъ сдѣлался легкій параличъ, отъ котораго онъ никогда не оправился. Два дня послѣ того, какъ это случилось, было повѣщено, что на другое утро прибудутъ въ городъ Императоръ и весь дворъ; по обыкновенію былъ назначенъ караулъ, и случилась моя очередь. Изъ ста шести человѣкъ, составлявшихъ мой эскадронъ, девяносто шесть должны были явиться верхомъ на парадѣ: число весьма значительное. Такъ какъ обыкновенно, когда подвергался наказанію кто-либо извѣстнаго имени, всѣ прочіе, носящіе то же имя, также подвергались опалѣ, то мое появленіе на парадѣ въ то время, какъ только что подвергался увольненію и изгнанію мой отецъ, было дѣломъ довольно щекотливымъ. Но дѣлать было нечего, я долженъ былъ явиться со всѣмъ моимъ эскадрономъ. Правда, я зналъ, что онъ хорошо выученъ; но могли случиться ошибки, и послѣдствія ихъ могли оказаться для меня весьма важными; и не только для меня, но и для моего эскадрона, и даже для всего полка: такъ бывало не разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Нашъ полковой командиръ, князь Голицынъ, велѣлъ наканунѣ вывести мой эскадронъ, чтобы сдѣлать репетицію парада, и офицеры и рядовые были такъ взволнованы, что все шло неладно; генералъ былъ въ отчаяньи; я попросилъ его, однако же, успокоиться и не дѣлать выговоровъ и обѣщалъ ему, что все пойдетъ хорошо. Я самъ похвалилъ рядовыхъ, велѣлъ имъ отправиться въ баню, затѣмъ плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается офицеровъ, подвергавшихся наибольшей опасности, я попросилъ ихъ не думать ни о чемъ, а только прислушиваться къ командѣ. Я въ казармахъ отдалъ строгое приказаніе, чтобы солдатъ не будили, пока я не пріѣду самъ. Въ то время солдаты всѣ носили букли и толстыя косички, со множествомъ пудры и помады, и прическа занимала долгое время, такъ какъ у насъ было лишь по два парикмахера на эскадронъ; такъ что солдаты, когда они приготовлялись къ параду, принуждены были всю ночь не спать изъ-за своей завивки. Это никуда не годилось бы въ моемъ опасномъ положеніи, при которомъ все зависѣло отъ со-

стоянія нервовъ моихъ солдатъ; и я поэтому собралъ всѣхъ парикмахеровъ полка, чтобы причесать мой эскадронъ, что дало солдатамъ возможность хорошенько выспаться. Въ пять часовъ утра я велѣлъ ихъ разбудить, а къ девяти часамъ люди и лошади были всѣ готовы, и когда я выстроилъ ихъ передъ казармами, смотрѣли весело и бодро. Я сѣлъ на своего красиваго гнѣдого мерина, Le Chevalier d'Eon, поздоровался съ людьми затѣмъ далъ имъ пароль, и мы отправились ко дворцу.

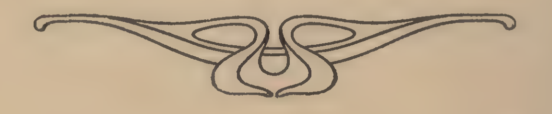
Сначала Императоръ Павелъ смотрѣлъ пасмурно, но я съ удвоенною энергіею далъ пароль, офицеры и солдаты исполнили свое дѣло превосходно, и Его Величество, къ собственному своему удивленію, полагаю я, былъ такъ доволенъ, что онъ два раза подъѣзжалъ меня хвалить. Все, однимъ словомъ, пошло хорошо и для меня, и для эскадрона, и для моего отца; да и вообще для всѣхъ, кому пришлось говорить въ этотъ день съ Его Величествомъ: ибо гроза такого рода падала на всѣхъ, кто къ нему приближался, безъ различія пола, не исключая и собственнаго его семейства.

Я теперь долженъ попросить читателя сопроводить меня опять въ Гатчину, и мы должны вернуться къ той минутѣ, когда Императоръ подписалъ приказъ объ увольненіи и изгнаніи моего отца. Тѣмъ же почеркомъ пера онъ назначилъ сенатора Аршеневскаго вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи, на мѣсто моего отца, и особымъ рескриптомъ предписалъ ему немедленно привести въ исполненіе свои приказанія относительно цвѣта сукна. Аршеневскій былъ весьма разумный и прекрасный человѣкъ, и всѣ знали его за близкаго друга и почитателя моего отца. Это зналъ и самъ Императоръ, ибо они въ Сенатѣ во многихъ случаяхъ подавали голосъ вмѣстѣ, и Павелъ часто склонялся на ихъ сторону; поэтому въ назначеніи Аршеневскаго очевидно не выразилось гнѣва противъ моего отца. Не откладывая ни на часъ (ибо самыя минуты были важны), новый вице-призедентъ занялъ свое мѣсто въ коллегіи. Предсѣдатель, князь Юсуповъ, не могъ ни объяснить того, что случилось, ни дать какого-либо совѣта относительно того, что слѣдуетъ дѣлать. Аршеневскій самъ разсмотрѣлъ дѣло, затѣмъ поѣхалъ посовѣтоваться съ моимъ отцомъ и, убѣдившись въ томъ, что кромѣ того, что уже сдѣлалъ мой отецъ, дѣлать больше нечего, онъ для того, чтобы не подвергаться дальнѣйшей отвѣтственности, подалъ Императору

прошеніе объ увольненіи, приложивъ къ нему письмо къ Его Величеству, объясняющее его поводы къ этому шагу. Въ то же время Беклешовъ, оберъ-прокуроръ Сената, который на дѣлѣ былъ министромъ юстиціи, посовѣтовалъ моему отцу написать къ Императору краткое письмо съ выраженіемъ своего горя о томъ, что онъ навлекъ на себя его тяжкій гнѣвъ. Это письмо и прошеніе Аршеневскаго онъ съ намѣреніемъ вручилъ Павлу немедленно по возвращеніи его съ парада, на которомъ я удостоился такой похвалы. Императоръ самъ только что выздоровѣлъ отъ гриппа, еще чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и слыша, какъ жестоко былъ исполненъ приговоръ объ изгнаніи, онъ очень взволновался. Онъ тотчасъ призвалъ оберъ-прокурора и со слезами на глазахъ попросилъ его немедленно съѣздить къ моему отцу, извиниться за него въ его опрометчивости, въ жестокой несправедливости, имъ совершенной, и просить его прощенія. Послѣ этой милостивой вѣсти онъ посылалъ ежедневно, иногда по два раза, узнавать о здоровьѣ моего отца, и когда онъ наконецъ былъ въ силахъ выѣзжать и явиться къ Его Величеству, произошла весьма трогательная сцена примиренія въ присутствіи Беклешова, при чемъ моему отцу, разумѣется, была возвращена его прежняя должность.

Этотъ случай весьма повредилъ Императору въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ мои родители были оба весьма любимы и уважаемы. Дѣйствительно, не было въ Петербургѣ людей, пользующихся болѣе общимъ расположеніемъ, и они вполнѣ его заслуживали по своей добротѣ и участливости къ нуждающимся и угнетеннымъ, и по своей внимательности ко всѣмъ. Въ теченіе немногихъ дней опалы моего отца и вслѣдъ за его возвращеніемъ, о немъ безпрестанно навѣдывались; и негодованіе, возбужденное испытанною имъ несправедливостію, выражалось громко и рѣзко, какъ въ разговорахъ, такъ и въ письмахъ, получаемыхъ изъ Москвы и изъ провинціи. Можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы въ странѣ, подчиненной самодержавной власти, не ограниченной конституціонными гарантіями и обычаями и при государѣ, гнѣвъ котораго былъ неукротимъ, могли пользоваться такою свободою порицанія. Но старинный Русскій духъ былъ еще живъ, и его не могли подавить ни строгость, ни полицейскія мѣры.

При благородномъ характерѣ Павла, при постоянномъ желаніи его быть справедливымъ, при его великодушіи, сколь иной оборотъ могли бы принять дѣла, если бы графъ Паленъ воспользовался тяжкою болѣзнію отца и донесеніемъ полиціймейстера, чтобы дать Императору время одуматься и обсудить причину своего гнѣва! Но въ планы графа Палена и тѣхъ, кто дѣйствовалъ съ нимъ за одно, не входило, чтобы Павелъ обращался на добро: его судьба была предрѣшена, и онъ долженъ былъ погибнуть. Когда Палену приходилось иногда слышать не совсѣмъ умѣренную критику дѣйствій Императора, онъ, обыкновенно, останавливалъ говорившихъ словами: «Messieurs! Jean f... qui parle, brave homme qui agit».

ЧАСТЬ II.

Карлсруэ, 22/10 Апрѣля 1847.

Въ концѣ первой части (написанной при жизни моей дорогой Юліи), я выражалъ мое желаніе попытаться «изобразить въ хронологическомъ порядкѣ событія царствованія Павла». Этого я теперь исполнить не въ силахъ. У меня недостаетъ на это бодрости; да къ тому же у меня нѣтъ подъ руками моихъ бумагъ и записокъ, или такихъ историческихъ сочиненій, которыя дали бы мнѣ возможность соблюдать въ моемъ разсказѣ строгій хронологическій порядокъ. Поэтому я и не стану стараться о немъ, и читатель долженъ будетъ удовольствоваться рядомъ отдѣльныхъ анекдотовъ, передаваемыхъ очевидцемъ и набросанныхъ безъ метода и порядка, по мѣрѣ того, какъ я припоминалъ ихъ.

Вернемся на минуту въ Гатчину, въ это страшное мѣсто, откуда былъ присланъ рескриптъ объ увольненіи и изгнаніи моего отца, и которое было колыбелью Павловской арміи и флота, ихъ организаціи, учрежденій, выправки и дисциплины. Гатчина была его любимою осеннею резиденціею, и тутъ онъ устраивалъ свои годовые военные маневры. Для сѣверной деревенской резиденціи она великолѣпна. Дворецъ, или точнѣе замокъ, просторенъ и прочно построенъ изъ тесаннаго камня, въ прекрасномъ стилѣ; паркъ очень обширенъ, и въ немъ много превосходныхъ старыхъ дубовъ. Прозрачный потокъ вьется по парку и по садамъ, во многихъ мѣстахъ расширяясь въ обширные пруды, которые почти можно было бы назвать озерами; вода въ нихъ до того чиста и прозрачна, что можно считать камешки на глубинѣ двѣнадцати или пятнадцати футовъ, и въ ней плаваютъ большія форели и стерляди.

Павелъ былъ весьма склоненъ къ романтизму и любилъ все то, что имѣло рыцарскій оттѣнокъ. Къ этому въ немъ присоединялся вкусъ къ великолѣпію и роскоши, пріобрѣтенный имъ

во время его пребыванія въ Парижѣ и въ Берлинѣ. Въ Гатчинѣ происходили, какъ я уже упомянулъ, большіе маневры и смотры и, пока они продолжались, большія увеселенія; концерты, балы, театральныя представленія безпрерывно слѣдовали одни за другими; казалось, что всѣ удовольствія Версаля и Санъ-Суси сосредоточились въ Гатчинѣ. Но, увы! Эти празднества часто помрачались строгостями всякаго рода, какъ, напримѣръ, арестомъ офицеровъ или мгновенною ссылкою ихъ въ отдаленные полки. Случались также несчастія, какія бываютъ нерѣдко на большихъ кавалерійскихъ маневрахъ, и это весьма раздражало Императора. Но хотя онъ всегда приходилъ въ гнѣвъ отъ такихъ случаевъ, однако постоянно выказывалъ много человѣколюбія, когда кто-либо былъ серьезно раненъ.

Однажды, когда я былъ на караулѣ во дворцѣ, произошла забавная сцена. Я уже упомянулъ о томъ, что офицерская караульная комната была около самаго кабинета Государя, въ которомъ я часто слышалъ его молитвы. Около самой офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой стоялъ караулъ, а изъ этой прихожей длинный, узкій коридоръ велъ во внутренность дворца, и тутъ былъ поставленъ часовой, чтобы вызывать караулъ каждый разъ, какъ Императоръ шелъ оттуда. Вдругъ я услышалъ крикъ часового: «На караулъ!» выбѣжалъ изъ моей комнаты, и солдаты едва успѣли схватить свои ружья, а я обнажить мою шпагу, какъ дверь коридора открылась настежь, а Императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмакъ, съ очень высокимъ каблукомъ, полетѣлъ черезъ голову Его Величества, чуть-чуть ея не задѣвши. Императоръ черезъ мою комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ, надѣла его и вернулась туда же, откуда пришла.

На слѣдующій день, когда я снималъ караулъ, Его Величество пришелъ и шепнулъ мнѣ: «Mon cher, nous avons eu du grabuge hier»—«Oui, Sire» *), отвѣтилъ я. Меня очень позабавилъ этотъ случай, и я не сказалъ о немъ никому, ожидая, что за нимъ послѣдуетъ что-либо не менѣе забавное, и въ этомъ ожиданіи

*) «Мой милый, у насъ вчера была ссора».—Точно такъ, Государь.

я не былъ обманутъ. Въ тотъ же день вечеромъ на балу, Императоръ подошелъ ко мнѣ, словно къ близкому другу и повѣренному, и сказалъ: «Mon cher, faites danser quelque chose de joli» *). Я тотчасъ понялъ, что Его Величеству угодно, чтобы я потанцовалъ съ Е. И. Нелидовою. Что могла она протанцовать, кромѣ менуэта, или гавота сороковыхъ годовъ? Я спросилъ дирижера оркестра, можетъ ли онъ сыграть менуэтъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, я велѣлъ ему начать его, и тотчасъ пригласилъ Нелидову, которая, какъ припомнитъ читатель, отличалась своими танцами въ Смольномъ монастырѣ. Мы начали танцовать. Какую грацію выказывала она, какъ великолѣпно выдѣлывала па и производила обороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ прелестной крошки—точь-въ-точь знаменитая Лантини, учившая ее. Да и я не позабылъ уроковъ г. Канціани, моего танцовальнаго учителя, и при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы должно быть имѣли точь-въ-точь видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ восторгѣ и слѣдилъ за нами въ теченіе всего менуэта, поощряя насъ восклицаніями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!» *) Послѣ того, какъ первый танецъ былъ благополучно оконченъ, Императоръ попросилъ меня устроить другой и привлечь къ нему другую пару. Вопросъ теперь былъ въ томъ, кого мнѣ выбрать, и кто захочетъ выставить себя на показъ при такой смущающей обстановкѣ? Въ нашемъ полку былъ офицеръ, по имени Хитровъ; я вспомнилъ, что онъ также бралъ уроки у Канціани вмѣстѣ со мною, когда былъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ; и такъ какъ онъ тогда всегда носилъ красные каблуки, я прозвалъ его камергеромъ. Никто не могъ лучше соотвѣтствовать моимъ намѣреніямъ. Поэтому я сообщилъ ему желаніе Его Величества. Сперва Хитровъ колебался, хотя онъ очевидно былъ радъ случаю выставить себя на показъ; онъ согласился послѣ минутнаго размышленія и спросилъ меня, какую ему выбрать даму. «Возьмите старую дѣвицу Валуеву», сказалъ я ему, и онъ такъ и сдѣлалъ; я, разумѣется, снова пригласилъ Нелидову, и танецъ былъ исполненъ весьма успѣшно и къ величайшему удовольствію Его Величества.

---

*) Мой милый, устройте, чтобъ танцовали что-нибудь хорошее.

**) Восхитительно, прекрасно, отлично.

Я за этотъ подвигъ былъ награжденъ лишь забавою, которую онъ мнѣ доставилъ; но Алексѣю Хитрову этотъ менуэтъ оказался весьма полезнымъ. Будучи не весьма исправнымъ офицеромъ, онъ былъ сдѣланъ придворнымъ камеръ-юнкеромъ, что ввело его въ гражданскую службу, и онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался министромъ, а теперь онъ весьма снисходительный государственный контролеръ и, вообще говоря, добрѣйшій человѣкъ.

Объ Императорѣ Павлѣ обыкновенно говорятъ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ и раздражительномъ. Характеръ его былъ вовсе не таковъ. Онъ не хуже всякаго другого понималъ и цѣнилъ шутку, только бы она не была внушена недоброжелательствомъ къ нему, или какимъ-либо подобнымъ побужденіемъ. Слѣдующій анекдотъ, полагаю я, послужитъ тому доказательствомъ.

Насупротивъ оконъ вышеупомянутой офицерской караульной комнаты росъ весьма старый дубъ, и, полагаю я, еще растетъ тамъ. Дерево это было покрыто странными наростами, изъ которыхъ выростали немногія вѣточки. Одинъ изъ этихъ наростовъ до того былъ похожъ на Павла, съ его косичкою, что я не могъ удержаться отъ того, чтобы его не срисовать. По возвращеніи моемъ въ казармы, мой рисунокъ такъ всѣмъ понравился, что всякій пожелалъ имѣть съ него копію, и въ день слѣдующаго парада я былъ осажденъ просьбами объ этомъ рисункѣ со стороны офицеровъ пѣшей гвардіи. Воспроизводить его было легко, и я роздалъ не менѣе тридцати или сорока копій. При томъ соглядатайствѣ, которому подвергались всѣ наши дѣйствія со стороны Гатчинскихъ офицеровъ, включенныхъ въ наши полки, нѣтъ сомнѣнія, что Императору тотчасъ было донесено о моемъ рисункѣ и объ его распространеніи. Въ слѣдующій разъ, какъ я былъ на караулѣ, я забавлялся тѣмъ, что срисовывалъ два прекрасныхъ бюста, стоявшихъ передъ зеркаломъ въ караульной комнатѣ. Я окончилъ рисунокъ съ Генриха IV и былъ очень занятъ срисовываніемъ Сюлли, когда самъ Императоръ, незамѣченный мною, вошелъ въ комнату, сталъ за мною и, хлопнувъ меня слегка по плечу, спросилъ: «Что вы дѣлаете?»—«Рисую, Государь», отвѣтилъ я. «Дайте взглянуть. Прекрасно! Генрихъ IV очень похожъ, дайте взглянуть на Сюлли. И этотъ будетъ похожъ, когда будетъ конченъ. Я вижу, что вы можете сдѣлать

хорошій портретъ. Дѣлали вы когда-нибудь мой?»—«Много разъ, Ваше Величество». Затѣмъ онъ разразился хохотомъ, взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ: «Хорошъ для портрета!» снова дружески хлопнулъ меня по плечу, и вернулся въ свой кабинетъ, смѣясь отъ души. Конечно, нельзя было поступить снисходительнѣе съ шутливымъ юношей, который нарисовалъ его карикатуру, но въ которомъ онъ не имѣлъ повода предполагать какого-либо дурного намѣренія.

Въ характерѣ Павла было истинное благородство и великодушіе, и хотя онъ былъ ревнивъ къ власти, но презиралъ тѣ лица, которыя слишкомъ подчинялись его волѣ въ ущербъ истинѣ и справедливости, а уважалъ тѣхъ, которые для того, чтобы защитить невиннаго, безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва. На этомъ основаніи Павелъ до самой своей смерти оказывалъ величайшее уваженіе и вниманіе Сергѣю Ильичу Муханову, оберъ-шталмейстеру.

Но довольно о Гатчинѣ, объ этомъ осеннемъ мѣстопребываніи двора, о тамошнихъ большихъ маневрахъ, блестящихъ празднествахъ и о танцахъ на гладкомъ и скользкомъ паркетѣ дворца. Хотя раздражительный нравъ Павла былъ причиною многихъ прискорбныхъ случаевъ (изъ которыхъ многіе связаны съ Гатчиною), но мы не можемъ не сожалѣть о томъ, что столь честному, умному и патріотическому государю, человѣку, столь мало взиравшему на лица, не было дано процарствовать долѣе и очистить аристократію и служебное сословіе еще отъ нѣсколькихъ недостойныхъ членовъ. Слухъ его всегда былъ открытъ для истины, а для него слышать истину значило признать и уважить то лицо, отъ котораго онъ ее слышалъ.

Во время Павла, конечно, раздача даровъ и наградъ совершалась подъ вліяніемъ личной милости, но ею никогда не опредѣлялись служебныя повышенія, и судъ надъ начальниками и подчиненными всегда творился безъ лицепріятія. Корнетъ могъ безбоязненно требовать военнаго суда съ своимъ полковымъ командиромъ, вполнѣ расчитывая на безпристрастное разбирательство, и это былъ тотъ щитъ, которымъ я ограждался отъ Великаго Князя Константина во все время, пока онъ командовалъ нашимъ полкомъ, и съ успѣхомъ боролся противъ его вспыльчивости и горячности. Одно упоминаніе о военномъ судѣ было Медузиною

головою, которая оцѣпеняла ужасомъ Его Императорское Высочество, какъ я испытывалъ не разъ. Слѣдуетъ мнѣ упомянуть тутъ же о томъ, что послѣ многихъ лѣтъ разлуки съ Константиномъ, когда я явился къ нему въ Дрезденѣ въ декабрѣ 1829 года, онъ принялъ меня съ открытыми объятіями и, въ присутствіи г. Александрова, разсказалъ всѣ ссоры, которыя я имѣлъ съ нимъ, благородно признавая, что онъ былъ постоянно не правъ и отдавая полную справедливость правильности моего образа дѣйствій относительно его. Мнѣ очень пріятно писать эти строки и засвидѣтельствовать *здѣсь на землѣ*, что Великій Князь, хотя и подвергавшійся строгому осужденію, не былъ однако, какъ представляли его многіе, лишенъ добродѣтели и, прежде всего, смиренія и доброжелательства.

Для того, чтобы показать уваженіе, которое питалъ Павелъ къ военнымъ судамъ и его безпристрастіе въ дѣлѣ правосудія, приведу слѣдующій анекдотъ. Въ первый годъ его царствованія оберъ-прокуроромъ сената былъ графъ Самойловъ, родственникъ генерала Лаврова, женатаго на сестрѣ извѣстнаго богача Демидова. Лавровъ былъ человѣкъ распутный, большой игрокъ и обремененъ долгами. Жена его была женщина очень веселаго нрава, очень богата и была въ связи съ тремя офицерами нашего полка. Она такъ осталась довольна ихъ вниманіемъ, усердіемъ и любовью, что дала каждому изъ нихъ вексель въ 30,000 рублей. Лавровъ, взбѣшенный тѣмъ, что отъ него ускользаетъ такая значительная сумма, подалъ въ Сенатъ прошеніе, въ которомъ онъ представлялъ, что его дражайшая половина идіотка, неспособная прочесть сумму, вписанную въ текстъ векселя; что она видѣла только цифру, вписанную во главѣ векселя, которая первоначально было 3 тысячи, и что лишній *0* былъ прибавленъ счастливыми любовниками, которыхъ онъ обвинялъ въ подлогѣ. Сенатъ, подъ вліяніемъ Самойлова, призналъ офицеровъ виновными въ этомъ гнусномъ поступкѣ и приговорилъ ихъ къ разжалованію. Этотъ приговоръ былъ поданъ на утвержденіе Его Величества; но Императоръ, вмѣсто того, чтобы утвердить приговоръ Сената, велѣлъ устроить въ нашемъ полку военный судъ. Я былъ младшимъ членомъ судилища и, какъ таковой, долженъ былъ подавать первый голосъ. Я предложилъ, чтобы спросили г-жу Лаврову, есть ли въ этихъ трехъ векселяхъ какой-либо

подлогъ? Она отвѣчала письменно, что «подлога нѣтъ, что она любитъ этихъ трехъ офицеровъ, и желаетъ сдѣлать имъ подарокъ; а что мужъ ея лжецъ». Затѣмъ я подалъ голосъ, чтобы три офицера были оправданы въ подлогѣ и обманѣ, но были уволены изъ полка за поведеніе, недостойное дворянина. Судъ единогласно принялъ это рѣшеніе, и приговоръ былъ представленъ Государю, который утвердилъ его, отмѣнивъ рѣшеніе Сената и сдѣлавъ ему строгій выговоръ. Три офицера и впослѣдствіи не разъ выражали мнѣ свою благодарность.

Павелъ, какъ я уже сказалъ выше, съ юности былъ искреннимъ христіаниномъ и отличался истинною богобоязненностію. Для такого человѣка присяга при вѣнчаніи на царство была обязательствомъ, дѣйствительно священнымъ. У насъ, при вѣнчаніи на царство, поминаются всѣ привилегіи, дарованныя извѣстнымъ сословіямъ, какъ напримѣръ, дворянству, мѣщанамъ, купцамъ, или отдѣльнымъ общинамъ, каковы казаки, или завоеваннымъ и присоединившимся по договору областямъ, въ особенности областямъ Балтійскимъ, и государь клянется соблюдать ихъ такъ же, какъ и охранять собственность и различныя религіи царства. Павелъ всегда свято соблюдалъ свои вѣнчальные обѣты. Я служилъ во все продолженіе его царствованія, не пропустилъ ни одного ученія или парада, и могу засвидѣтельствовать положительно, что хотя онъ часто сердился, но я никогда не слыхалъ, чтобы изъ его устъ исходила обидная брань. Дѣло въ томъ, что Павелъ самъ былъ джентельменъ, зналъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ порядочными людьми, и согласно съ этимъ и дѣйствовалъ. Какъ я уже замѣтилъ, въ его характерѣ было много рыцарскаго, даже до излишества. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что онъ, вполнѣ серьезно, предложилъ Бонапарту дуэль въ Гамбургѣ, при двухъ свидѣтеляхъ съ каждой стороны, для того, чтобы имъ покончить войны, опустошавшія Европу. Секундантами Императора должны были быть графы Паленъ и Кутайсовъ. Нельзя не сознаться, что это было весьма причудливое предложеніе; но тѣмъ не менѣе, мнѣніе всего міра, и самого Бонапарта въ особенности, отдало полную справедливость человѣколюбивымъ и геройскимъ побужденіямъ, заставившимъ Императора сдѣлать столь рыцарское предложеніе съ полною искренностію и серьезностію.

Кстати о рыцарствѣ, я долженъ описать нѣкоторые изъ случаевъ, бывшихъ въ Павловскѣ, лѣтней резиденціи Императорской фамиліи. Ихъ Величества пребывали тамъ преимущественно весною и раннимъ лѣтомъ, ибо, во время сильныхъ іюльскихъ жаровъ, предпочитался Петергофъ, на Финскомъ заливѣ, какъ мѣсто болѣе свѣжее. Павловскъ, личная собственность Императрицы Маріи, былъ разукрашенъ весьма изящно, и всякій клочокъ земли въ немъ, мало-мальски къ тому способный, былъ ярко запечатлѣнъ ея вкусомъ, ея наклонностями, ея воспоминаніями о заграничныхъ путешествіяхъ. Тутъ былъ розовый павильонъ, подобный Тріанонскому; были шале, подобные видѣннымъ ею въ Швейцаріи; мельница и нѣсколько скотныхъ дворовъ въ подражаніе Тирольскимъ, и также воспоминанія о садахъ и террасахъ Италіи. Театръ и длинные проспекты были заимствованы изъ Фонтенебло, и въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны искусственныя развалины. Каждый вечеръ происходили сельскіе праздники, поѣздки, закуски, театральныя представленія, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, а Императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки, своею привѣтливостію и изяществомъ, придавали этимъ увеселеніямъ характеръ восхитительный. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ, и его поклоненіе женской красотѣ зачастую заставляло его указать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро или Санчо-Пансе—Кутайсовъ немедленно и принималъ къ свѣдѣнію, стараясь исполнить желаніе своего господина.

Однажды, на одномъ изъ баловъ, данныхъ въ Москвѣ, по случаю его пріѣзда въ 1798 году, Императоръ былъ совершенно очарованъ огненными черными глазами дѣвицы Анны Лопухиной. Кутайсовъ, которому Павелъ сообщилъ о произведенномъ на него впечатлѣніи, немедленно же разсказалъ объ этомъ отцу дѣвицы, съ которымъ и былъ заключенъ договоръ, имѣвшій цѣлью плѣнить сердце Его Величества.

«La troupe dorée», какъ Императоръ называлъ насъ, офицеровъ конной гвардіи, въ виду нашей элегантности и цвѣта нашихъ мундировъ, ярко-красныхъ «tirant sur l'orange», въ качествѣ постоянныхъ кавалеровъ павловскихъ увеселеній, вскорѣ узнали объ этой любовной интригѣ, о которой мы стали болтать довольно свободно. Это скоро дошло до свѣдѣнія государя, вслѣдствіе чего полкъ нашъ нѣкоторое время былъ въ немилости.

Впрочемъ, она была непродолжительна, такъ какъ дѣвица Лопухина сама къ намъ очень благоволила и при томъ же двѣ ея сестры вскорѣ вышли замужъ за офицеровъ нашего полка: одна за Демидова, другая за графа Кутайсова, сына шталмейстера. Анна Петровна Лопухина вскорѣ была пожалована фрейлиною и приглашена жить въ Павловскѣ. Для нея было устроено особое помѣщеніе, нѣчто вродѣ дачи, въ которую Павелъ могъ легко пройти изъ «Розоваго Павильона», не будучи никѣмъ замѣченнымъ. Онъ являлся туда каждый вечеръ, какъ вначалѣ самъ воображалъ, съ чисто платоническими чувствами восхищенія; но брадобрей и Лопухинъ-отецъ лучше знали человѣческую натуру и вѣрнѣе смотрѣли на будущее. Имъ постепенно удалось разжечь чувства Павла къ дѣвушкѣ путемъ упорнаго ея сопротивленія желаніямъ Его Величества, что, впрочемъ, она и дѣлала вполнѣ искренно, такъ какъ, будучи еще въ Москвѣ, она испытывала довольно серьезную привязанность къ одному князю Гагарину, служившему майоромъ въ арміи и находившемуся теперь въ Италіи, въ войскахъ Суворова. Однажды, въ одинъ изъ вечеровъ, когда Павелъ оказался болѣе предпріимчивымъ, чѣмъ обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее и призналась государю въ своей любви къ Гагарину. Императоръ былъ пораженъ, но его рыцарскій характеръ и врожденное благородство тотчасъ проявили себя: онъ немедленно же рѣшилъ отказаться отъ любви къ дѣвушкѣ, сохранивъ за собою только чувства дружбы, и тутъ же захотѣлъ выдать ее замужъ за человѣка, къ которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказанія вернуть въ Россію князя Гагарина. Въ это самое время послѣдній только что отличился въ какомъ-то сраженіи, и его поэтому отправили въ Петербургъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ. Я находился во дворцѣ, когда князь Гагаринъ прибылъ ко двору, и вынесъ о немъ впечатлѣніе, какъ объ очень красивомъ, хотя и невысокаго роста человѣкѣ. Императоръ тотчасъ же наградилъ его орденомъ, самъ привелъ къ его возлюбленной и въ теченіе всего этого дня былъ искренно доволенъ и преисполненъ гордости отъ сознанія своего, дѣйствительно, геройскаго самопожертвованія.

И вечеромъ на «маленькомъ дворцовомъ балу» онъ имѣлъ

положительно счастливый и довольный видъ, съ восторгомъ говорилъ о своемъ красивомъ и счастливомъ соперникѣ и представилъ его многимъ изъ насъ съ видомъ искренняго добродушія. Съ своей стороны, я лично ни на минуту не сомнѣвался въ искренности Павла, благородная душа котораго одержала побѣду надъ сердечнымъ влеченіемъ. Не будь Кутайсова и Лопухина-отца, которые изъ личныхъ выгодъ потакали дурнымъ страстямъ императора и привлекли въ эту интригу даже самого Гагарина, не будь всего этого—нѣтъ никакого сомнѣнія, что княгиня Анна Гагарина, рожденная Лопухина, никогда не была бы maitresse en titre императора Павла въ моментъ убійства этого злополучнаго государя.

Одновременно съ этими любовными интригами совершались крупныя политическія событія: союзъ между Россіей и Англіей и всѣмъ континентомъ противъ революціонной Франціи былъ заключенъ. Суворовъ, вызванный изъ ссылки, назначенъ былъ генералиссимусомъ союзной русско-австрійской арміи, дѣйствовавшей въ Италіи въ февралѣ 1799 года. Другая русская армія подъ начальствомъ генерала Германа, была отправлена въ Голландію для совмѣстныхъ дѣйствій съ арміей герцога Іоркскаго, имѣвшей цѣлью атаковать Францію съ сѣвера. Наконецъ, и едва ли не важнѣйшимъ событіемъ было избраніе императора гросмейстеромъ мальтійскаго ордена, вслѣдствіе чего островъ Мальта былъ взятъ подъ его покровительство. Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этого титула, и это обстоятельство, въ связи съ романтической любовью, овладѣвшей его чувствительнымъ сердцемъ, привело его въ совершенный экстазъ. Щедрости его не было предѣловъ: онъ велѣлъ купить три дома на набережной Невы и соединить ихъ въ одинъ дворецъ, который подарилъ князю Гагарину, снисходительному супругу черноокой Дульцинеи. Лопухинъ-отецъ былъ сдѣланъ свѣтлѣйшимъ княземъ и назначенъ генералъ-прокуроромъ сената — должность чрезвычайно важная, напоминающая отчасти, по значенію своему, должность перваго лорда казначейства въ Англіи, нѣчто вродѣ перваго министра. Кутайсовъ, исполнявшій свою роль Фигаро при гросмейстерѣ мальтійскаго ордена, продолжалъ служить для любовныхъ порученій, вслѣдствіе чего онъ изъ брадобреевъ былъ пожалованъ въ графы и сдѣланъ шталмейстеромъ ордена. Онъ

купилъ себѣ домъ по сосѣдству съ дворцомъ княгини Гагариной и поселилъ въ немъ свою любовницу, французскую актрису Шевалье. Я не разъ видѣлъ, какъ государь самъ привозилъ его туда и затѣмъ заѣзжалъ за нимъ, возвращаясь отъ своей любовницы.

La troupe dorée, т.-е. офицеры нашего конно-гвардейскаго полка, были принуждены принимать участіе въ томъ, что происходило во дворцѣ. Какъ только былъ подписанъ союзный трактатъ съ Англіею, я по именному приказанію былъ отправленъ изъ Павловска въ Петербургъ, чтобы сшить себѣ мундиръ точь-въ-точь подобный мундиру англійской конной гвардіи, красный съ синими отворотами, вышитыми золотомъ. Къ счастію я отыскалъ англичанина, по имени Дональдсона, который былъ когда-то портнымъ принца Уэльскаго, обанкрутился въ Англіи и, путешествуя по Польшѣ, гдѣ искалъ приключеній, увезъ очень богатую и непомѣрно тучную мѣщанку-польку изъ Варшавы. Этотъ человѣкъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ, и я обратился къ нему и, благодаря его дѣятельности, имѣлъ возможность вернуться въ Павловскъ менѣе, чѣмъ черезъ два дня, въ моемъ новомъ мундирѣ, которымъ восхищались всѣ, въ особенности Великія Княжны. Два или три другіе офицера едва успѣли сшить себѣ подобные мундиры, какъ намъ былъ данъ новый цвѣтъ, пурпурный. Пурпуръ былъ цвѣтомъ великаго мастера Мальтійскаго ордена и поэтому la troupe dorée была одѣта въ пурпуръ.

Читатель не долженъ думать, чтобы въ то время, какъ происходили всѣ эти измѣненія мундировъ и цвѣтовъ, празднества и увеселенія—поэтому прекратились дисциплинарныя строгости, заведенныя въ Гатчинѣ и въ столицѣ. Напротивъ того, ихъ было столько же, если не болѣе, ибо такъ какъ ежедневно происходили смотры не надъ большими корпусами, какъ на маневрахъ, но надъ мелкими отрядами, то всякая погрѣшность становилась замѣтнѣе. Въ Павловскѣ также была такъ называемая цитадель или фортъ, по имени Бипъ, куда офицеровъ при случаѣ сажали подъ арестъ.

Два полковника изъ донскихъ казаковъ, по имени Залуецкіе, извѣстные своими подвигами въ предыдущую войну, были арестованы и посланы въ Бипъ за смѣлые отвѣты. Капитана

флота Чичагова также было велѣно посадить подъ арестъ въ цитадель за рѣзкій отвѣтъ, почти граничащій съ дерзостію. Онъ воспротивился этому приказанію, ссылаясь на привилегіи, связанныя съ Георгіевскимъ крестомъ. Императоръ, раздраженный выше всякой мѣры, приказалъ сорвать съ него крестъ, а Уваровъ, дежурный флигель-адъютантъ, не колеблясь, исполнилъ это приказаніе. Чичаговъ, взорванный этимъ оскорбленіемъ, сбросилъ и мундиръ и отправился въ фортъ въ одномъ жилетѣ. Его держали подъ арестомъ лишь нѣсколько дней, и вскорѣ затѣмъ его произвели въ контръ-адмиралы и дали ему команду надъ эскадрою.

Этотъ Уваровъ былъ полковникомъ одного изъ полковъ, квартировавшихъ въ Москвѣ въ то время, когда Павелъ впервые увидѣлъ Лопухину и увлекся ея блестящими черными глазами. Будучи любовникомъ матери Лопухиной, Уваровъ естественно принималъ также участіе во всѣхъ махинаціяхъ, имѣвшихъ цѣлью завлечь императора въ любовныя сѣти. Вмѣстѣ съ Лопухиными прибылъ онъ въ Павловскъ, былъ переведенъ въ конную гвардію, вскорѣ же сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и все время повышался въ милостяхъ наравнѣ съ Лопухиными. Во время обѣда, даннаго заговорщиками, именовавшими себя послѣ убійства Павла «освободителями», Уваровъ припомнилъ Чичагову, что онъ сорвалъ съ него георгіевскій крестъ. Чичаговъ отвѣчалъ: «Если вы будете служить нынѣшнему императору такъ же «вѣрно», какъ его предшественнику, то заслужите себѣ достойную награду». Уваровъ, въ качествѣ довѣреннаго генералъ-адъютанта Павла, былъ дежурнымъ въ ночь съ 11-го на 12-е марта и, какъ извѣстно, былъ въ то же время однимъ изъ главныхъ дѣятелей заговора.

Во всемъ мірѣ едва ли найдется страна, въ которой цѣлый рядъ государей былъ бы одушевленъ такимъ горячимъ чувствомъ патріотизма, какъ домъ Романовыхъ въ Россіи. Правда, многіе сановники, министры и царедворцы нерѣдко злоупотребляли личными слабостями и недостатками нѣкоторыхъ изъ государей, да и сами они зачастую, благодаря чрезмѣрной самонадѣянности, уклонялись съ истиннаго пути, тѣмъ не менѣе, насколько я могу судить по личнымъ моимъ разсужденіямъ, я вынесъ искреннее убѣжденіе въ томъ, что въ основѣ всякаго дѣйствія этихъ

монарховъ всегда лежало чувство горячей любви къ родинѣ. Государи русскіе искони гордились величіемъ этого обширнѣйшаго въ мірѣ государства и нерѣдко считали необходимымъ принимать мѣры, сообразныя съ этимъ величіемъ, вслѣдствіе чего славолюбіе это часто обращалось въ личное тщеславіе, а мудрая экономія въ расточительность. Но, помимо свойственной всякому человѣку склонности къ тщеславію, русскіе государи имѣютъ два повода, до извѣстной степени извиняющіе это стремленіе къ похваламъ: во-первыхъ, потому, что большая часть какъ мужскихъ, такъ и женскихъ представителей этого дома всегда отличалась замѣчательною красотою и физическою силою; во-вторыхъ, потому, что, въ силу историческихъ условій, они сдѣлались представителями военнаго сословія: съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Россія находилась въ постоянной войнѣ со своими сосѣдями и во главѣ ея армій всегда стояли ея монархи—сначала цари московскіе, а затѣмъ императоры всероссійскіе. Благодаря этому, любовь къ военной славѣ передавалась отъ отца къ сыну и сдѣлалась преобладающею страстью въ этой семьѣ. И, дѣйствительно, не можетъ не возбуждать самолюбія и тщеславія одинъ видъ многихъ тысячъ людей, которые двигаются, стоятъ, поворачиваются и бѣгутъ по одному слову, одному знаку своего монарха. Одинъ весьма остроумный, высокопоставленный и вліятельный при дворѣ человѣкъ, говоря о громадныхъ средствахъ, расходуемыхъ русскимъ государствомъ на содержаніе постояннаго войска, весьма справедливо замѣтилъ: «Да, впрочемъ, оно такъ и должно быть, ибо до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ царя-калѣки, мы никогда не дождемся перемѣны во взглядахъ и привычкахъ нашихъ государей. Toujours joli garçon, toujours caporal!»

Перехожу теперь къ описанію событій, закончившихся возмутительнымъ убійствомъ Павла.

Осень и зима 1800. Весна 1801. Кончина Павла.

Спб. 20 ноября (2 дек.) 1847.

Мы оставили Павла въ Павловскѣ, волнуемаго и опутаннаго кознями хитрыхъ людей. Въ томъ же состояніи переѣхалъ онъ въ Гатчину, а затѣмъ въ Петербургъ. Многіе изъ главныхъ

дѣятелей при дворѣ знали, что положеніе ихъ въ высшей степени опасное и что въ каждую минуту Павелъ можетъ раскаяться, или перенести свою привязанность на другое лицо и уничтожить ихъ всѣхъ. Оба Великіе Князя также были въ постоянномъ страхѣ. Оба они были командирами полковъ, и въ этомъ качествѣ ежедневно подвергались за малѣйшія ошибки на парадахъ и ученіяхъ выговорамъ, которые они вымѣщали, подвергая солдатъ строгимъ наказаніямъ, сажая офицеровъ подъ арестъ. Конногвардейскій полкъ щадили болѣе другихъ; онъ былъ тогда составленъ изъ двухъ батальоновъ, каждый изъ пяти эскадроновъ, и духъ полка былъ таковъ, что мы были въ силахъ противиться всякимъ несправедливымъ и напраснымъ нападкамъ. Этотъ товарищескій духъ былъ представленъ Государю съ мрачной точки зрѣнія, какъ настроеніе, граничащее съ крамолою и какъ дурной примѣръ для прочихъ полковъ. Гибель нашего полка могла удовлетворить два частныхъ интереса. Великій Князь Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ желалъ сдѣлаться инспекторомъ кавалеріи и, въ видѣ ступени къ этой должности, получить команду надъ конною гвардіею. Уваровъ, служившій въ ней, желалъ командовать особымъ полкомъ, и эти два желанія могли быть достигнуты за разъ, черезъ уничтоженіе нашего полка. Онъ поэтому былъ устроенъ, или точнѣе разстроенъ, заново. Три эскадрона, составленные изъ лучшихъ людей и лошадей, выбраны изъ полка и составили особый «кавалергардскій» полкъ, который былъ отданъ Уварову и квартировалъ въ Петербургѣ; остатокъ же полка былъ раздѣленъ на пять эскадроновъ, поставленъ подъ начальство Константина и изгнанъ въ Царское Село, гдѣ онъ долженъ былъ учить насъ гарнизонной службѣ *).

Нѣтъ возможности описать тѣхъ жестокостей, которымъ подвергалъ насъ Константинъ и Измаиловскіе мирмидоны. Нашего духа однако же переломить было нельзя, и страхъ Константина при одномъ упоминаніи о военномъ судѣ не разъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ сдерживалъ горячность и ничѣмъ не оправдываемую его строгость. Благодаря моей неуступчивости и

*) Сличи разсказъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго въ Р. Архивѣ 1867, стр. 542 и д.

твердости въ этотъ тяжелый періодъ, пріобрѣлъ я въ полку то вліяніе, которое я сохранилъ до конца моей службы въ конной гвардіи, и которое спасло этотъ благородный полкъ отъ всякаго участія въ низкихъ заговорахъ, приведшихъ къ убійству Павла.

Насъ продержали въ Царскомъ Селѣ около полутора года. Нашихъ начальниковъ безпрестанно смѣняли, и мы знали, что мы подвержены строгому надзору, ибо насъ считаютъ за Якобинцевъ. Образъ жизни нашъ во время удаленія нашего изъ столицы не былъ слишкомъ пріятенъ для большинства нашихъ офицеровъ. Однако же я съ свой стороны не былъ имъ слишкомъ недоволенъ, ибо по всему тому, что мы слышали изъ Петербурга, и по страннымъ вѣстямъ, доходящимъ оттуда, я былъ убѣжденъ, что не все тамъ ладно. Его Величество, со всѣмъ императорскимъ семействомъ, оставилъ старый дворецъ и переѣхалъ въ Михайловскій, устроенный, какъ укрѣпленный замокъ, окруженный рвами и подъемными мостами, полный тайными лѣстницами и подземными проходами, словомъ точь-въ-точь средневѣковая крѣпость.

Графы Растопчинъ и Аракчеевъ, тѣ два человѣка, которыхъ Паленъ до тѣхъ поръ считалъ самыми вѣрными и дѣятельными своими слугами, были сосланы въ ихъ деревни. Мы узнали, что графъ Паленъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а также главноуправляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ, не переставъ быть губернаторомъ Петербурга, и, въ этомъ качествѣ, комендантомъ гарнизона и главою полиціи. Намъ говорили, что всѣ Зубовы, которые были сосланы въ свои имѣнія, вернулись въ Петербургъ и въ ихъ числѣ г-жа Жеребцова, урожденная Зубова, извѣстная по своей связи съ лордомъ Витвортомъ, что ихъ принимаютъ при дворѣ и что они сдѣлались ежедневными посѣтителями и близкими друзьями въ домѣ добраго и честнаго генерала Обольянинова, генер.-прокурора Сената. Мы слышали также, что у нѣкоторыхъ генераловъ—у Талызина, у двухъ Ушаковыхъ, у Депрерадовича и у другихъ, часто бываютъ интимныя сборища и «de petits soupers fins,» длящіеся до поздней ночи, и что бывшій полковникъ Хитровъ, отличный и умный человѣкъ, но «roué», близкій къ Константину, также даетъ маленькіе рауты около самого «Palais Michel».

Всѣ эти новости, до тѣхъ поръ строго запрещенныя, доказы-

вали намъ, что въ Петербургѣ происходитъ нѣчто совершенно необычайное, тѣмъ болѣе, что патрули и обходы около Михайловскаго замка постояннно усиливались.

Дипломатическіе кружки Петербурга были очень взволнованы въ теченіе зимы 1800 года, ибо императоръ Павелъ, недовольный поведеніемъ Австріи во время итальянской кампаніи Суворова въ 1799 году, и образомъ дѣйствій Англіи въ Голландіи, отдѣлился отъ коалиціи и, въ качествѣ гросмейстера Мальтійскаго ордена, объявилъ Англіи войну, которую онъ собирался энергически начать весною 1801 года. Въ февралѣ этого года мой полкъ былъ возвращенъ изъ Царскосельской ссылки и квартированъ въ домъ Гарновскаго, въ Петербургѣ. Генералъ-майоръ Кожинъ, котораго поставили надъ нами во время нашей опалы въ качествѣ стараго исполнителя, былъ переведенъ въ линейный полкъ, а генералъ-лейтенантъ Тормазовъ, отличный воинъ и человѣкъ вполнѣ порядочный, былъ назначенъ къ намъ въ полковые командиры—милость, которую мы не знали какъ себѣ объяснить.

По возвращеніи въ Петербургъ я былъ самымъ радушнымъ образомъ принятъ старыми друзьями и даже самимъ графомъ Паленомъ, генераломъ Талызинымъ и другими, а также Зубовыми и Обольяниновыми. Меня стали приглашать на интимные обѣды, при чемъ меня всегда поражало одно обстоятельство: послѣ этихъ обѣдовъ, по вечерамъ, никогда не завязывалось общаго разговора, но всегда бесѣдовали отдѣльными кружками, которые тотчасъ расходились, когда къ нимъ подходило новое лицо. Я замѣтилъ, что генералъ Талызинъ и другіе подошли ко мнѣ, какъ будто съ намѣреніемъ сообщить мнѣ что-то по секрету, а затѣмъ остановились, сдѣлались задумчивыми и замолкли. Вообще, по всему видно было, что въ этомъ обществѣ затѣвалось что-то необыкновенное. Судя же по той вольности, съ которой императора порицали, высмѣивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что противъ него затѣвается заговоръ. Подозрѣнія мои особенно усилились послѣ обѣда у Талызина (за которымъ насъ было четверо), послѣ «petite soirée» у Хитровыхъ и раута у Зубовыхъ. Когда, однажды, за обѣдомъ у Палена я нарочно довольно рѣзко выразился объ императорѣ, графъ посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и сказалъ: «J—f—

qui parle et brave homme qui agit». Всего этого было достаточно, чтобы разсѣять мои сомнѣнія, и обстоятельство это глубоко меня разстроило. Я вспомнилъ свой долгъ, свою присягу на вѣрность, припомнилъ многія добрыя качества императора и, въ концѣ концовъ, почувствовалъ себя очень несчастнымъ. Между тѣмъ, всѣ эти догадки не представляли ничего опредѣленнаго: не было ничего осязательнаго, на основаніи чего я могъ бы дѣйствовать или даже держаться извѣстнаго образа дѣйствій. Въ такомъ состояніи нерѣшительности я отправился къ своему старому другу Тончи [1]), который сразу разрѣшилъ мое недоумѣніе, сказавъ слѣдующее: «Будь вѣренъ своему государю и дѣйствуй твердо и добросовѣстно; но такъ какъ ты, съ одной стороны, не въ силахъ измѣнить страннаго поведенія императора, ни удержать, съ другой стороны, намѣреній народа, каковы бы они ни были, то тебѣ надлежитъ держаться въ разговорахъ того строгаго и благоразумнаго тона, въ силу котораго никто бы не осмѣлился подойти къ тебѣ съ какими бы то ни было секретными предложеніями». Я всѣми силами старался слѣдовать этому совѣту и, благодаря ему, мнѣ удалось остаться въ сторонѣ отъ ужасныхъ событій этой эпохи.

Около этого времени великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, была при смерти больна и извѣстіе о ея кончинѣ ежечасно ожидалось изъ Вѣны. Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно недоволенъ Австріей за ея образъ дѣйствій въ Швейцаріи, результатомъ котораго было пораженіе Корсакова подъ Цюрихомъ и совершенная неудача знаменитой кампаніи Суворова въ Италіи, откуда онъ отступилъ на сѣверъ, черезъ Сенъ-Готардъ. Англіи была объявлена война, на имущество англичанъ наложено амбарго и уже дѣлались большія приготовленія, дабы въ союзѣ съ Франціей, начать морскую войну противъ этой державы съ открытіемъ весенней навигаціи.

Всѣ эти обстоятельства произвели на общество удручающее

[1]) Тончи былъ родомъ неаполитанскій дворянинъ, прибывшій въ Россію въ свитѣ польскаго короля въ качествѣ философа, поэта и художника. Это былъ чрезвычайно умный и образованный человѣкъ. Онъ любилъ меня, какъ сына, и смотрѣлъ, какъ на своего воспитанника. Я много обязанъ этому почтенному человѣку.

впечатлѣніе. Дипломатическій корпусъ прекратилъ свои обычные пріемы; значительная часть петербургскихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые славились своимъ широкимъ гостепріимствомъ, измѣнили свой образъ жизни. Самый дворъ, запертый въ Михайловскомъ замкѣ, охранявшемся на подобіе средневѣковой крѣпости, также влачилъ скучное и однообразное существованіе. Императоръ, помѣстившій свою любовницу въ замкѣ, уже не выѣзжалъ, какъ онъ это дѣлалъ прежде, и даже его верховыя прогулки ограничивались такъ называемымъ третьимъ лѣтнимъ садомъ, куда, кромѣ самого императора, императрицы и ближайшихъ лицъ свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались отъ снѣга для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Во время одной изъ этихъ прогулокъ, около четырехъ или пяти дней до смерти императора (въ это время стояла оттепель), Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ шталмейстеру Муханову, ѣхавшему рядомъ съ императрицей, сказалъ сильно взволнованнымъ голосомъ: «Мнѣ показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватаетъ воздуха, чтобы дышать. Я чувствовалъ, что умираю... Развѣ они хотятъ задушить меня?» Мухановъ отвѣчалъ: «Государь, это, вѣроятно, дѣйствіе оттепели.» Императоръ ничего не отвѣтилъ, покачалъ головой и лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ. Онъ не проронилъ ни единаго слова до самаго возвращенія въ замокъ.

Какое странное предостереженіе! Какое загадочное предчувствіе! Разсказъ этотъ мнѣ сообщилъ Мухановъ въ тотъ же вечеръ, при чемъ прибавилъ, что онъ обѣдалъ при дворѣ и что императоръ былъ болѣе задумчивъ, чѣмъ обыкновенно, и говорилъ мало. Отъ Муханова же я узналъ, что г-жа Жеребцова въ этотъ вечеръ простилась съ Обольяниновыми и что она ѣдетъ за границу. Она остановилась въ Берлинѣ; впрочемъ, объ этомъ я еще буду имѣть случай сообщить впослѣдствіи.

Теперь я подхожу къ чрезвычайно знаменательной эпохѣ въ исторіи Россіи, эпохѣ, въ событіяхъ которой мнѣ, до извѣстной степени, пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ и живымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ многихъ обстоятельствъ, при чемъ нѣкоторыя подробности объ этихъ важныхъ событіяхъ я узналъ немедленно же и изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. При описаніи этихъ событій мною руководитъ искреннее желаніе сказать

правду, одну только правду. Тѣмъ не менѣе, я буду просить читателя строго различать то, что я лично видѣлъ и слышалъ, отъ тѣхъ фактовъ, которые мнѣ были сообщены другими лицами и о которыхъ я, по необходимости, долженъ упоминать для полноты разсказа.

11-го марта 1801 года, эскадронъ, которымъ я командовалъ и который носилъ мое имя, долженъ былъ выставить караулъ въ Михайловскій замокъ. Нашъ полкъ имѣлъ во дворцѣ внутренній караулъ, состоявшій изъ 24-хъ рядовыхъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача. Онъ находился подъ командою офицера и былъ выстроенъ въ комнатѣ, передъ кабинетомъ императора, спиною къ ведущей въ него двери. Корнетъ Андреевскій былъ въ этотъ день дежурнымъ по караулу.

Черезъ двѣ комнаты стоялъ другой внутренній караулъ отъ гренадерскаго батальона Преображенскаго полка, любимаго государева полка, который былъ ему особенно преданъ. Этотъ караулъ находился подъ командою подпоручика Марина и былъ, повидимому, съ намѣреніемъ составленъ на одну треть изъ старыхъ преображенскихъ гренадеръ и на двѣ трети изъ солдатъ, включенныхъ въ этотъ полкъ послѣ раскассированія лейбъ-гренадерскаго полка, происшедшаго по внушенію генерала графа Карла Ливена*), человѣка чрезвычайно строгаго и вспыльчиваго. Полкъ этотъ въ теченіе многихъ царствованій, особенно же при Екатеринѣ, считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ, храбрыхъ и наилучше-дисциплинированныхъ, и солдаты этого полка, вслѣдствіе его раскассированія, были весьма дурно расположены къ императору.

Главный караулъ (the main guard) во дворѣ замка (а также наружные часовые) состоялъ изъ роты Семеновскаго великаго князя Александра Павловича полка и находился подъ командою капитана изъ гатчинцевъ, который, подобно маріонеткѣ, испол-

*) Это былъ старшій братъ князя Ливена, бывшаго долгое время посломъ въ Англіи. Графъ Карлъ Ливенъ недолго оставался въ военной службѣ и, удалившись въ свои помѣстья, вскорѣ, по милости Божьей, сдѣлался смиреннымъ и благочестивымъ христіаниномъ. Въ концѣ своей жизни онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ протестантскаго синода и состоялъ предсѣдателемъ нѣкоторыхъ библейскихъ обществъ. Прим. автора.

нялъ всѣ внѣшнія формальности службы, не отдавая себѣ, повидимому, никакого отчета, для чего онѣ установлены.

Въ 10 часовъ утра я вывелъ свой караулъ на плацъ-парадъ, а между тѣмъ, какъ происходилъ разводъ, адьютантъ нашего полка Ушаковъ сообщилъ мнѣ, что по именному приказанію великаго князя Константина Павловича, я сегодня назначенъ дежурнымъ полковникомъ по полку. Это было совершенно противно служебнымъ правиламъ, такъ какъ на полковника, эскадронъ котораго стоитъ въ караулѣ и который обязанъ осматривать посты, никогда не возлагается никакихъ иныхъ обязанностей. Я замѣтилъ это Ушакову нѣсколько раздраженнымъ тономъ и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю, но, къ удивленію всѣхъ, оказалось, что ни его, ни великаго князя Александра Павловича не было на разводѣ. Ушаковъ не объяснилъ мнѣ причинъ всего этого, хотя, повидимому, онъ ихъ зналъ.

Такъ какъ я не имѣлъ права не исполнить приказанія великаго князя, то я повелъ караулъ во дворецъ и, напомнивъ офицеру о всѣхъ его обязанностяхъ (ибо я не разсчитывалъ уже видѣть его въ теченіе дня), вернулся въ казармы, чтобы исполнить мою должность дежурнаго по полку.

Въ 8 часовъ вечера, принявъ рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, я отправился въ Михайловскій замокъ, чтобы сдать мой рапортъ великому князю Константину, какъ шефу полка.

Выходя изъ саней у большого подъѣзда, я встрѣтилъ камеръ-лакея собственныхъ его величества аппартаментовъ, который спросилъ меня, куда я иду? Я хорошо зналъ этого человѣка, и, думая, что онъ спрашиваетъ меня изъ простого любопытства, отвѣчалъ, что иду къ великому князю Константину.

— Пожалуйста, не ходите,—отвѣчалъ онъ:—ибо я тотчасъ долженъ донести объ этомъ государю.

— Не могу не пойти,—сказалъ я:—потому что я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его высочеству; такъ и скажите государю.

Лакей побѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону замка, я поднялся на другую.

Когда я вошелъ въ переднюю Константина Павловича, Рут-

ковскій, его довѣренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ:

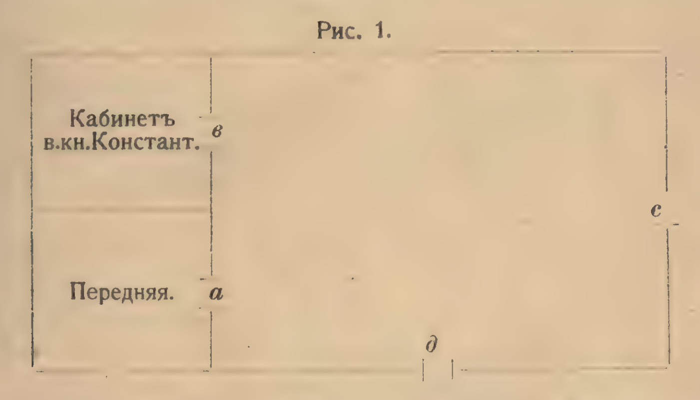
— Вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли! Я дежурный полковникъ.

Тогда онъ отперъ дверь и сказалъ:

— Хорошо, войдите.

Я засталъ Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери *в*: онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ, пока я рапортовалъ, великій князь Александръ вышелъ изъ двери *c*, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ (like a frightened hare). Въ эту минуту открылась задняя дверь *д* и вошелъ императоръ propria persona, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ.

Рис. 1.

Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственный аппартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющимися по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, очутившійся передъ медвѣдемъ. Я же, повернувшись, по уставу, на каблукахъ, отрапортовалъ императору о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!» очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери *д*. Когда онъ вышелъ, Александръ немного пріоткрылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближайшей

комнатѣ громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ.

Константинъ сказалъ:

— Ну, братецъ, что скажете вы о моихъ?—указывая на меня.—Я говорилъ вамъ, что онъ не испугался!

Александръ спросилъ:

— Какъ? Вы не боитесь императора?

— Нѣтъ, ваше высочество, чего же мнѣ бояться? Я дежурный, да еще внѣ очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кромѣ великаго князя, и то потому, что онъ мой прямой начальникъ, точно такъ же, какъ мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня.

— Такъ вы ничего не знаете?—возразилъ Александръ.

— Ничего, ваше высочество, кромѣ того, что я дежурный не въ очередь.

— Я такъ приказалъ,—сказалъ Константинъ.

— Къ тому же,—сказалъ Александръ,—мы оба подъ арестомъ.

Я засмѣялся. Великій князь сказалъ:

— Отчего вы смѣетесь?

— Оттого,—отвѣтилъ я:—что вы давно желали этой чести.

— Да. Но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ присягать въ вѣрности!

— Меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ,—сказалъ я:—я вѣренъ.

— Хорошо,—сказалъ Константинъ:—теперь отправляйтесь домой и смотрите, будьте осторожны.

Я поклонился и вышелъ.

Въ передней, пока камердинеръ Рутковскій подавалъ мнѣ шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ:

— Рутковскій стаканъ воды!

Рутковскій, налилъ, а я замѣтилъ ему, что на поверхности плаваетъ перышко. Рутковскій вынулъ его пальцемъ и, бросивъ на полъ, сказалъ:

— Сегодня оно плаваетъ, но завтра потонетъ.

Затѣмъ я оставилъ дворецъ и отправился домой. Было ровно девять часовъ и, когда я сѣлъ въ свое кресло, я, какъ легко

себѣ представить, предался довольно тревожнымъ размышленіямъ по поводу всего, что я только что слышалъ и видѣлъ въ связи съ предчувствіями, которыя я имѣлъ раньше. Мои размышленія, однако же, были непродолжительны. Въ три четверти десятаго мой слуга Степанъ вошелъ въ комнату и ввелъ ко мнѣ фельдъегеря.

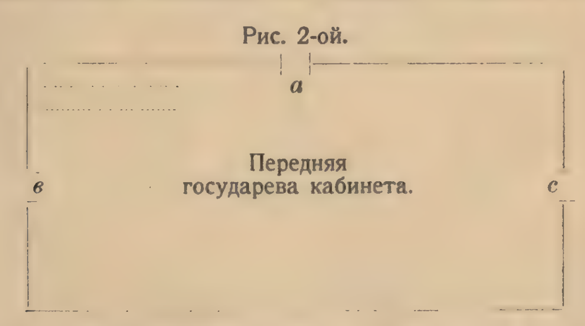
— Его величество желаетъ, чтобы вы немедленно явились во дворецъ.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ я и велѣлъ подать сани.

Получить такое приказаніе черезъ фельдъегеря считалось въ тѣ времена дѣломъ нешуточнымъ и плохимъ предзнаменованіемъ. Я, однако же, не имѣлъ дурныхъ предчувствій и, немедленно отправившись къ моему караулу, спросилъ корнета Андреевскаго, все ли обстоитъ благополучно? Онъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно; что императоръ и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послалъ государь и что я не приложу ума, зачѣмъ бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіе дня все было въ порядкѣ.

Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго часовой крикнулъ: «вонъ!» и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ показался изъ двери *a*, въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», а слѣдовалъ

Рис. 2-ой.

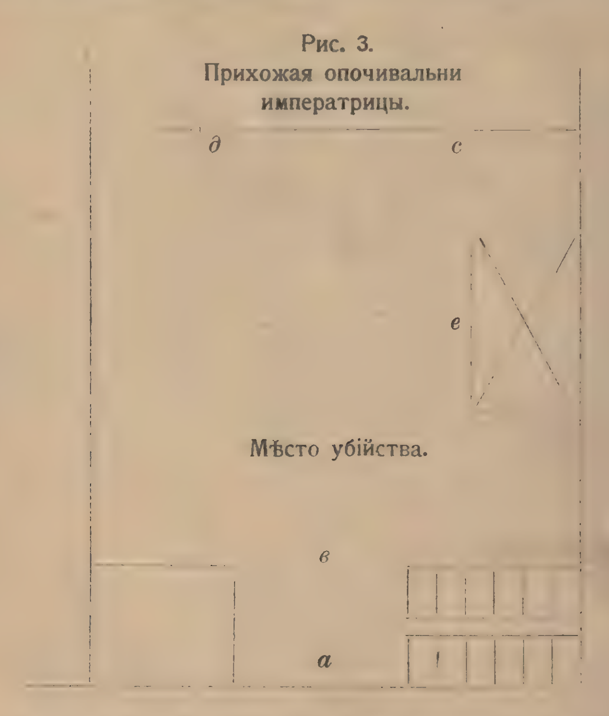

за нимъ Уваровъ, дежурный генералъ-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ, и императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего

«Шпицъ» сѣлъ позади Павла Петровича на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

Императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ по-французски: «Vous êtes des Jacobins». Нѣсколько озадаченный этими словами, я отвѣтилъ: «Oui, sire». Онъ возразилъ: «Pas Vous, mais le régiment». На это я возразилъ: «Passe encore pour moi, mais vous vous trompez, Sire, pour le régiment». Онъ отвѣтилъ по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караулъ!». Я скомандовалъ: «По отдѣленіямъ, направо! Маршъ!» Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ черезъ дверь *в* и отпра-

Рис. 3.

вился съ нимъ домой. «Шпицъ» не шевелился и все время во всѣ глаза смотрѣлъ на меня. Затѣмъ императоръ, продолжая разговаривать по-русски, повторялъ, что мы якобинцы. Я вновь отвергъ это обвиненіе. Онъ снова замѣтилъ, что лучше знаетъ, и прибавилъ, что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, при чемъ сказалъ мнѣ весьма

милостиво: «А вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ; два бригадъ-майора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа, въ полной походной формѣ и съ поклажею. «Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займите этотъ постъ»,—указывая на дверь *а*. Уваровъ все это время, за спиною государя, дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный «Шпицъ», бѣдняжка, все время серьезно смотрѣлъ на меня. Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво и ушелъ въ свой кабинетъ через дверь *а*.

Тутъ, можетъ быть, кстати будетъ пояснить, какъ былъ расположенъ внутри кабинетъ императора.

То была длинная комната, въ которую входили черезъ дверь *а*, и такъ какъ нѣкоторыя изъ стѣнъ замка были достаточно толсты, чтобы вмѣстить въ себѣ внутреннюю лѣстницу, то въ толщинѣ стѣны, между дверями *а в*, и была устроена такая лѣстница, которая вела въ аппартаменты княгини Гагариной, а также графа Кутайсова. На противоположномъ концѣ кабинета была дверь *с*, ведшая въ опочивальню императрицы, и рядомъ съ нею каминъ *д*; на правой сторонѣ стояла походная кровать императора *е*, надъ которою всегда висѣли: шпага, шарфъ и трость его величества. Императоръ всегда спалъ въ кальсонахъ и въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами.

Получивъ, какъ сказано выше, приказанія отъ его величества, я вернулся въ полкъ и передалъ ихъ генералу Тормасову, который молча покачалъ головою и велѣлъ мнѣ сдѣлать въ казармахъ распоряженія, чтобы все было готово и лошади осѣдланы къ четыремъ часамъ. Это было ровно въ 11 часовъ, за часъ до полуночи. Я вернулся къ своему вольтеровскому креслу въ глубокомъ раздумьи.

Нѣсколько минутъ послѣ часа полуночи, 12 марта, Степанъ, мой камердинеръ, опять вошелъ въ мою комнату съ собственнымъ ѣздовымъ великаго князя Константина, который вручилъ мнѣ собственноручную записку его высочества [1]), написанную,

---

[1]) Подлинникъ находится во владѣніи издателя «Fraser's Magazine». Прим. англійской редакціи.

повидимому, весьма спѣшно и взволнованнымъ почеркомъ, въ которой значилось слѣдующее:

«Собрать тотчасъ же полкъ верхомъ, какъ можно скорѣе, съ полною аммуниціею, но безъ поклажи и ждать моихъ приказаній».

(подписано) «Константинъ Цесаревичъ».

Потомъ ѣздовой на словахъ прибавилъ: «его высочество приказалъ мнѣ передать вамъ, что дворецъ окруженъ войсками и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами».

Я тотчасъ велѣлъ моему камердинеру надѣть шубу и шапку и идти за мною. Я довелъ его и ѣздового до воротъ казармы и поручилъ послѣднему доложить его высочеству, что приказанія его будутъ исполнены. Камердинера же своего я послалъ въ домъ къ моему отцу разсказать все то, что онъ слышалъ, и велѣлъ ему оставаться тамъ, пока самъ не пріѣду.

Я зналъ то вліяніе, которое имѣю на солдатъ, и что безъ моего согласія они не двинутся съ мѣста; къ тому же я былъ, очевидно, обязанъ ограждать ихъ отъ ложныхъ слуховъ. Наша казарма была домъ съ толстыми стѣнами, выстроенный въ видѣ пустого четыреугольника, съ двумя только воротами. Такъ какъ была еще зима и вездѣ были вставлены двойныя окна, то я легко могъ сдѣлать изъ этого зданія непроницаемую крѣпость, заперевъ наглухо и заколотивъ гвоздями зданія ворота и поставивъ у переднихъ воротъ парныхъ часовыхъ со строгимъ приказаніемъ никого не впускать. Я поступилъ такъ потому, что не былъ вполнѣ увѣренъ въ образѣ мыслей генерала Тормасова при данныхъ обстоятельствахъ; вотъ почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказавъ ему никого не пропускать.

Затѣмъ я отправился въ конюшни, велѣлъ созвать солдатъ и немедленно сѣдлать лошадей. Такъ какъ дѣло было зимою, то мы были принуждены зажечь свѣчи, яркій свѣтъ которыхъ тотчасъ разбудилъ весь полкъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ упрекнули меня въ томъ, что я такъ «чертовски спѣшу», когда до четырехъ часовъ еще времени достаточно. Я не отвѣчалъ, но такъ какъ, зная меня, они разсудили, что я не сталъ бы дѣйствовать такимъ образомъ безъ уважительныхъ причинъ, то всѣ они послѣдовали моему примѣру, каждый въ своемъ эскадронѣ.

Фот. Шереръ, Набгольцъ.

КНЯГИНЯ

Анна Петровна Гагарина.

Съ портрета, принадлежащаго князю П. А. Голицыну.

Тѣмъ не менѣе, когда я приказалъ заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, всѣ они возражали и у насъ вышелъ маленькій споръ; но такъ какъ я лично получилъ приказанія отъ его высочества, они пришли къ убѣжденію, что я долженъ быть правъ, и поступили такъ же, какъ и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали къ передовому караулу у воротъ. Тутъ я увидѣлъ Ушакова, нашего полкового адъютанта.

— Откуда вы? Вы не ночевали въ казармѣ?—спросилъ я его.

— Я изъ Михайловскаго замка.

— А что тамъ дѣлается?

— Императоръ Павелъ умеръ и Александръ провозглашенъ императоромъ.

— Молчите!—отвѣчалъ я и тотчасъ повелъ его къ генералу, отпустивъ поставленный мною караулъ.

Мы вошли въ гостиную, которая была рядомъ со спальнею. Я довольно громко крикнулъ:

— Генералъ, генералъ, Алексадръ Петровичъ!

Жена его проснулась и спросила:

— Кто тамъ?

— Полковникъ Саблуковъ, сударыня.

— А, хорошо,—и она разбудила своего мужа. Его превосходительство надѣлъ халатъ и туфли и вышелъ въ ночномъ колпакѣ, протирая себѣ глаза, еще полусонный.

— Въ чѣмъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, адъютантъ, онъ только что изъ дворца и все вамъ скажетъ...

— Что же, сударь, случилось? — обратился онъ къ Ушакову.

— Его величество, государь императоръ скончался: онъ умеръ отъ удара...

— Что такое, сударь? Какъ смѣете вы это говорить?!—воскликнулъ генералъ.

— Онъ, дѣйствительно, умеръ,—сказалъ Ушаковъ:—великій князь вступилъ на престолъ, и военный губернаторъ передалъ мнѣ приказъ, чтобы ваше превосходительство немедленно привели полкъ къ присягѣ императору Александру.

Онъ сказалъ намъ тоже, что Михайловскій замокъ окруженъ войсками и что Александръ съ женою Елизаветой переѣхалъ въ Зимній дворецъ подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, которыми предводительствовалъ самъ Уваровъ.

Убѣдившись въ справедливости сообщеннаго извѣстія, генералъ Тормасовъ сказалъ мнѣ по-французски:

— Eh bien, mon cher colonel, faites sortir le régiment, preparez le prêtre et l'Evangile et réglez tout cela. Je m' habillerai et je descendrai tout de suite.

Ушаковъ въ заключеніе прибавилъ, что генералъ Бенигсенъ былъ оставленъ комендантомъ Михайловскаго замка.

12 марта, между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало свѣтать, весь полкъ былъ выстроенъ, въ пѣшемъ строю, на дворѣ казармъ. Отецъ Иванъ, нашъ полковой священникъ, вынесъ крестъ и евангеліе на аналоѣ и поставилъ его передъ полкомъ. Генералъ Тормасовъ громко объявилъ о томъ, что случилось: что императоръ Павелъ скончался отъ апоплексическаго удара и что Александръ I вступилъ на престолъ. Затѣмъ онъ велѣлъ приступить къ присягѣ. Рѣчь эта произвела мало впечатлѣнія на солдатъ: они не отвѣтили на нее криками «ура», какъ онъ того ожидалъ. Онъ затѣмъ пожелалъ, чтобы я, въ качествѣ дежурнаго полковника, поговорилъ съ солдатами. Я началъ съ лейбъ-эскадрона, въ которомъ я служилъ столько лѣтъ, что зналъ въ лицо каждаго рядового. На правомъ флангѣ стоялъ рядовой Григорій Ивановъ, примѣрный солдатъ, статный и высокаго роста. Я сказалъ ему:

— Ты слышалъ, что случилось?

— Точно такъ.

— Присягнете вы теперь Александру?

— Ваше выкоблагородіе,—отвѣтилъ онъ:—видѣли ли вы императора Павла, дѣйствительно, мертвымъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Не чудно ли было бы,—сказалъ Григорій Ивановъ:—еслибы мы присягнули Александру, пока Павелъ еще живъ?

— Конечно,—отвѣтилъ я.

Тутъ Тормасовъ шопотомъ сказалъ мнѣ по-французски:

— Cela est mal, arrangez cela.

Тогда я обратился къ генералу и громко, по-русски, сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ замѣтить, ваше превосходительство, что мы приступаемъ къ присягѣ не по уставу: присяга никогда не приносится безъ штандартовъ.

Тутъ я шепнулъ ему по-французски, чтобы онъ приказалъ мнѣ послать за ними.

Генералъ сказалъ громко:

— Вы совершенно правы, полковникъ, пошлите за штандартами.

Я скомандовалъ первому взводу сѣсть на лошадей и велѣлъ взводному командиру, корнету Филатьеву, непремѣнно показать солдатамъ императора Павла, живого или мертваго.

Когда они прибыли во дворецъ, генералъ Бенигсенъ, въ качествѣ коменданта дворца, велѣлъ имъ принять штандарты, но корнетъ Филатьевъ замѣтилъ ему, что необходимо прежде показать солдатамъ покойника. Тогда Бенигсенъ воскликнулъ: «Mais c'est impossible, il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger!»

Филатьевъ отвѣтилъ, что, если солдаты не увидятъ Павла мертвымъ, полкъ отказывается присягнуть новому государю.— «Ah, ma foi!» сказалъ старикъ Бенигсенъ: «s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir». Два ряда были впущены и видѣли тѣло императора.

По прибытіи штандартовъ, имъ были отданы обычныя почести съ соблюденіемъ необходимаго этикета. Ихъ передали въ соотвѣтствующіе эскадроны и я приступилъ къ присягѣ. Прежде всего я обратился къ Григорію Иванову:

— Что же, братецъ, видѣлъ ты государя Павла Петровича? Дѣйствительно онъ умеръ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, крѣпко умеръ!

— Присягнешь ли ты теперь Александру?

— Точно такъ... хотя лучше покойнаго ему не быть... А, впрочемъ, все одно: кто ни попъ, тотъ и батька.

Такъ окончился обрядъ (присяги), который, по смыслу своему, долженствовалъ быть священнымъ таинствомъ: впрочемъ, онъ всегда и былъ таковымъ... для солдатъ.

Императоръ Павелъ
и его время.

Записки барона Гейкинга *).

Вторую поѣзду императора Павла въ Москву я считаю эпохою, наложившею новый отпечатокъ на характеръ его правленія и послужившею источникомъ злополучія для всѣхъ лицъ, окружавшихъ этого несчастнаго властителя.

Послѣ возвращенія изъ Москвы, измѣнчивое и причудливое настроеніе его характера дѣлалось съ каждымъ днемъ ощутительнѣе; онъ мучился непрерывнымъ безпокойствомъ; однако, можно было замѣтить, что въ немъ еще происходила внутренняя борьба. Религіозныя убѣжденія его постепенно ослабѣвали; въ привязанности его къ государынѣ тоже произошла рѣзкая перемѣна; расположеніе его къ г-жѣ Нелидовой сначала замѣнилось равнодушіемъ, а потомъ превратилось въ явную враждебность; довѣріе къ Куракину и Буксгевдену внезапно пропало, уступивъ мѣсто подозрительности и преслѣдованіямъ. Графы Румянцевъ и Віельгорскій, я и нѣкоторые другіе, на которыхъ ему указали, какъ на приверженцевъ императрицы—всѣ мы, одинъ за другимъ, были уволены или сосланы. Павелъ, окончательно увлеченный страстностію своей натуры, лишенный всякой обуз-

---

*) Записки барона Гейкинга напечатаны первый разъ въ 1886 году на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeihnungen eines Kurlandichen Edelmans. Leipzig. 1886 г. Онѣ были переведены и напечатаны въ *Русской Старинѣ* за 1887 годъ, но, конечно, безъ описанія смерти Павла. Эта послѣдняя глава недавно напечатана въ упомянутой книгѣ „Цареубійство 11-го марта“. Здѣсь мы опускаемъ двѣ первыхъ главы, главнымъ образомъ посвященныхъ личной жизни автора, а беремъ третью и четвертую, гдѣ Гейкингъ описываетъ время Павла и его безумства, и пятую—съ описаніемъ смерти императора.

дывающей силы, которая могла бы предупредить или умѣрить взрывы его характера, сталъ предаваться неслыханнымъ дотолѣ крайностямъ всякаго рода.

Но такъ какъ всѣ таковыя выходки явились лишь результатомъ и слѣдствіемъ странной и внезапной перемѣны въ мысляхъ и въ привычкахъ государя, то естественнымъ образомъ является желаніе изслѣдовать загадочныя причины этого. Мнѣ кажется, что я, по положенію, которое занималъ, равно какъ и по моимъ связямъ, на которыя указано въ предшествующихъ главахъ, могъ бы разслѣдовать этотъ вопросъ.

Разгадкою столь необъяснимаго явленія могло бы служить слѣдующее.

При всѣхъ дворахъ есть извѣстный разрядъ людей, безнравственность коихъ столь же велика, сколько опасна. Эти низкія натуры питаютъ неодолимую ненависть ко всѣмъ, нераздѣляющимъ ихъ образа мыслей; понятія о добродѣтели они не могутъ имѣть, потому что оно связано съ понятіемъ объ уваженіи къ столь страшному для нихъ закону, а равно и къ чужому имуществу, столько для нихъ вожделѣнному; вслѣдствіе этого, всѣ эти люди соединяются противъ честнаго, безкорыстнаго и, дѣйствительно, просвѣщеннаго человѣка, охотно обольщающаго себя мыслію, что можетъ ограничиться презрѣніемъ къ нимъ, и забывающаго, что часто ихъ нужно и опасаться.

Мучимые жаждою богатства, господа эти позволяютъ себѣ все, чтобы его достигнуть; а такъ какъ высокія мѣста доставляютъ для этого болѣе средствъ, обезпечивая безнаказанность, то они и стремятся къ полученію должностей, изъ которыхъ можно извлекать разныя выгоды. Сильные своею злобою, они считаютъ коварство за умъ, дерзость въ преступленіи за мужество, презрѣніе ко всему на свѣтѣ—за умственное превосходство. Опираясь на эти воображаемыя достоинства, они, вопреки своему ничтожеству, добиваются мѣднымъ лбомъ до такихъ званій, которыя должны были бы заслужить наградою истинныхъ заслугъ государству.

Въ Петербургѣ сошлось нѣсколько подобнаго закала господъ, которые, сблизясь безъ взаимнаго уваженія, разгадали другъ друга, не объясняясь, и стали общими силами работать надъ устраненіемъ людей, которые являлись имъ помѣхою.

Орудіе, которымъ агитаторы всегда пользуются столь же ловко, какъ и успѣшно,—всегда служили дураки. Для привлеченія ихъ на свою сторону, агитаторы начинаютъ съ того, что сверхъ мѣры превозносятъ ихъ честность; дураки хотя внутренно и удивляются этимъ незаслуженнымъ похваламъ, но такъ какъ онѣ льстятъ ихъ тщеславію, то они беззавѣтно отдаются въ руки коварныхъ льстецовъ.

Такимъ-то порядкомъ произошло и то, что Кутайсовъ вдругъ оказался образцомъ преданности своему государю. Стали приводить примѣры его безкорыстія; стали даже приписывать ему извѣстную тонкость ума и выражать притворное удивленіе, какъ это государь не сдѣлаетъ чего-нибудь побольше для такого рѣдкаго любимца. Кутайсовъ, въ концѣ концовъ, самъ началъ вѣрить, что его пріятели правы; но онъ далъ имъ понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любятъ и мѣшаютъ его возвышенію. Этого только и ждали: стали еще больше превозносить его и увѣрять, что отъ него самого зависитъ господство надъ Павломъ, если онъ подставитъ ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно поставить свои условія. Напомнили ему о дѣвицѣ Лопухиной и внушили ему, что онъ долженъ дѣлать въ Москвѣ. Кутайсовъ обѣщалъ все исполнить; а такъ какъ ему намекнули, что и князь Безбородко тоже желалъ бы видѣть государя избавленнымъ отъ опеки императрицы, г-жи Нелидовой и братьевъ Куракиныхъ, то онъ всецѣло примкнулъ къ этому заговору, хотя и не предвидѣлъ его результатовъ.

Встрѣча, оказанная государю въ Москвѣ, была восторженная; а такъ какъ сердце у него отъ природы было мягкое, то онъ былъ живо тронутъ этими выраженіями преданности и любви. Бѣдный монархъ обладалъ любящею и чувствительною душою. И зачѣмъ это такъ случилось, что его раздражительный характеръ и болѣзненно-настроенное воображеніе вѣчно заставляли его идти ложнымъ путемъ! Исполненный радостью, онъ въ тотъ же вечеръ сказалъ Кутайсову:

— «Какъ отрадно было сегодня моему сердцу! московскій народъ любитъ меня гораздо болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ»

«Это меня не удивляетъ», отвѣчалъ Кутайсовъ.

— «Почему же?»

«Не смѣю объяснять».

— «Такъ приказываю тебѣ это».

«Обѣщайте мнѣ, государь, никому не передавать этого».

— «Обѣщаю».

«Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, какой вы есть дѣйствительно—благимъ, великодушнымъ и чувствительнымъ; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-либо милость, то говорятъ, что это государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили ее у васъ. Такъ что, когда вы дѣлаете добро,—то это они; если же кого покараютъ—то это вы караете».

— «Значитъ, говорятъ, что... я даю управлять собою».

«Такъ точно, государь».

— «Ну, хорошо же, я покажу, какъ мною управляютъ!»— Гнѣвно приблизился Павелъ къ столу и хотѣлъ писать; но Кутайсовъ бросился къ его ногамъ и умолилъ на время сдержать себя.

На слѣдующій день государь посѣтилъ балъ, гдѣ молодая Лопухина неотлучно слѣдовала за нимъ и не спускала съ него глазъ. Онъ обратился къ какому-то господину, который какъ бы случайно очутился по близости отъ него, но принадлежалъ къ той же группѣ. Господинъ этотъ, съ улыбкою, замѣтилъ:

— «Она, в. в., изъ-за васъ голову потеряла».

Павелъ разсмѣяся и возразилъ, что она еще дитя.

— «Но ей уже скоро 16 лѣтъ»,—отвѣтили ему.

Затѣмъ онъ подошелъ къ Лопухиной, поговорилъ съ нею и нашелъ, что она забавна и наивна: а послѣ бесѣды объ этомъ съ Кутайсовымъ все устроено было между симъ послѣднимъ и мачехою дѣвицы. Рѣшено было соблюдать глубочайшій секретъ и не сообщать даже отцу ея всѣхъ статей заключеннаго договора, который, впрочемъ, только въ Петербургѣ долженъ былъ вполнѣ осуществиться; между тѣмъ, и родитель, и вся семья должны были быть переведены туда. Хотя Павелъ, по возвращеніи, довольно удачно скрывалъ свои тайныя намѣренія и даже пожаловалъ подарки мнимымъ креатурамъ императрицы, однако, нѣкоторыя слова, сорвавшіяся съ языка у вернувшихся изъ Москвы лицъ, возбудили подозрѣніе относительно того, что замышлялось. Негодяи часто бываютъ болтливыми: это, можетъ

быть, благодѣяніе природы, снабдившей и ядовитыхъ змѣй погремушками. О лопухинской интригѣ скоро узнали, хотя и притворились ничего не знающими. Меня поразило, однако, выраженія лица Павла, когда онъ смотрѣлъ на свою супругу и на фрейлину Нелидову. Я сказалъ объ этомъ одному изъ приближенныхъ ко двору людей, но тотъ мнѣ отвѣтилъ: «Это только преходящая туча. Изволятъ дуться, но не надолго».

Наиболѣе поразило меня то, что креатуры Безбородко пошли въ ходъ, постоянно стали получать знаки благоволенія и рѣзко критиковали финансовыя операціи генералъ-прокурора князя Куракина. Правда, что его вспомогательная касса для дворянства была неудачно придумана; но теперь стали распространять слухъ, что онъ, создавая это учрежденіе, руководился низкими разсчетами личнаго интереса.

Закулисные интриганы чувствовали, что ихъ коалиція можетъ держаться и привести къ желанной цѣли лишь въ томъ случаѣ, если должности генералъ-прокурора и петербургскаго генералъ-губернатора будутъ въ ихъ рукахъ. Прежде всего, поэтому, они стали подкапываться подъ князя Алексѣя Куракина и генерала Буксгевдена. Кутайсовъ теперь только и зналъ, что расхваливать Палена; а такъ какъ ему извѣстны были тайные соглядатаи Павла, то онъ сумѣлъ воспользоваться ими, чтобы доводить—повидимому самымъ естественнымъ образомъ—до ушей государя многочисленныя восхваленія человѣка, которому желали дать мѣсто.

Однажды Павелъ, находясь въ небольшомъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Странно! Никогда не слыхалъ я, чтобы о комъ-либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значитъ, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить».

Предавшись такому теченію мысли, государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно-чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія.

Планъ—окружить государя новыми людьми, какъ ни тщательно былъ скрываемъ, однако, не могъ ускользнуть отъ про-

ницательности многихъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, лицъ; наконецъ, внезапное повелѣніе г. Лопухину, который былъ сенаторомъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ, достаточно ясно указало на близкое развитіе какого-то обширнаго проекта.

Однажды государь такъ дурно обошелся съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ, что тотъ вслѣдствіе этого захворалъ. Императрица хотѣла было поговорить въ его пользу; но этимъ тоже заслужила гнѣвъ своего супруга. На сей разъ гроза прошла мимо; но неудачная мысль государыни ускорила развязку. Узнавъ, что г-жа Лопухина должна прибыть въ Петербургъ, она имѣла неосторожность написать ей угрожающее письмо, чтобы воспрепятствовать исполненію этого плана.

Письмо это пришлось тайнымъ союзникамъ какъ разъ съ руки. Оно было доставлено Павлу, который пришелъ въ неописуемый гнѣвъ....

22-го іюля дворъ находился въ Петергофѣ. Такъ какъ то былъ день рожденія императрицы, то и я былъ принужденъ туда отправиться. Государь былъ въ явно-дурномъ настроеніи; со мною обратился холодно и не сказалъ мнѣ ни одного слова. Фрейлина Нелидова казалась мнѣ погруженною въ глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Балъ этотъ скорѣе былъ похожъ на похороны, и всѣ предсказывали новую грозу.

На слѣдующій день Павелъ уѣхалъ въ Гатчину. 24-го числа онъ находился еще тамъ, когда заслышанъ былъ вдругъ пушечный громъ со стороны Петербурга. Такъ какъ государь, особымъ приказомъ, воспретилъ учить войска въ послѣобѣденное время, то обратился къ в. кн. Александру съ вопросомъ:

— «Что значитъ эта пушечная пальба?»

«Можетъ быть,—отвѣчалъ тотъ, это какой-нибудь корабль прибылъ, и ему салютуютъ изъ крѣпости».

Вскорѣ, однако, пальба усилилась. Государь, внѣ себя отъ гнѣва, послалъ адъютанта въ Петербургъ, чтобы спросить у генералъ-губернатора графа Буксгевдена о причинахъ этой канонады. Едва успѣлъ адъютантъ уѣхать, какъ Павелъ отправилъ другого, съ приказаніемъ Буксгевдену—немедленно явиться въ Гатчину.

Случилось это въ 7 часовъ вечера, а первый курьеръ прибылъ въ Петербургъ уже съ наступленіемъ ночи. Первому гонцу

Буксгевденъ отвѣчалъ, что это артиллерійскій генералъ дѣлалъ, съ его разрѣшенія, испытаніе пушкамъ, и что онъ не могъ отказать въ этомъ разрѣшеніи, такъ какъ государь въ прошлогоднемъ приказѣ, относительно послѣобѣденныхъ ученій, сдѣлалъ исключеніе для артиллеріи, и исключеніе это еще не отмѣнено. Отвѣтъ этотъ былъ доложенъ государю въ 5 часовъ утра, такъ какъ онъ приказалъ сообщить ему о томъ въ какое бы время ни было. Павелъ, хотя успокоенный этимъ донесеніемъ, остался, однако, въ дурномъ расположеніи духа.

Поутру Паленъ и другіе генералы явились во дворецъ, для представленія своихъ рапортовъ. Павелъ приказалъ ввести Буксгевдена и сталъ упрекать его, что онъ разрѣшилъ то, что было воспрещено. Тотъ сослался на неотмѣненный приказъ прошлаго года. Тогда Павелъ сказалъ ему:

— «Это все отговорки для оправданія вашей безпечности, которую я слишкомъ хорошо замѣчаю. Вы—болѣе не петербургскій генералъ-губернаторъ,—ступайте!»

Въ то же время онъ позвалъ къ себѣ Палена:

— «Поручаю вамъ должность генералъ-губернатора; но садитесь сейчасъ же въ карету Буксгевдена и примите отъ него всѣ дѣла, касающіяся его вѣдомства».

Паленъ нашелъ все въ величайшемъ порядкѣ, и говорятъ, что онъ отдалъ полную справедливость своему предшественнику въ докладѣ государю. Мнѣ, лично, Буксгевденъ сказалъ:

— «Я уже за три недѣли предвидѣлъ этотъ ударъ, и каждую минуту ожидалъ его. Исторія съ артиллерійскимъ ученіемъ послужила лишь предлогомъ».

Такимъ образомъ, важнѣйшая, послѣ генералъ-прокурорской, должность очутилась въ рукахъ согласниковъ; съ этой минуты, перемѣны вдругъ стали быстро слѣдовать одна за другою.

Наконецъ, прибылъ г. Лопухинъ, но безъ семьи. Государь хотѣлъ было передать ему портфель генералъ-прокурора, но онъ убѣдительно просилъ, чтобы его отъ этого избавили. Тогда государь предложилъ означенную должность барону Васильеву: тотъ наотрѣзъ отказался, говоря, что и безъ того несетъ слишкомъ большую отвѣтственность, какъ главный казначей, чтобы взять на себя двойную работу.

Павелъ, будучи постоянно возбуждаемъ противъ князя Але-

ксѣя Куракина, далъ, наконецъ, безусловное повелѣніе Лопухину исполнять должность генералъ-прокурора, пока здоровье будетъ ему это дозволять. Князь Алексѣй переведенъ былъ въ 1-й департаментъ сената; а вице-канцлеръ, постоянно испытывавшій на себѣ гнѣвъ государя, подалъ въ отставку, но Павелъ, не любившій, чтобы его предупреждали, приказалъ объявить ему, что онъ самъ лучше знаетъ, когда настанетъ время для его увольненія.

Съ этого времени только и слышно было ежедневно о новыхъ увольненіяхъ отъ службы. Но прежде, чѣмъ продолжать свой разсказъ, скажу нѣсколько словъ объ исторіи съ мальтійскимъ орденомъ.

Извѣстно, что о-въ Мальта былъ, 18 іюня 1798 г., сданъ французамъ; виною этому гораздо менѣе была трусость рыцарей, нежели измѣна нѣкоторыхъ якобинцевъ. Когда извѣстіе это дошло до Петербурга, то Литта сообразилъ, что изъ бѣдствій ордена можетъ извлечь личную выгоду для себя. Англійскій дворъ, до крайности раздраженный успѣхомъ французовъ, приказалъ своему посланнику, лорду Уитворту, дѣйствовать согласно съ Литтой, дабы подвигнуть Павла къ самымъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Вслѣдствіе ихъ происковъ, Павелъ, безъ того уже разгнѣванный постыдною сдачею главной резиденціи ордена, покровителемъ котораго онъ только что объявилъ себя, соизволилъ на учрежденіе судилища надъ гросмейстеромъ Гомпешемъ, который долженъ былъ лишиться своего званія.

Членами этого верховнаго трибунала назначены: князь Безбородко, князь Александръ Куракинъ, графъ Кобенцль, графъ Віельгорскій (комтуръ ордена), графъ Буксгевденъ (рыцарь прусскаго ордена Іоаннитовъ), два французскіе дворянина, о которыхъ говорили, что они сложили съ себя орденскій обѣтъ, два священника изъ католическаго пріората въ Россіи и я.

Несообразность всей этой процедуры, равно какъ нарушеніе всѣхъ законныхъ формъ хотѣли прикрыть тѣмъ, что обвиненіе и приговоръ произведены были съ такою поспѣшностію, что все дѣло было окончено въ полтора часа.

Дабы ввести въ заблужденіе иностранныхъ членовъ ордена и добиться ихъ согласія на этотъ противозаконный актъ, испросили у государя формальное объявленіе, въ которомъ онъ обѣщалъ защиту всего ордена, вообще, и каждаго члена въ частно-

сти. Сдѣлавъ этотъ шагъ, Павелъ уже не могъ отступать назадъ. Онъ и пошелъ впередъ, большими шагами, и воспользовался всею силою своего положенія—для содѣйствія видамъ Литты и лондонскаго двора.

Такъ какъ окружающіе Павла интриганы очень хорошо знали, какъ слѣдуетъ пользоваться его первымъ увлеченіемъ, то они и побудили его сорить русскими деньгами на пользу ордена, котораго духъ и организація не имѣли рѣшительно никакого соотношенія къ политическому устройству русскаго государства. И въ самомъ дѣлѣ, на что намъ былъ въ Россіи Іоаннитскій орденъ, разъ что мы имѣли ордена св. Георгія для военнныхъ, и св. Владиміра для гражданскихъ чиновъ? Зачѣмъ было бросать три милліона на орденскія дотаціи? Зачѣмъ было пріобрѣтать, за очень дорогую цѣну, великолѣпное зданіе, чтобы помѣстить тамъ нѣсколькихъ французовъ и итальянцевъ? Всѣ эти великолѣпныя затѣи совпадаютъ со второю эрою Павлова царствованія, т.-е. онѣ слѣдуютъ за его второю поѣздкою въ Москву.

Кутайсову, который въ орденѣ Іоаннитовъ могъ бы занимать только мѣсто послушника, тайно была обѣщана степень Большого креста. Самъ же Павелъ не удовольствовался титуломъ гросмейстера, но наименовалъ себя самодержнымъ государемъ ордена. Съ того времени все стало возможнымъ, и очень скоро все пошло весьма своеобразно. Послѣ того, что Литта былъ назначенъ намѣстникомъ гросмейстера, онъ сталъ себѣ все дозволять, и, наконецъ, даже отрекся отъ своего обѣта, чтобы жениться на графинѣ Скавронской, первый мужъ которой умеръ въ Италіи.

Павелъ приходилъ все въ болѣе и болѣе дурное настроеніе духа, и что должно было еще болѣе поразить наблюдателя,— помимо взрывовъ своего гнѣва, сталъ выказывать и притворство. Во время послѣдняго доклада, который имѣлъ у него, въ качествѣ генералъ-прокурора, князь Алексѣй Куракинъ, Павелъ обнялъ его, хвалилъ его усердіе, а на другой же день уволилъ. Слѣпая подозрительность побуждала его преувеличенно-торопливо наносить свои удары и увольняемыхъ имъ лицъ удалять, посредствомъ изгнанія изъ столицы. Единственнымъ хорошимъ качествомъ, какое онъ сохранилъ, была благотворительность; о немъ, вмѣстѣ съ Тацитомъ, можно было бы сказать: Erogandae per

honesta pecuniae cupiens quam virtutem diu retinuit, cum caetera exueret. Подобно тому, какъ онъ уволилъ Буксгевдена, такъ прогналъ и честнаго адмирала Плещеева, и притомъ съ безпремѣрною жестокостію. Онъ велѣлъ ему безотлагательно ѣхать въ свою деревню, хотя жена Плещеева лежала еще больная, послѣ родовъ. Въ виду сего Плещеевъ написалъ смѣлое письмо государю, который, наконецъ, и разрѣшилъ ему отложить отъѣздъ до выздоровленія жены. Адмиралъ, бывъ воспитанъ совмѣстно съ Павломъ, сохранилъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы иногда вызсказывать ему правду. Такой человѣкъ казался опаснымъ, и его нужно было поскорѣе удалить, даже не соблюдая законовъ человѣколюбія.

Всѣ эти событія дѣлали для меня службу чрезвычайно непріятною; я охотно попросился бы въ отставку, но примѣръ вице-канцлера удерживалъ меня отъ этого. Такимъ образомъ пришлось мнѣ пребывать въ ожиданіи взрыва бомбы и надъ моею головою.

Буксгевденъ, съ того дня, какъ былъ отрѣшенъ отъ должности генералъ-губернатора, рапортовался больнымъ и не выходилъ изъ дома, твердо рѣшившись дождаться лишь сентября, чтобы просить о совершенномъ увольненіи отъ службы, такъ какъ онъ еще числился шефомъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Однажды, въ воскресенье, встрѣтилъ я у графини Буксгевденъ, кромѣ офицеровъ помянутаго полка, еще одного господина, образъ мыслей котораго былъ извѣстенъ мнѣ. Графиня, между многими хорошими свойствами, имѣла одно дурное: высказывать все, что у ней было на умѣ. Она позволила себѣ нѣсколько необдуманныхъ выходокъ противъ новыхъ мѣропріятій; но когда, во время этого разговора она обратилась ко мнѣ, то я возразилъ ей, что не могу съ точностью судить объ этихъ дѣлахъ,—что я умѣю лишь повиноваться и...

— «И молчать», подхватила она. «Урокъ этотъ хорошъ и достоинъ вашей политики, господинъ сенаторъ. Но я—женщина, и говорю, что думаю».

Я пристально взглянулъ на нее и показалъ глазами на извѣстнаго господина. Она меня поняла, но продолжала:

— «Ахъ я не стану стѣсняться, потому что окружена только друзьями нашего дома; не правда ли?...» прибавила она, обратясь къ г. К....

— «Конечно, сударыня», отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись, и затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, удалился.

Черезъ три дня послѣ этого жена моя пріѣхала къ графинѣ. Въ прихожей она застала приготовленіе къ отъѣзду, увидѣла г-жу Нелидову въ слезахъ, а графиню въ величайшемъ волненіи.

«Какъ, милая графиня, вы уѣзжаете?»

— «Да развѣ вы не знаете, что насъ выгоняютъ изъ Петербурга?»

«Но за что же?»

— «Это ужъ его тайна. Счастіе еще, что имѣніе мое всего въ 30 верстахъ отъ Петербурга, такъ какъ мнѣ остается всего 48 часовъ времени, чтобы покинуть столицу». Разговоръ, конечно, заключился слезами и жалобами. Всѣ три дамы вмѣстѣ воспитывались въ институтѣ и любили другъ дружку.

— «Я поѣду вслѣдъ за моею милою Буксгевденъ, сказала Нелидова, и оставлю дворъ, гдѣ».... рыданіе прервало ея слова.

На слѣдующій день мы посѣтили г-жу Нелидову, которая показала намъ письмо, которое только только что было написано ею государю и въ которомъ она испрашивала у него позволенія послѣдовать за своею подругою. Письмо было написано превосходно. Государь, на другой же день, прислалъ весьма любезный отвѣтъ: но въ немъ ничего не упоминалось объ испрашиваемомъ дозволеніи.

Нелидова написала другое письмо, слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ умолчаніе в. в—ва относительно моей просьбы я принимаю какъ разрѣшеніе оной, то намѣрена воспользоваться этимъ, и завтра уѣзжаю». Одновременно съ симъ она просила Палена о выдачѣ ей подорожной. Паленъ прислалъ подорожную, но просилъ воспользоваться ею лишь на другой день; а въ то же время онъ отправилъ гонца къ государю, находившемуся въ Гатчинѣ. Разсказывали, что Павелъ, извѣстясь объ этой твердой рѣшимости Нелидовой уѣхать, ужасно разгнѣвался и воскликнулъ:

— «Хорошо же, пускай ѣдетъ; только она мнѣ за это поплатится!»

Пребываніе государя за городомъ освобождало меня отъ необходимости являться ко двору столь же часто, какъ въ столицѣ. Обстоятельство это я считалъ счастіемъ для себя. Подъ

предлогомъ нездоровья я уклонился отъ присутствія на двухъ празднествахъ; но мнѣ намекнули, что Павелъ замѣчаетъ отсутствующхъ, хотя бы и дѣлалъ видъ, во время появленія ихъ при дворѣ, какъ будто не обращаетъ на нихъ вниманія. Теперь, повидимому, все наводило на него скуку, все было ему въ тягость. Привыкнувъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, дѣлиться всѣми чувствами и задушевными мыслями съ г-жею Нелидовою, онъ, лишившись ея привлекательнаго общества, тотчасъ же и живо почувствовалъ эту утрату. Ужасающая пустота замѣнила удовольствіе безграничной довѣренности, и вскорѣ сообщительная душа Павла сознала себя обреченною на полное одиночество. Онъ очутился вполнѣ отъ всѣхъ отчужденнымъ, такъ какъ въ тѣхъ людяхъ, которые стали теперь окружать его, не находилъ ни одного, способнаго понять его возвышенныя мысли. Императрица, при многихъ ея хорошихъ качествахъ, не обладала тѣмъ родомъ любезности и веселости, какой онъ находилъ въ г-жѣ Нелидовой. Положеніе его стало невыносимымъ, и вину этого онъ сталъ взваливать на всякаго встрѣчнаго. Гнѣвъ его, прежде всего, проявился въ отношеніи Нелидовой. Генералъ-адъютантъ, носившій ту же фамилію, былъ внезапно уволенъ въ отставку; та же участь постигла и двоюроднаго ея брата князя Барятинскаго.

Императрица постоянно писала Нелидовой, и письма свои отправляла по почтѣ. Сначала ихъ вскрывали, но, убѣдившись, что они не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, перестали дѣлать это. Тѣмъ не менѣе, Павлу была очень досадна эта непоколебимая привязанность его супруги, которая въ то время, какъ онъ былъ великимъ княземъ, сильно, напротивъ того, не жаловала г-жу Нелидову. Досада Павла отразилась на обращеніи съ супругою своею... Графъ Віельгорскій, который по своему званію гофмаршала принужденъ былъ часто бесѣдовать съ императрицею о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся его должности, сталъ на одномъ изъ придворныхъ собраній говорить ей о чемъ-то подобномъ. Государь нахмурися и замѣтилъ великому князю Александру:

«Вотъ онъ опять толкуетъ ей о пустякахъ».

Великій князь бросилъ на графа взглядъ, давая ему понять, чтобы онъ удалился. Віельгорскій отошелъ и приблизился къ

игрокамъ въ бостонъ, сидѣвшимъ за карточнымъ столомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя.

— «Вотъ, посмотрите, — сказалъ Павелъ, — теперь онъ старается приблизится, чтобы подслушивать, о чемъ мы говоримъ».

Великій князь опять далъ Віельгорскому знакъ отойти; но тотъ, находясь подлѣ четырехъ игроковъ, не вообразилъ себѣ даже, что въ немъ подозрѣваютъ столь тонкій слухъ, а тѣмъ паче—намѣреніе подслушивать своего государя. Онъ остался на своемъ мѣстѣ, спокойно продолжая разговаривать съ игроками, чтобы доказать, что его вниманіе никуда болѣе не отвлечено. Тѣмъ не менѣе, Павелъ такъ упрямо стоялъ на своемъ ложномъ предположеніи, что на слѣдующій же день смѣнилъ Віельгорскаго и назначилъ на его мѣсто Нарышкина.

Можно себѣ представить, какъ я былъ огорченъ такою несправедливостью въ отношеніи человѣка, который былъ украшеніемъ двора и котораго я искренно любилъ. Онъ сообщилъ мнѣ о постигшей его судьбѣ, прибавивъ:

— «Я рѣшился спокойно сидѣть дома, гдѣ мои дѣти и моя библіотека доставятъ мнѣ гораздо болѣе пріятное занятіе, нежели мелочи моей гофмаршальской должности».

Не прошло однако и трехъ недѣль, какъ Павелъ приказалъ графу отправиться въ Вильно и, безъ его позволенія, не выѣзжать оттуда.

Ясно предвидя, что и до меня дойдетъ очередь, я велъ дѣла юстицъ-коллегіи съ такою аккуратностью, что генералъ-прокуроръ могъ бы въ любой моментъ провѣрить ихъ; между тѣмъ какъ гордый своими связями архіепископъ (Богушъ-Сестренцевичъ) дѣлалъ, въ своемъ департаментѣ, множество несправедливостей...

Около этого времени государь вызвалъ изъ изгнанія графа Петра Головкина; но когда тотъ явился ко двору съ не въ мѣру торжествующею физіономіею, то Павелъ разсердился и, вскорѣ затѣмъ, назначилъ его капитаномъ одного изъ кораблей кронштадскаго флота. Тутъ Головкинъ выкинулъ, на маневрахъ, какую-то глупую штуку, за которую, по морскому уставу, угрожало разжалованіе; однако, при помощи денегъ, выпутался изъ бѣды.

Новые царедворцы хорошо замѣчали, что Павелъ сильно скучаетъ, понимали и необходимость забавлять его. Сначала взду-

Екатерина Ивановна Нелидова.

мали было познакомить его поближе съ французскою актрисою Шевалье, но такъ какъ это имъ не удалось, то рѣшились, по крайней мѣрѣ, приблизить къ нему одного человѣка, который могъ развлекать его своими выдумками, но правила котораго не были строги, а общественное злоязычіе всегда возбуждало противъ него тайное недоброжелательство придворнаго и городского общества.

Такимъ человѣкомъ явился генералъ Ѳ. В. Растопчинъ, не задолго передъ тѣмъ удаленный отъ двора. Воспитанный за границею, онъ пріобрѣлъ тамъ наружно-блестящее образованіе; красно говорилъ, отлично схватывалъ смѣшныя стороны другихъ людей и прекрасно умѣлъ передразнивать ихъ. Трудно было сравниться съ нимъ въ искусствѣ набросать какую-нибудь записку; но онъ могъ умно изложить и дѣловое письмо, не требовавшее ни обстоятельности, ни глубины.

Павелъ зналъ его. Еще будучи великимъ княземъ, онъ однажды прогналъ его изъ-за своего стола, при которомъ тотъ находился въ качествѣ дежурнаго камергера. Хотя характеръ Растопчина былъ ему противенъ, однако, при вступленіи на престолъ, онъ опять взялъ его къ себѣ. Съ тѣхъ поръ Павелъ не разъ лишалъ его своей благосклонности, но такъ какъ выходки Растопчина были забавны, а онъ теперь умиралъ со скуки, то и поспѣшилъ опять призвать его ко двору. При томъ, Растопчинъ былъ личнымъ врагомъ Нелидовой—причиною больше, чтобы благоволить ему.

Значеніе его стало быстро возрастать; онъ зналъ слабыя стороны царя, ловко умѣлъ польстить имъ, и осыпалъ соперниковъ своихъ сарказмами, обнаруживавшими ихъ ничтожество и невѣжество.

— «Тѣмъ лучше,—однажды замѣтилъ на это Павелъ,—это вѣдь машины, которыя только должны умѣть повиноваться».

Но и Павелъ, и Растопчинъ заблуждались. Тотъ, кто не умѣлъ правильно написать двухъ строкъ, оказался хитрѣе и тоньше ихъ и всѣхъ академиковъ Европы, какъ то мы видимъ изъ продолженія этихъ воспоминаній.

Спокойный, кроткій и почтенный характеръ новаго генералъ-прокурора Лопухина не совсѣмъ пришелся по вкусу Павла, который началъ находить удовольствіе въ разрушеніи имъ же самимъ воздвигнутаго зданія. Перемѣнить всѣхъ чиновниковъ при

дворѣ и въ иностранной коллегіи, разстраивать всю армію непрерывнымъ увольненіемъ полковниковъ и генераловъ изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, это казалось ему проявленіями сильной воли, долженствующими доказать всей Европѣ, что у него главнымъ дѣломъ было соблюденіе строгихъ правилъ относительно порядка, справедливости и точности.

Вдругъ Павелъ открыто заявилъ себя противникомъ Франціи и послалъ австрійцамъ вспомогательныя войска, главное начальство надъ коими поручено было генералу Розенбергу, человѣку храброму, но не пользовавшемуся никакою извѣстностью, въ военномъ смыслѣ. Назначеніе это разсчитывалъ получить Рѣпнинъ, который, въ виду сего, всегда старался унизить достоинства Суворова, нелюбимаго Павломъ и отставленнаго отъ службы за то, что осмѣлился выразить мнѣніе, будто можно выигрывать сраженія, не обременяя солдатъ крагами, косами и пудрою.

Назначеніе Розенберга всѣхъ удивило, а русскихъ просто привело въ отчаяніе, такъ какъ они опасались, что завянутъ тѣ лавры, которые пожинало, въ теченіе тридцати лѣтъ, наше постоянно побѣдоносное войско. Къ счастію, австрійцы, или скорѣе эрцгерцогъ Карлъ, были столь разумны, что какъ милости испросили назначенія Суворова, и Павелъ не рѣшился отказать въ ихъ просьбѣ. Рѣпнинъ же увлекся въ отношеніи къ этому извѣстному генералу до такихъ низостей, что мнѣ и говорить о нихъ не хочется. Лучше приведу я здѣсь такую черту характера, которая дѣлаетъ честь какъ человѣку, рѣшившемуся выразить ее словами, такъ и государю, выслушавшему эти слова безъ гнѣва.

Генералъ графъ Ферзенъ былъ прикомандированъ къ кадетскому корпусу и подчиненъ в. к. Константину Павловичу. Долго выносить остроумныя выходки этого юноши стало ему не въ моготу, и онъ попросилъ объ увольненіи въ отставку. Павелъ пожелалъ узнать причину. Сначала храбрый солдатъ этотъ сказалъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ; но затѣмъ, когда стали у него допытываться о настоящей причинѣ, онъ прибавилъ:

— «В. в. требуете правды? Ну, такъ простите меня, государь, но, право, грустно для человѣка, состарѣвшагося на войнѣ, имѣть и надъ собой и подъ собой однихъ дѣтей».

Если бы побольше людей подобнаго закала стояло вблизи

престола, то послѣдніе держались бы покрѣпче, и государи могли бы менѣе опасаться измѣны.

Работая усердно надъ порученными мнѣ дѣлами, я съ досадою усматривалъ, что составленіе уголовнаго кодекса не подвигалось впередъ. Спорили о незначущихъ выраженіяхъ, и я нерѣдко высказывалъ по этому поводу свое неудовольствіе, пока намекъ, вырвавшійся у сенатора Колокольцева, не раскрылъ мнѣ глазъ. Дѣло въ томъ, что Павелъ повелѣлъ ввести смертную казнь. Въ виду состава людей, его теперь окружавшихъ, а также и потому, что самъ онъ день ото дня становился все подозрительнѣе и вспыльчивѣе, введеніе смертной казни являлось вдвойнѣ опаснымъ. Этимъ-то спасеніемъ товарищи мои, конечно, оказались болѣе меня проникнутыми, когда Колокольцевъ замѣтилъ мнѣ:

— «Можетъ быть, мы наше дѣло окончимъ черезъ-чуръ скоро».

Я понялъ его, и только сказалъ въ отвѣтъ:

«Вы правы! Будемъ спѣшить медленно, дабы не могли намъ попрекнуть, что мы изъ слишкомъ большой поспѣшности представили дурную работу».

И дѣйствительно, число доносовъ и арестовъ все увеличивалось. Лопухинъ не только имѣлъ мужество передъ судомъ защищать тѣхъ, которые казались ему невинными, но онъ добивался для нихъ и вознагражденія понесенныхъ убытковъ, и другихъ удовлетвореній. Всѣ стали неприличнымъ образомъ преклоняться передъ нимъ, когда онъ сдѣлался генераломъ-прокуроромъ, а дочка его готовилась къ прибытію въ Петербургъ. Съ такою же неприличною неблагодарностію всѣ отвернулись отъ князя Алексѣя Куракина, когда его звѣзда поблекла. Многія изъ лицъ, теперь избѣгавшихъ съ нимъ встрѣчи, или яростно на него нападавшихъ, были обязаны ему своимъ быстрымъ повышеніемъ. Это возмутительное поведеніе раздосадовало меня, и хотя я ничѣмъ не былъ обязанъ кн. Алексѣю Куракину, но продолжалъ посѣщать какъ его, такъ и графа Буксгевдена. Однажды, Паленъ замѣтилъ мнѣ:

— «А я видѣлъ вашу карету въ той улицѣ».

« Это у Буксгевдена,—громко отвѣчалъ я.—Пока онъ въ городѣ, я буду его посѣщать. И чтобы никто не воображалъ

себѣ, что я намѣренъ прятаться, я приказываю стоять у его подъѣзда экипажу съ моимъ гербомъ и моею ливреею».

— «Это весьма непрактично»,—возразилъ Паленъ.

«Чувство дружбы старше практичности. А впрочемъ, вѣдь онъ не преступникъ и надѣюсь, что меня мои друзья не перестанутъ посѣщать, когда я болѣе не буду сенаторомъ».

Съ Лопухинымъ я держалъ себя осторожно. Вице-предсѣдатель Корфъ просилъ меня представить его этому вельможѣ, и я сдѣлалъ это съ удовольствіемъ. Онъ принялъ меня крайне внимательно; но я, видя его заваленнымъ работою, сказалъ ему:

— «Я слишкомъ уважаю занятія в. пр-ва, чтобы впредь утруждать васъ своими посѣщеніями. Никогда не явлюсь и передъ вами,—развѣ что по дѣлу, относящемуся къ государевой службѣ. Минуты, похищаемы у васъ, заставляютъ, можетъ быть, вздыхать какого-нибудь несчастнаго, ожидающаго рѣшенія своей участи. Вы можете презирать меня, г. генералъ-прокуроръ, если я когда-нибудь нарушу это обѣщаніе».

Лопухинъ былъ изумленъ моими словами, и этотъ чистосердечный тонъ, повидимому, болѣе понравился ему, чѣмъ та низкая лесть, которую передъ нимъ расточали и которая должна была опротивѣть ему.

Выше мною замѣчено, что характеръ Павла становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Чтобы представить себѣ, до чего это доходило, разскажу, что произошло съ графомъ Строгоновымъ,— конечно, осторожнѣйшимъ изъ людей, когда-либо бывшихъ при дворѣ. Однажды онъ явился въ сенатъ весьма опечаленнымъ; я выразилъ ему мое живѣйшее участіе и просилъ разсказать, что у него за горе.

— «Меня удалили изъ Павловска,—отвѣчалъ онъ,—за то, что я сказалъ государю, что скоро пойдетъ дождь».

«Возможно ли?»

— «Слишкомъ возможно; и вотъ какъ было дѣло: у государыни, въ теченіе нѣсколькихъ дней, была небольшая лихорадка; сырость ей вредна. Между тѣмъ, дня три тому назадъ государь предложилъ ей сдѣлать прогулку. Взглянувъ въ окно, государыня замѣтила:

«Я боюсь, что дождь пойдетъ?»

— «А вы какъ думаете?» спросилъ у меня государь.

«Я вижу, в. в., что небо пасмурно, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ дождь, и даже скоро».

— «А, на этотъ разъ вы всѣ сговорились, чтобы мнѣ противорѣчить,—воскликнулъ Павелъ;—мнѣ надоѣло переносить это! Впрочемъ, я замѣчаю, графъ, что мы другъ другу болѣе не подходимъ. Вы меня никогда не понимаете; да, кромѣ того, у васъ есть обязанности въ Петербургѣ; совѣтую вамъ вернуться туда».

«Я низко поклонился,—продолжалъ Строгоновъ,—ушелъ, и сталъ приготовляться къ тому, чтобы выѣхать на слѣдующій же день; но мнѣ намекнули, что я не дурно сдѣлалъ бы, уѣхавъ немедленно, потому что государь, по уходѣ моемъ, изволилъ сказать:

— «Я думаю, что графъ Строгоновъ понялъ меня».

Бѣдный старецъ былъ до глубины души огорченъ. Онъ принадлежалъ къ кружку великой Екатерины, и пребываніе у двора обратилось ему въ потребность. Онъ былъ царедворецъ не изъ-за честолюбія или интереса, но въ силу той несчастной машинальной привычки, которая обращается, наконецъ, во вторую природу и заставляетъ царедворцевъ умирать со скуки, если у нихъ отнимаютъ право скучать при дворѣ.

За нѣсколько лишь дней предъ тѣмъ Павелъ отправилъ въ изгнаніе статсъ-секретаря Нелединскаго. Послѣдній былъ сначала замѣщенъ г. Неплюевымъ, а потомъ нѣкіимъ г-мъ Б., который долго занималъ незначительное мѣсто въ иностранной коллегіи; этотъ Б. (Бакунинъ?) былъ сыномъ аптекаря, не обладалъ ни душою, ни умомъ, ни познаніями, но такъ какъ онъ пресмыкался передъ Кутайсовымъ, то его ничтожество оказалось удобнымъ для плановъ извѣстной группы.

Нашъ оберъ-прокуроръ Козадавлевъ былъ изъ 3-го департамента переведенъ въ 1-й; его замѣнилъ нѣкто г. Дмитріевъ,—человѣкъ отличный. Еще въ бытность его гвардейскимъ офицеромъ сдѣланъ былъ на него и на двухъ товарищей его анонимный доносъ въ замыслахъ на жизнь государя. Въ то время генералъ-губернаторомъ былъ еще Архаровъ: онъ представилъ подметное письмо Павлу, который и повелѣлъ арестовать всѣхъ троихъ офицеровъ. Однако, уже черезъ недѣлю открылось, что вся эта исторія выдумана была лакеемъ, котораго одинъ изъ помянутыхъ господъ отъ себя прогналъ.

Убѣдившись въ невинности офицеровъ, Павелъ приказалъ возвратить имъ, во время развода, ихъ шпаги. Въ подобныхъ случаяхъ принято благодарить царя, преклоняя колѣна; онъ же, обнимая благодарящаго, поднималъ его на ноги. Но Дмитріевъ ограничился тѣмъ, что подошелъ къ государю и сказалъ:

«В. в. дозволите мнѣ не оскорблять васъ выраженіями благодарности; потому что, такъ какъ я не виновенъ, то и милости мнѣ отъ в. в-ва никакой не оказано. Но такъ какъ гвардія ваша, государь, должна стоять выше всякаго подозрѣнія, то мнѣ не приличествуетъ болѣе оставаться на службѣ, и я умоляю, в. в., даровать мнѣ отставку».

Государь, пораженный пристойнымъ и почтительнымъ тономъ этихъ словъ, обнялъ Дмитріева, со словами:

«Въ вѣрности вашей я никогда не сомнѣвался; а это только обычная формальность. Я былъ бы радъ, если-бъ вы остались».

«Убѣдительнѣйше прошу, в. в.,—возразилъ Дмитріевъ,—дать мнѣ отставку; да я, кромѣ того, и не обладаю нужнымъ здоровьемъ для того, чтобы оставаться солдатомъ».

— «Ну, извольте; такъ какъ вы этого желаете, то я даю вамъ разрѣшеніе. Однако, укажите генералъ-прокурору, какое мѣсто вы желали бы получить на гражданской службѣ».

Такимъ-то образомъ Дмитріевъ попалъ оберъ-прокуроромъ въ сенатъ. На этомъ мѣстѣ онъ выказалъ столько величія душевнаго, безкорыстія и деликатности, какъ рѣдко можно было встрѣтить между оберъ-прокурорами, особенно между тѣми, которые возводились на эту должность изъ секретарей...

Въ это время встрѣчалъ я въ Петербургѣ родственника моего, г. Ренне, который занимался личными дѣлами Палена, въ Курляндіи, и превозносилъ его до небесъ. Онъ находилъ, что квартира наша очень мило устроена.

— «Жалко,—сказалъ я ему,—что такъ много денегъ было брошено на ея устройство».

«А почему же?»

— «Потому что мы скоро ее покинемъ».

«Вы шутите,—возразилъ онъ;—Паленъ конфиденціально говорилъ мнѣ, что если вы устояли противъ первой бури, то васъ оставятъ въ покоѣ».

— «Не вѣрьте! До меня еще дойдетъ очередь, и я совершенно

приготовился къ этому... Впрочемъ, мнѣ будетъ пріятнѣе вернуться на родину, нежели оставаться свидѣтелемъ того, что здѣсь ежедневно совершается».

На слѣдующій же день послѣ этого разговора вице-канцлеръ кн. Александръ Куракинъ былъ уволенъ отъ должности,—хотя довольно учтивымъ образомъ. На его мѣсто мѣтилъ Растопчинъ, который уже перешелъ въ гражданскую службу и былъ членомъ иностранной коллегіи. Однако, на этотъ разъ онъ промахнулся. Князь Безбородко—хотя уже очень больной—провелъ назначеніе своего племянника, Кочубея. Увольненіе князя Александра Борис. Куракина не было потерею, такъ какъ онъ страдалъ положительнымъ отсутствіемъ способностей и трудолюбія. Человѣкъ тщеславный, занятый своимъ туалетомъ и своими брильянтами, онъ интересовался лишь женщинами, музыкою да дурачествами. Будучи холоднымъ эгоистомъ, онъ никому не приносилъ ни вреда, ни пользы. Впрочемъ, онъ хорошо объяснялся по-русски, нѣмецки и французски, обладалъ представительною наружностію и хорошими манерами, но лицо его не имѣло никакого выраженія и смѣхъ былъ дурацкій.

Преемникъ его былъ способнѣе, но не заслуживалъ еще, однако, должности вице-канцлера въ такомъ громадномъ государствѣ, какова Россія. Онъ былъ камергеромъ: затѣмъ посланъ въ Константинополь, гдѣ прочелъ нѣсколько сочиненій по политической части и, благодаря извѣстной рутинѣ, хорошо изучилъ нѣкоторыя дипломатическія формулы. Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы дать ему мѣсто, которое прежде служило наградою лишь долговременной и блестящей дипломатической карьеры.

Послѣ увольненія князя А. Б. Куракина я замѣтилъ, что гнѣвъ противъ г-жи Нелидовой снова возобладалъ надъ Павломъ, который выражалъ это преслѣдованіемъ ея друзей. Я видѣлъ, что скоро очередь дойдетъ и до меня, въ виду той дружбы, которая была между Нелидовой и моею женою.

И точно, 6-го сентября 1798 г., когда я только что всталъ отъ стола, прибывшій ординарецъ вручилъ мнѣ нижеслѣдующую собственноручную записку (на нѣмецкомъ якыкѣ) генерала Палена:

«Я только что получилъ приказаніе, которое долженъ сообщить

вамъ; но занятія мои не дозволяютъ мнѣ выйти; а потому прошу васъ пожаловать ко мнѣ, дабы вы могли принять нужныя мѣры. Остаюсь, какъ всегда, вамъ преданный Паленъ.

С.-Петербургъ, 6-го сентября 1798 года».

Всѣ смотрѣли на меня съ безпокойствомъ; но я, на вопросъ моей встревоженной жены, спокойно отвѣчалъ:

«Паленъ имѣетъ мнѣ сообщить нѣчто относительно юстицъ-коллегіи».

Затѣмъ, приказавъ закладывать карету и отведя въ сторону генерала Фромандіера, который съ нѣсколькими другими друзьями моими обѣдалъ у меня, сказалъ ему:

— «Приготовьте жену къ моему увольненію и къ отъѣзду изъ Петербурга. Эта записка мнѣ достаточно ясна».

Паленъ принялъ меня весьма дружелюбно, ввелъ въ свой кабинетъ и тамъ сказалъ мнѣ:

— «Я не знаю, чѣмъ побужденъ былъ государь потребовать, чтобы вы просили объ отставкѣ».

Вотъ повелѣніе, которое государь собственноручно написалъ Палену:

«Имѣете объявить тайному совѣтнику и сенатору барону Гейкингу, чтобы просилъ объ отставкѣ, такъ какъ онъ постоянно жалуется на болѣзненное состояніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пускай онъ доставитъ генералъ-прокурору названіе своей деревни».

— «Я,—продолжалъ Паленъ,—просто въ отчаяніи отъ этой непріятности, которая обрушилась на васъ безвинно, такъ какъ знаю, что вы всегда усердно и безкорыстно служили государю... но что же дѣлать? Я готовлюсь на то, чтобы въ одинъ прекрасный день получить такой же комплементъ, и меня прогонятъ, можетъ быть, еще съ большимъ шумомъ».

«Я и не ропщу на это повелѣніе,—отвѣчалъ я,—и смотрю на него, какъ на милость, потому что теперь уже болѣе невозможно служить... Позвольте мнѣ, генералъ, здѣсь же, у васъ, написать требуемое гусударемъ прошеніе. Онъ, по крайней мѣрѣ, усмотритъ во мнѣ послушаніе; а вы, изъ того, спокойнаго тона, которымъ я изложу мою просьбу, можете заключить, насколько мнѣ желательно возвратиться въ нѣдра моей семьи».

Паленъ уступилъ мнѣ свое мѣсто, и я написалъ приблизительно слѣдующее:

«Государь, такъ какъ печальное состоянiе моего здоровья не дозволяетъ мнѣ служить съ тѣмъ усердiемъ, къ которому обязываетъ меня благодарность, то прошу васъ всемилостивѣйше уволить меня въ отставку, съ пенсiею, которую герцогъ курляндскiй назначилъ мнѣ пожизненно, и которой я лишился лишь по полученiи той, какая присвоена званiю сенатора. Такъ какъ я имѣнiе мое, Бранденбургъ, сдалъ въ аренду, то и не обладаю никакимъ имѣнiемъ. Въ виду сего, прошу в. в. милостиво разрѣшить мнѣ пребыванiе въ Митавѣ, гдѣ я встрѣчу содѣйствiе моего прежняго врача и дружеское участiе моихъ родственниковъ».

Зная, какъ любитъ Павелъ быстрое исполненiе его повелѣнiй, я тутъ же запечаталъ письмо и просилъ Палена немедленно отправить оное въ Гатчину...

Черезъ два дня генералъ-прокуроръ увѣдомилъ меня, что е. в. соизволилъ мнѣ разрѣшить ѣхать въ Митаву, но въ пенсiи отказалъ. Этотъ отказъ заставилъ меня опасаться, что отставка мнѣ будетъ написана въ непрiятныхъ выраженiяхъ, потому что у государя, на этотъ предметъ, былъ троякiй родъ редакцiи:

1) «По случаю болѣзни, увольняемъ мы его, согласно собственному его прошенiю, отъ всякаго рода служебныхъ занятiй».

Это давало право надѣяться, что увольняемое лицо, въ случаѣ выздоровленiя, могло опять получить должность.

2) «Согласно прошенiю, всемилостивѣйше увольняемъ его въ отставку».

3) «Такой-то увольняется отъ службы».

Я уже не говорю объ «исключенiяхъ» изъ службы, которыя, въ гражданской службѣ, случались рѣдко.

13-го сентября 1798 г. я, наконецъ, получилъ изъ сената запечатанный пакетъ. Содержанiе бумаги было слѣдующее:

«По повеленiю е. и. в. императора и самодержца всероссiйскаго, правительствующiй сенатъ сообщаетъ тайному совѣтнику и кавалеру, барону Гейкингу, именной и за собственною е. и. в—ва подписью указъ, отъ 8-го сентября, гласящiй тако:

«Согласно прошенiю тайнаго совѣтника, сенатора барона Гейкинга, увольняемъ его отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей. Павелъ».

«Вслѣдствiе сего, сенатъ приказалъ сообщить вамъ о семъ оффицiально. 13-го сентября 1798 г.»

Получивъ отставку, я въ тотъ же день отправился къ Палену, чтобы просить его о выдачѣ паспорта, который онъ тутъ же приказалъ для меня изготовить, сказавъ:

— «Я сегодня же вечеромъ доложу объ этомъ государю».

Жена моя осталась въ Петербугѣ, чтобы распорядиться продажею моего дома, вещей и частію гардероба, которая мнѣ, въ провинціи, уже не была нужна.

Разославъ лишь немногимъ лицамъ мои прощальныя визитныя карточки, я отправился въ путь...

Путешестіе мое я устроилъ такъ, чтобы въ Митаву прибыть въ 8 часовъ утра. Тамъ я остановился въ домѣ моего друга, г. Дершау, такъ какъ мой собственный домъ еще не былъ очищенъ квартировавшимъ въ немъ жильцомъ.

Я началъ съ того, что написалъ губернатору Ламсдорфу, чтобы извѣстить его о моемъ прибытіи... Когда я показалъ ему подлинный указъ о моей отставкѣ, то онъ убѣдился, что я отнюдь не подвергся окончательно немилости государя, а слѣдственно принадлежу къ числу тѣхъ, которые могутъ спокойно жить въ своей провинціи. Посѣщеніе губернатора принесло мнѣ много пользы, и мало-по-малу всѣ городскіе обыватели стали появляться ко мнѣ!

Черезъ нѣсколько дней я и самъ рѣшился выйти. Первый мой визитъ былъ къ Ламсдорфу, у котораго я освѣдомился, не слѣдовало ли бы мнѣ представиться королю Людовику XVIII, которому въ то время государь оказывалъ еще наилучшее расположеніе. Онъ, такъ сказать, принудилъ его сложить съ себя названіе графа Лилльскаго, окружить себя своими тѣлохранителями, принять титулъ короля и требовать оказанія почестей, подобающихъ этому титулу. Ламсдорфъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно, и я просилъ его, на другой же день, представить меня.

Въ воскресенье я отправился въ замокъ, гдѣ впервые увидѣлъ несчастнаго Людовика XVIII. Въ послѣдней изъ пріемныхъ комнатъ мы увидѣли двухъ старыхъ кавалеровъ ордена св. Людовика, стоявшихъ на часахъ съ обнаженными шпагами. По докладѣ о насъ, вышелъ самъ король, который—признаюсь—внушалъ мнѣ живѣйшее участіе. Говоритъ онъ хорошо; обладаетъ

обширными познаніями въ латинской, французской, итальянской и англійской литературахъ; память у него изумительная. При разговорѣ онъ отличается любезностію и изяществомъ выраженій. Менѣе пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня герцогъ Ангулемскій: онъ глядѣлъ какимъ-то сконфуженнымъ и никогда ничего не умѣлъ сказать, хотя поговорить ему, повидимому, и хотѣлось. Герцогъ Беррійскій имѣетъ воинственную наружность, держится непринужденно и просто...

Меня оставили къ обѣду, за которымъ я сидѣлъ подлѣ герцога Ангулемскаго, отдѣлявшаго меня отъ короля. Бесѣда не прерывалась и шла о предметахъ весьма разнообразныхъ. Послѣ обѣда король сталъ говорить со мною о несчастіяхъ своего брата, Людовика XVI, и, видя, насколько я растроганъ, замѣтилъ мнѣ:

— «Я терзаю ваше чувствительное сердце; судите же, какъ я самъ долженъ страдать».

Между прочимъ онъ показалъ мнѣ печать Франціи, которую всегда носилъ его злополучный братъ.

— «Только благодаря чему-то въ родѣ чуда попала она въ мои руки,—прибавилъ онъ, взволнованнымъ голосомъ;—и потому я и придаю ей величайшую цѣнность»...

Если въ глазахъ чувствительныхъ людей вообще человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, пріобрѣтаетъ новое право на уваженіе, то право это является еще болѣе сильнымъ въ глазахъ того смертнаго, который самъ только что потерпѣлъ несправедливость. Мнѣ, при такомъ душевномъ настроеніи, каждый французъ являлся существомъ священнымъ, и мнѣ казалось, что только они вполнѣ мнѣ сочувствуютъ...

Надѣясь пріятнымъ образомъ прожить въ Митавѣ, я занялся устройствомъ моего дома, гдѣ разсчитывалъ наслаждаться сообществомъ милыхъ французовъ... Но однажды (въ октябрѣ), когда я сидѣлъ за чтеніемъ моего любимца Жанъ-Жака Руссо, мнѣ доложили о пріѣздѣ губернатора. Г. Ламсдорфъ вошелъ блѣдный и разстроенный. Сочтя его больнымъ, я сталъ выражать ему свое участіе и вмѣстѣ съ тѣмъ упрекать его за то, что при его слабомъ здоровьѣ онъ выѣзжаетъ въ такой холодъ...

— «Не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ онъ съ смущеніемъ,—здоровье мое не такъ плохо... но я очень огорченъ, и должность моя становится мнѣ день ото дня невыносимѣе... Больно мнѣ то,

что съ нѣкотораго времени приходится выполнять лишь непріятныя порученія»...

При этихъ словахъ я все понялъ; а такъ какъ, при моемъ возбужденномъ воображеніи, я все сталъ представлять себѣ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, то и обратился къ Ламсдорфу съ вопросомъ:

«Что же? внизу дожидается ѳельдъегерь съ кибиткою? Куда же меня повезутъ?»

— «Ну, еще не такъ жестоко, однако, государь повелѣлъ вамъ немедленно оставить Митаву и, до дальнѣйшихъ приказаній, пребывать у себя въ имѣніи».

Онъ показалъ мнѣ указъ: въ немъ ничего болѣе не заключалось, кромѣ того, что сейчасъ было сказано.

«Въ чемъ же моя вина,—воскликнулъ я,—что меня наказываютъ ссылкою?»

— «Этого я не знаю,—отвѣчалъ Ламсдорфъ;—можетъ быть, не написали ли вы чего?»

«Развѣ вы можете думать это о человѣкѣ, который такъ долго служилъ въ Петербургѣ?» возразилъ я.

— «Ну, такъ это, должно быть, здѣсь сочинили какую-нибудь новую клевету; потому что, если разсчитать время отбытія фельдъегеря изъ Петербурга, то кажется, что онъ долженъ былъ быть посланъ оттуда черезъ часъ или два по прибытіи митавской почты».

Поговоривъ со мною еще нѣсколько минутъ объ этомъ непонятномъ наказаніи, губернаторъ всталъ и замѣтилъ:

— «Вы знаете, что повелѣніе государя должно быть исполнено въ теченіе 24-хъ часовъ, и я не скрою отъ васъ, что фельдъегерю приказано отъѣхать не ранѣе, какъ, увидя, что вы оставили Митаву».

Я посмотрѣлъ на часы.

«Теперь 4; даю вамъ слово, что завтра передъ четырьмя часами я буду въ моей каретѣ у вашего подъѣзда, чтобы проститься съ вами; и вы можете сказать фельдъегерю, чтобы онъ проводилъ меня за городъ»...

На другой день, между 2 и 3 часами, прибыла моя жена, которую фельдъегерь обогналъ на дорогѣ. Она, конечно, чрезвычайно изумилась, видя всѣ приготовленія къ отъѣзду.

«Ѣду въ Бранденбургъ,—сказалъ я ей,—чтобы опять принять это имѣніе въ собственное управленіе, потому что тогда мы больше будемъ извлекать выгодъ изъ него. Да къ тому же,—прибавилъ я, принудивъ себя улыбнуться,—могутъ во всякое время вздумать сослать насъ туда, какъ это уже со многими случалось».

— «Ахъ,—воскликнула жена моя, поблѣднѣвъ,—мы навѣрное туда сосланы!»

«А если бы и такъ, моя милая? Что же за бѣда быть удаленнымъ на 12 верстъ отъ города?»

— «Такъ вотъ что хотѣлъ мнѣ дать понять генералъ Бенкендорфъ!..»

Затѣмъ она разсказала мнѣ о загадочномъ разговорѣ, который имѣла съ нимъ и г. Ховеномъ, и настоящаго смысла коего она не могла понять; но они приготовили ее къ полученію какой-нибудъ дурной вѣсти...

Попросивъ жену на время остаться въ городѣ и отдохнуть, я сѣлъ въ карету и остановился у губернатора, гдѣ на лѣстницѣ увидѣлъ моего фельдъегеря, съ значительною миною посматривавшаго на часы. При видѣ его, я ощутилъ невольный трепетъ.

Еще полтора часа и я увидѣлъ себя навсегда изгнаннымъ въ имѣніе, отданное въ аренду другому лицу, и гдѣ я могъ считать себя постороннимъ человѣкомъ, присутствіе котораго было терпимо лишь благодаря высочайшему указу.

Губернаторъ посовѣтовалъ моей женѣ видѣть какъ можно меньше людей. Онъ полагалъ, что императору Павлу не понравилось то необычайное участіе, которое выказано было мнѣ при моемъ возвращеніи, и поэтому намъ слѣдовало уберечь отъ непріятности и себя, и нашихъ друзей, которые стали бы посѣщать насъ. Большую часть нашего времени мы съ женою проводили—сами того не замѣчая—въ тщетныхъ стараніяхъ узнать, что было виною постигшей меня судьбы.

Наконецъ, черезъ письма, доставленныя моимъ друзьямъ надежнымъ путемъ, я добился столь долго ожидаемой разгадки.

«Государь разгнѣвался вслѣдствіе полученнаго изъ Митавы донесенія, будто вы посѣщаете балы и собранія и во всеуслышаніе говорите, что скоро опять появитесь при дворѣ еще съ большимъ блескомъ и будете пользоваться еще большимъ благоволеніемъ.

— «Онъ хочетъ идти наперекоръ мнѣ!»—воскликнулъ Павелъ, —«хорошо же! я его ушлю туда, гдѣ ему не передъ кѣмъ будетъ хвастаться!»

«Паленъ, который былъ при этомъ, ничего не сказалъ въ вашу защиту; но князь Лопухинъ горячо заступился за васъ и говорилъ такъ разумно, что обезоружилъ гнѣвъ государя, и тотъ, наконецъ, сказалъ:

— «Напишите курляндскому губернатору, чтобы онъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій отправилъ барона въ его имѣніе».

«Все это самъ Паленъ разсказывалъ одному изъ своихъ приближенныхъ (который васъ не любилъ), и очень удивлялся тому участію, которое выказалъ къ вамъ генералъ-прокуроръ. Успокойтесь же; вскорѣ все можетъ перемѣниться».

Письмо это и точно на время успокоило меня; но я непремѣнно хотѣлъ добиться, кто былъ сочинителемъ этого на меня доноса изъ Митавы; въ то же время я косвенными путями старался опровергнуть клевету, жертвою коей сдѣлался; но забылъ при этомъ, что все не подходившее къ планамъ новыхъ придворныхъ дѣльцовъ никогда не доходило до государя.

Долго не находили друзья мои надежнаго случая, чтобы писать ко мнѣ. Наконецъ, въ ноябрѣ 1798 года, я получилъ письмо, изъ котораго привожу слѣдующую выдержку: «Ваша болѣзнь огорчаетъ меня болѣе вашей ссылки, потому что мы, живущіе въ столицѣ, несчастнѣе васъ. Только и видимъ, что общую ломку. Страхъ овладѣваетъ всѣми. Бѣдный генералъ Ховенъ только что получилъ увольненіе за то, что его жена была воспитана съ г-жею Нелидовою и онѣ не переставали быть дружными между собою. Растопчинъ перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника и званіемъ члена иностраннаго департамента. Такимъ образомъ, онъ состоитъ въ рангѣ генералъ-аншефа! А затѣмъ? Паленъ получилъ Андреевскую ленту, а его пріятель, Кутайсовъ—Анну 1-го класса съ брилліантами. Увѣряютъ, что его украсятъ еще и большимъ Мальтійскимъ крестомъ, потому что государь, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался гросмейстеромъ этого ордера, сознаетъ себя абсолютнымъ господиномъ надъ всѣми его законами и статутами. 17-го октября происходила церемонія провозглашенія Павла гросмейстеромъ Іоаннитовъ. Онъ уже былъ ихъ протекторомъ, но послѣднее званіе оказалось

болѣе соотвѣтствующимъ его достоинству. До сихъ поръ всѣ гросмейстеры были избираемы изъ числа подданныхъ другихъ государей. Но Литта, становясь намѣстниковъ гросмейстера, надѣется исполнять всѣ его обязанности и извлекать изъ этого всѣ возможныя для себя выгоды.

«Придворные интриганы не перестаютъ поддерживать самыя необычайныя идеи государя, котораго раздражительность постоянно усиливается и грозитъ намъ большими бѣдами... Дризенъ только что назначенъ губернаторомъ въ Курляндію и немедленно уѣзжаетъ. Онъ можетъ смѣнить Ламздорфа, но не можетъ заставить забыть его. Какая разница между этими обѣими личностями!»...

Тяжкая болѣзнь заставила меня письменно просить князя Лопухина объ исходатайствованіи мнѣ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ Митаву для пользованія совѣтами врачей. Разрѣшеніе это было дано и 2-го марта 1799 г. я возвратился въ городъ. Однако, Дризенъ опять далъ мнѣ совѣтъ, поменьше принимать къ себѣ посѣтителей.

— «Мы окружены шпіонами,—прибавилъ онъ вполголоса,—и вамъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ поступаетъ государь, если на кого-либо разгнѣвается».

Вслѣдствіе этого я просилъ моихъ пріятелей и знакомыхъ не посѣщать меня въ одинъ и тотъ же часъ, но порознь.

Новыя извѣстія изъ Петербурга гласили слѣдующее: «Князь Лопухинъ, которому его положеніе опротивѣло, настоятельно требуетъ увольненія. Напрасно его самого и его дочку осыпаютъ титулами и богатствами: душа его возмущается всѣми совершаемыми несправедливостями... Благосклонность къ Палену ежедневно увеличивается. Онъ сдѣланъ русскимъ графомъ, равно какъ и пріятель его Кутайсовъ, который, сохраняя за собою званіе гардеробмейстера, получилъ, кромѣ того должность придворнаго егермейстера».

Проѣзжавшій въ это время черезъ Митаву г. М. увѣрялъ меня, что у Палена много враговъ, въ особенности генералъ Аракчеевъ, подобно ему сдѣланный графомъ, и генералъ Кологривовъ, которые и не скрываютъ своей ненависти къ нему.

Аракчеевъ—одинъ изъ гатчинскихъ выскочекъ, былъ отлич-

нымъ и необычайно дѣятельнымъ артиллерiйскимъ офицеромъ. Государь любилъ его какъ лицо, имъ самимъ созданное и сформированное; но онъ былъ желченъ, дурно образованъ и ненавидимъ почти всѣми военнослужащими. Кологривовъ состоялъ прежде въ должности шталль-юнкера; у него была смѣлая осанка и Павелъ, считавшiй его храбрецомъ (потому что тотъ былъ хвастунъ), съ изумительною быстротою перевелъ его черезъ всѣ чины, сдѣлалъ генераломъ и шефомъ гвардейскихъ гусаровъ. Когда находили на него припадки страха, онъ приказывалъ Кологривову спать у себя въ комнатѣ. Вслѣдствiе всего этого наглость Кологривова увеличилась до тѣхъ же размѣровъ, до какихъ доходили его ограниченность и невѣжество.

Однажды этотъ господинъ имѣлъ глупость нагрубить Палену. Не заблуждаясь относительно мнимой храбрости своего противника или будучи убѣжденнымъ, что при дворѣ она останется безъ послѣдствiй, Паленъ отвѣтилъ ему съ глубочайшимъ презрѣнiемъ и въ самыхъ оскорбительныхъ выраженiяхъ. Этотъ энергическiй отпоръ заставилъ наглеца замолчать. Но должно полагать, что съ этого времени любовь ихъ другъ къ другу не увеличилась.

Открытая вражда Аракчеева и Кологривова противъ Палена только возвысила его въ глазахъ публики, которая обоихъ помянутыхъ генераловъ проклинала. Паленъ, будучи гораздо хитрѣе ихъ, добился увольненiя Аракчеева. Павелъ, сверхъ того, выслалъ его вонъ изъ Петербурга, и онъ появился опять лишь на другой день полѣ смерти государя.

Что меня еще болѣе поразило,—это внезапное увольненiе Литты. Благосклонность, которою онъ пользовался, казалась превыше всякихъ подкоповъ, однако вопреки его итальянской хитрости, нашли средство показать государю нѣкоторыя письма брата Литты, папскаго нунцiя, который былъ высланъ за границу безъ всякихъ соображенiй съ его званiемъ. Въ означенной корреспонденцiи встрѣтились мѣста, которыя такъ разгнѣвали Павла, что онъ разомъ лишилъ Литту всѣхъ присвоенныхъ ему званiй. Sis transit gloria mundi!

За три мѣсяца передъ тѣмъ, на одномъ изъ разводовъ былъ прочитанъ слѣдующiй приказъ: Фельдмаршалъ князь Рѣпнинъ увольняется въ отставку, съ дозволенiемъ ему носить мундиръ».

Вотъ каковымъ оказался плодъ наружнаго обожанія, цѣною котораго человѣкъ этотъ держался на своемъ мѣстѣ! Но князь Рѣпнинъ, при многихъ хорошихъ качествахъ, имѣлъ душу царедворца; а этимъ все сказано. Онъ былъ внѣ себя отъ постигшей его судьбы; писалъ ко всѣмъ, кто пользовался хоть сколько-нибудь царскою милостію; но ни въ комъ не нашлось мужества или охоты хлопотать за него.

Мое личное пребываніе въ Митавѣ услаждалось любезнымъ обществомъ французскихъ эмигрантовъ, которое возбуждало во мнѣ хорошее расположеніе духа и благотворно поэтому дѣйствовало на здоровье. Не могу вслѣдствіе сего обойти молчаніемъ прибытія супруги Людовика XVIII и madame Royale (дочери Людовика XVI), присутствіе коихъ несомнѣнно обѣщало придать нашему городу новый блескъ. Но день прибытія королевы ознаменовался непріятнымъ скандаломъ, котораго послѣдствія печально повліяли на Людовика XVIII.

Въ то время, какъ кареты королевы поочередно подъѣзжали къ замку, присутствующіе съ удивленіемъ замѣтили, что одна изъ нихъ своротила въ сторону и направлена была прямо къ дому губернатора. Въ этомъ экипажѣ сидѣла камеръ-фрау королевы. Ее пригласили выйти и предъявили ей повелѣніе Людовика XVIII, въ силу котораго она должна была немедленно вернуться за границу, съ воспрещеніемъ ей когда-либо опять приближаться къ королевѣ.

Женщина эта начала громко протестовать противъ такого предательства (по ея выраженію) и, ставъ на порогѣ дома, у котораго собралась толпа народа, разсказывала чудовищныя вещи про Людовика XVIII. Въ это время королева, замѣтивъ, что ея дорогая г-жа Курвиліонъ не является, стала нетерпѣливо освѣдомляться о причинахъ отсутствія. Ей отвѣтили, что король, считая эту женщину подстрекательницею и виновницею возникшихъ между высокими супругами недоразумѣній, счелъ за лучшее отослать ее. Тогда королева вышла изъ себя; объявила, что сейчасъ же опять уѣдетъ, жаловалась на вѣроломство и показывала подлинное письмо короля, гдѣ было имъ написано: «вы можете взять съ собою г-жу Курвиліонъ, если находите это безусловно необходимымъ».

Эта исторія сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Митав-

скіе якобинцы были въ восторгѣ и разсказывали ее въ извращенномъ видѣ. Меня это задѣло за живое. Я поговорилъ съ однимъ лицомъ, которое и объяснило мнѣ, что король напрасно послѣдовалъ совѣту г-на Сенъ-При, подстрекнувшаго его къ этой неправильной выходкѣ, которой внѣшнія формы, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы смягчить. Между тѣмъ, г-жа Курвиліонъ добилась того, что ее только отправили въ Вильно, гдѣ она помѣстилась въ одномъ изъ монастырей, съ обязательствомъ оставаться въ немъ до окончательнаго рѣшенія королемъ ея участи. Но оттуда она нашла случай написать письмо государю, который вызвалъ ее въ Петербургъ, гдѣ она втихомолку стала интриговать противъ короля.

Немедленно по прибытіи madame Royale, Людовикъ XVIII испросилъ у государя соизволенія на вступленіе ея въ бракъ съ герцогомъ Ангулемскимъ. Павелъ написалъ невѣстѣ весьма любезное письмо и прислалъ ей великолѣпное алмазное ожерелье.

Къ свадебнымъ празднествамъ приглашено было все митавское дворянство; я не смѣлъ присутствовать на нихъ, но жена моя тамъ была. Насколько внушало всѣмъ участіе сама madame Royale, настолько же не понравилось непривѣтливое обращеніе королевы. Она не обладала благородными манерами и была постоянно въ дурномъ расположеніи духа. Въ день представленія ей, она не обмолвилась ни однимъ словомъ, такъ что ни одна изъ дамъ не захотѣла опять пріѣхать въ замокъ.

Между тѣмъ наступилъ сезонъ морскихъ купаній въ Бальдонѣ; мы отправились туда, но, проскучавъ четыре недѣли, опять вернулись въ городъ. Вскорѣ по нашемъ возвращеніи, я однажды утромъ, въ 4 часа, получилъ отъ племянницы моей, г-жи Тормасовой, жившей съ своимъ мужемъ въ Литвѣ, слѣдующаго содержанія записку:

«Я въ ужаснѣйшемъ отчаяніи. Государь только что исключилъ мужа моего изъ службы и отправилъ его въ Динаминдскую крѣпость. Мужъ мой въ эту ночь проѣзжаетъ черезъ Митаву; я же пріѣду туда нѣсколькими часами ранѣе. Я его не оставлю, и не будутъ же имѣть жестокость отказать мнѣ въ дозволеніи раздѣлить его заключеніе, такъ какъ онъ боленъ и едва избѣгнулъ удара».

Это неожиданное событіе сильно разстроило меня... Впрочемъ,

комендантъ крѣпости, генералъ Шиллингъ, былъ отцомъ для заключенныхъ въ ней, и, ради облегченія ихъ участи, часто подвергался опасности потерять мѣсто. Онъ разрѣшилъ г-жѣ Тормасовой остаться при мужѣ; а такъ какъ генералъ-губернаторъ Бенкендорфъ былъ задушевнымъ другомъ генерала Тормасова, то содѣйствовалъ всему, что могло бы облегчать его участь.

Спрашиваешь себя невольно: какое же преступленіе совершилъ генералъ Тормасовъ, чтобы понести столь строгое наказаніе? А дѣло вотъ въ чемъ: Павелъ передалъ начальство надъ Литовскою дивизіею младшему въ чинѣ генералу. Честолюбивый Тормасовъ, въ первомъ порывѣ неудовольствія, написалъ монарху, что онъ готовъ повиноваться повелѣніямъ его в—ва, но не можетъ служить подъ начальствомъ младшаго генерала, и проситъ объ отставкѣ. Онъ, конечно, былъ не правъ относительно соблюденія внѣшнихъ формъ; но проступокъ все-таки его не заслуживалъ тройного наказанія: 1) отнятія полка и генеральскаго чина, 2) лишенія мундира и 3) заключенія въ крѣпость.

По прошествіи нѣкотораго времени, Тормасовъ былъ выпущенъ на свободу, но съ приказаніемъ жить въ своемъ имѣніи. Такъ какъ у жены его была деревня въ Курляндіи, то онъ отправился туда и велъ весьма пріятную сельскую жизнь поблизости отъ Митавы.

Князь Лопухинъ, наконецъ, получилъ отставку. Мѣсто его занялъ генералъ Беклешовъ, бывшій прежде губернаторомъ въ Ригѣ, а потомъ орловскимъ и курскимъ генералъ-губернатотомъ. Должность генералъ-прокурора есть одна изъ тѣхъ, вліяніе которой распространяется на все государство и внушаетъ такой же страхъ въ Камчаткѣ, какъ въ Курляндіи или въ Петербургѣ.

Генералъ-прокуроръ есть око монарха, а ему самому очами служатъ прокуроры, распредѣленные по всѣмъ губерніямъ государства; послѣдніе обязаны не только блюсти за поддержаніемъ закона, но и секретно увѣдомлять своего начальника о всемъ, что можетъ имѣть соотношенія съ безопасностію государя или вообще правительства.

Выборъ новаго генералъ-прокурора повсюду былъ встрѣченъ съ удовольствіемъ. Беклешовъ, еще въ должности лифлянд-

скаго губернатора, пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которая осталась за нимъ и на другихъ мѣстахъ.

Находясь въ Петербургѣ, я познакомился съ нимъ, но только поверхностно, однако, былъ очень радъ его назначенію, будучи убѣжденъ, что онъ пойдетъ прямою дорогою. Паленъ, хорошо знавшій Беклешова еще въ Ригѣ, старался выказать, будто на назначеніе послѣдняго повліялъ онъ; но я знаю изъ надежнаго источника, что государь самъ возымѣлъ эту мысль.

Благоволеніе къ Палену и Растопчину росло день ото дня. Послѣдній назначенъ былъ главноуправляющимъ почтъ и награжденъ Андреевскою звѣздою. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Кутайсову пожалована звѣзда св. Александра Невскаго: мы видимъ, что эти господа были осыпаны знаками высочайшей благосклонности.

Растопчинъ давно уже мѣтилъ на мѣсто государственнаго канцлера и исполнялъ его должность съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ членомъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Кочубея уволили, а графъ Панинъ назначенъ вице-канцлеромъ. Вскорѣ мы узнаемъ тайныя къ тому побужденія и увидимъ, что всѣ эти крутыя перемѣны, приписываемыя Павлу, были только послѣдствіями глубоко-заходившихъ соображеній и такой тонкой интриги, которая можетъ сравниться лишь съ адскою ловкостію, съ какою она приведена была въ исполненіе.

О Беклешовѣ стали, какъ бы случайно, поговаривать въ неблагопріятномъ смыслѣ; а такъ какъ онъ показывалъ видъ, что не обращаетъ на это вниманія, то опала его была рѣшена. Стали дѣлать ему тысячи непріятностей; а такъ какъ онъ, кромѣ того, осмѣлился противорѣчить государю, когда тотъ сталъ вмѣшиваться въ судебныя дѣла и вздумалъ рѣшать ихъ безъ предварительнаго разбора, то его стали попрекать въ учительскомъ тонѣ, въ тяжеловѣсномъ и непріятномъ веденіи дѣлъ.

Павелъ замѣнилъ его генераломъ Обольяниновымъ, справедливость котораго, при мнѣ, Паленъ превозносилъ до облаковъ, и о которомъ тотъ же Паленъ отзывался съ презрѣніемъ, когда, послѣ кончины государя, я прибылъ въ Петербургъ.

Фрейлина Нелидова, проживая въ имѣніи графа Буксгевдена, заболѣла, и такъ какъ ей грозила опасность ослѣпнуть, то она просила у государя разрѣшенія возвратиться въ ея любезный

Смольный институтъ, дабы тамъ лѣчиться у своего обычнаго врача; одновременно съ этимъ она ходатайствовала и за графа Буксгевдена, который желалъ отправиться съ своимъ семействомъ за границу.

Государь не только ей все разрѣшилъ, но даже послалъ ей придворные экипажи. Это возвращенiе сильно обезпокоило придворныхъ интригановъ: они стали опасаться легко предвидимыхъ послѣдствiй свиданiй.

Пущены были въ ходъ всѣ подпольныя интриги, чтобы удержать монарха отъ посѣщенiя своего прежняго друга. Его прогулки стали уже направляться въ сторону Смольнаго; но Кутайсовъ, повсюду его сопровождавшiй, по обязанности своей новой должности оберъ-шталмейстера, сумѣлъ встревожить самолюбiе Павла и этимъ удержать его отъ перваго шага къ новому сближенiю.

Императрица съ другой стороны, узнавъ, что Павелъ колеблется и, повидимому, желаетъ опять увидѣться съ Нелидовою, старалась придать этому примиренiю торжественный оттѣнокъ. Она устроила у себя блестящiй вечеръ, и государь обѣщалъ явиться на ея приглашенiе. Клика интригановъ сочла себя погибшею; но княжна Лопухина и Кутайсовъ напрягли всѣ усилiя для внушенiя Павлу, что онъ снова бросается въ сѣти, отъ которыхъ успѣлъ избавиться.

Послѣ долгихъ колебанiй, Павелъ перемѣнилъ свое намѣренiе и, въ 7 часовъ вечера, послалъ сказать императрицѣ, что онъ не прибудетъ на ея собранiе. Онъ пошелъ еще дальше: торжественно обѣщалъ Лопухиной никогда не посѣщать Смольнаго, пока тамъ будетъ проживать г-жа Нелидова.

Жена моя написала Нелидовой письмо, съ выраженiемъ опасенiй за ея здоровье. Въ полученномъ отъ нея отвѣтѣ между прочимъ, было сказано: «Я поставила себѣ за правило—не видѣться ни съ кѣмъ, кромѣ моихъ институтскихъ прiятельницъ, и отъ этой неизмѣнной рѣшимости ни за что не отступлю».—И точно: она ни разу не была въ городѣ и постоянно жила въ глубочайшемъ уединенiи.

Около этого времени посѣтилъ меня старшiй сынъ графа Шуазеля и сообщилъ мнѣ, что его отецъ, а также и бѣдный генералъ Ламбертъ подверглись внезапному изгнанiю. Послѣдняго

заставили даже встать съ постели, чтобы онъ безотлагательно очутился за петербургскими заставами.

Поступокъ съ Шуазелемъ и Ламбертомъ заставилъ меня опасаться за участь Людовика XVIII. Я сказалъ объ этомъ одному изъ его приближенныхъ, аббату Мари, но эти господа были такъ увѣрены въ благорасположенiи Павла, что я не настаивалъ на своихъ опасенiяхъ.

Дѣйствительно, императоръ только что предложилъ королю закрѣпить узы дружбы выраженiями рыцарскаго братства. Онъ принялъ ордена св. Духа и св. Лазаря, а королю прислалъ ордена св. Андрея и Мальтiйскiй. Король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать кавалерами ордена св. Лазаря г. г. Палена, Растопчина и Панина, и, съ разрѣшенiя государя, пожаловалъ тотъ же орденъ курляндскому губернатору и генералу барону Ферзену. Въ Петербургъ повезли эти знаки отличiя аббатъ Эджмонъ-де-Фирмонъ и г. де-Коссе. Оба они были осыпаны высочайшими милостями. Фирмонъ утверждалъ, что Павелъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, обнаружилъ высшую степень привлекательности и любезности.

Легко понять, что Людовикъ XVIII и всѣ его приближенные сочли это новымъ священнымъ обязательствомъ со стороны Павла не оставлять ихъ; увѣренности, которой предались господа французы, я отнюдь не раздѣлялъ; но на откровенно выражаемыя мною опасенiя мнѣ весьма вѣжливо дали замѣтить, что моя собственная невзгода заставляетъ видѣть все въ черномъ свѣтѣ.

Между тѣмъ опять наступилъ сезонъ морскихъ купанiй, и мы отправились въ Бальдонъ, который на этотъ разъ представился чѣмъ-то въ родѣ Элизiума. Кто бы ожидалъ найти тамъ такое собранiе?... Ех-генералъ-прокуроръ Беклешовъ (незадолго предъ тѣмъ бывшiй звѣздою первой величины), ех-президентъ академiи художествъ и ех-посолъ [1]) графъ Шуазель-Гуфье, я, ех-сенаторъ ех-генералъ Екеля и нѣсколько другихъ «ех-овъ», которые занимали менѣе важныя должности, но можетъ быть всѣ искали на морскихъ купаньяхъ не столько облегченiя отъ тѣлесныхъ недуговъ, сколько необходимаго развлеченiя, вслѣдствiе понесенныхъ ими нравственныхъ страданiй.

Несчастiе сближаетъ людей, особенно если они потерпѣли

---

[1]) Онъ былъ французскимъ посломъ въ Константинополѣ.

одинаковаго рода несправедливость. Впрочемъ, съѣхавшіяся въ Бальдонъ лица сначала говорили между собою только о своихъ болѣзняхъ, избѣгая всякаго видимаго сближенія, потому что боялись шпіонства. Замѣчены были двѣ или три подозрительнаго вида личности; но ихъ было легко избѣгнуть или наводить на ложные слѣды.

Я былъ очень радъ ближе познакомиться съ Беклешовымъ. Его открытое лицо, его простыя, иногда даже грубоватыя, манеры весьма мнѣ нравились. Никогда не говоря ничего о самомъ государѣ, мы бесѣдовали съ нимъ о нѣкоторыхъ общихъ мѣропріятіяхъ, и я никогда не слыхалъ отъ него ни одного существенно-ложнаго сужденія, хотя не всегда раздѣлялъ его мнѣнія относительно нѣкоторыхъ господъ, къ которымъ онъ питалъ несправедливое предубѣжденіе. Однажды я говорилъ съ нимъ о моемъ печальномъ положеніи, и онъ сказалъ мнѣ:

— Вы напрасно считаете свое положеніе худшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ списокъ лицъ, состоящихъ подъ особымъ надзоромъ, и могу васъ увѣрить, что васъ тамъ нѣтъ; а если показываютъ видъ, что имѣютъ относительно васъ особыя повелѣнія, такъ это только одна изъ выходокъ, позволяемыхъ себѣ провинціальнымъ начальствомъ, для придачи себѣ важности.

О Паленѣ Беклешовъ никогла не говорилъ; но этимъ молчаніемъ все высказывалось. О Кутайсовѣ онъ тоже избѣгалъ разговоровъ, но презрѣніе выражалось на его лицѣ, когда произносили имя этого господина.

По возвращеніи изъ Бальдона, я получилъ письмо изъ столицы (отъ 15 сент. 1800 г.). Какъ велико было мое изумленіе, когда я прочелъ слѣдующее:

«Паленъ только что лишенъ должности петербургскаго генералъ-губернатора; его сына, полковника конной гвардіи, высылаютъ, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, его экипажи и кибитки уже стоятъ наготовѣ. Онъ ждетъ немедленнаго повелѣнія собрать свою дивизію, такъ какъ у насъ будетъ война съ Англіею [1]), и, вслѣдствіе сего, мы приводимъ въ движеніе наши сухопутныя войска. Готовятся также большіе маневры около Гатчины».

[1]) Высоч. приказъ 31 августа 1800 г.

По прошествіи нѣсколькихъ дней я получилъ новое извѣщеніе:

«Паленъ стоитъ крѣпче, чѣмъ когда-либо. На маневрахъ онъ командуетъ однимъ корпусомъ, а Кутузовъ другимъ. Государь внѣ себя отъ радости, что имѣетъ въ своемъ войскѣ двухъ столь отличныхъ тактиковъ. Онъ пожаловалъ имъ подарки; а генераловъ и офицеровъ наградилъ такъ, какъ будто они выиграли важное сраженіе. Тѣ, которые знаютъ секретъ этой комедіи, говорятъ, что былъ задобренъ Дибичъ [1]), и что онъ водилъ государя (на маневрахъ) такимъ образомъ, чтобы скрыть отъ него маленькіе промахи. Этотъ прожженный пруссакъ на каждомъ шагу восклицалъ, по-нѣмецки: «О великій Фридрихъ! Если-бъ ты могъ видѣть армію Павла!... Она выше твоей!» Этотъ притворный энтузіазмъ совершенно покорилъ сердце государя. Воображеніе его было возбуждено въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что надо было отдать справедливость нашимъ войскамъ, исполнявшимъ всѣ движенія съ величайшею точностію».

Паленъ, сверхъ прочихъ своихъ должностей, вскорѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ остзейскихъ провинцій; такъ что власть его простерлась и на важныя по своему значенію, гавани.

Въ это же время внезапно былъ смѣненъ Дризенъ; мѣсто его получилъ вице-губернаторъ Арсеньевъ, а на мѣсто послѣдняго назначенъ казанскій прокуроръ Брискорнъ.

Война Англіи объявлена была вслѣдствіе занятія ею о-ва Мальты и отказа ея немедленно возвратить этотъ островъ Ордену. Павелъ, въ высшей степени разгнѣванный, сначала отдалъ повелѣніе (14 окт. 1800 г.) арестовать всѣ англійскія суда, находившіяся въ нашихъ гаваняхъ, а затѣмъ (18 окт.) распространилъ это повелѣніе и на всѣ принадлежавшіе англичанамъ товары и имѣнія.

Эта насильственная мѣра вызвала сильнѣйшее волненіе въ Петербургѣ и Ригѣ, гдѣ находились англійскіе торговые дома съ оборотами, простиравшимися до нѣсколькихъ милліоновъ.

Однако, окружающіе Павла смотрѣли, повидимому, съ удо-

[1]) Этотъ Дибичъ былъ прежде адъютантомъ у Фридриха II. Такъ какъ ему были извѣстны всѣ подробности образа жизни великаго короля, то Павелъ, старавшійся подражать послѣднему во всѣхъ мелочахъ, весьма дорожилъ Дибичемъ и, наконецъ, сталъ глядѣть на все его глазами. Авт.

вольствіемъ на эту анти-политическую мѣру. Геніальный Бонапарте тотчасъ же принялъ во вниманіе этотъ моментъ неудовольствія противъ лондонскаго кабинета и сталъ дѣлать Павлу лестныя предложенія, сначала черезъ Берлинъ, а потомъ непосредственно. Письмо его было такъ ловко составлено и такъ преисполнено лицемѣрнаго восхищенія государемъ, что Павелъ забылъ свою ненависть къ Франціи и сблизился съ правительствомъ, которому только что грозилъ огнемъ и мечемъ.

Между тѣмъ Паленъ сталъ главною пружиною во всѣхъ дѣлахъ. Онъ предложилъ Павлу одно изъ самыхъ смѣлыхъ мѣропріятій, которое было совершенно во вкусахъ государя.

— В. в. изволили,—сказалъ онъ,—по справедливости наказать очень многихъ офицеровъ исключеніемъ изъ службы. Но между ними, безъ сомнѣнія, есть и такіе, которые исправились и стали бы служить еще съ большимъ усердіемъ, если-бъ имѣли счастіе быть вновь призванными.

— Вы правы,—отвѣтилъ государь,—я прощаю всѣхъ, и прикажу немедленно принять ихъ опять на службу.

Мы видимъ, какъ охотно онъ желалъ дѣлать добро и исправлять увлеченія своего слишкомъ подвижнаго характера.

1-го ноября 1800 г. Павелъ издалъ свой извѣстный манифестъ, по которому всѣмъ уволеннымъ или исключеннымъ изъ службы разрѣшалось опять вступить въ нее, если только они не были осуждены по формальному приговору суда. Однако, прибавка къ этому манифесту поразила всѣхъ мыслящихъ людей. Въ ней значилось, что всѣмъ уволеннымъ и исключеннымъ (которые были разбросаны отъ Иркутска до Прусской границы) повелѣно лично явиться въ Петербургъ.

Эта закорючка привела въ отчаяніе тѣхъ людей, которые, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ 3,000—4,000 верстъ до столицы, чтобы потомъ пройти, можетъ быть, столько же до назначенныхъ имъ полковъ... Этимъ разрушалось то добро, которое государь думалъ сдѣлать; для лицъ неимущихъ оно оказалось совершенно призрачнымъ.

Появились по дорогамъ офицеры (многіе изъ нихъ были украшены георгіевскими и владимірскими крестами), плетущіеся пѣшкомъ или влекомые голодными клячами. Многимъ пришлось просить милостыни, чтобы добраться до Петербурга.

Всѣ эти затрудненія могли не придти въ голову Павла, который никогда не соображалъ; но какъ могли они не быть взвѣшены тѣми, которые посовѣтовали ему это доброе дѣло и лучше государя должны были знать настоящее положеніе офицеровъ?

Впрочемъ, и разумно ли было разомъ собрать въ столицу такое значительное число недовольныхъ? Развѣ не знали, что не всѣхъ офицеровъ опять примутъ? Развѣ не слѣдовало опасаться, что люди, претерпѣвшіе голодъ и холодъ для того, чтобы вновь быть принятыми на службу, могутъ, попавъ въ число отверженныхъ, предаться всякимъ выходкамъ, внушаемымъ отчаяніемъ?

Но эти-то соображенія, которыя всему плану должны бы были дать совсѣмъ иное осуществленіе, именно и побудили исполнить его такъ, какъ онъ былъ исполненъ. Нынѣ, уже не остается сомнѣнія въ томъ, что хотѣли вызвать взрывъ.

А между тѣмъ похвалы Палену перелетали изъ устъ въ уста. Чтобы обезпечить всходы посѣяннаго имъ сѣмени, онъ многимъ генераламъ (о которыхъ думалъ, что огорчилъ ихъ болѣе другихъ) написалъ частныя письма, въ которыхъ совѣтовалъ воспользоваться царскою милостію.

Генералъ Тормасовъ находился еще въ изгнаніи и не былъ включенъ въ общую амнистію. Онъ получилъ отъ Палена «полный участія и дружескій совѣтъ»—обратиться прямо къ государю, и тотъ послѣдовалъ этому совѣту. Ему было дано разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ; тамъ онъ былъ представленъ Павлу, который почти вовсе не зналъ его лично и который былъ совершенно увлеченъ тономъ его разговора и осанкою. Онъ наименовалъ Тормасова инспекторомъ кавалерійскихъ войскъ, стоящихъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и далъ ему назначеніе состоять при шведскомъ королѣ, котораго вскорѣ ожидали въ Петербургѣ. Государь вообще оказалъ Тормасову большія, можетъ быть, слишкомъ большія отличія; и съ этихъ поръ Паленъ къ нему охладѣлъ. Черезъ короткое время онъ доставилъ ему опасное мѣсто командира конной гвардіи, шефомъ которой былъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ исходатайствовалъ у государя, чтобы милость, явленная военнымъ, распространена

была и на гражданскихъ чиновниковъ. Многіе изъ уволенныхъ снова поступили на службу, какъ, напримѣръ, графъ Вильегорскій... Зубовъ, Куракинъ, Волконскій, Долгорукій и многіе другіе, наиболѣе оскорбленные, просились опять на службу, и всѣ были приняты. Но со многими бѣдными офицерами весьма жестоко обошлись. На разводѣ, къ которому ихъ собрали, Павелъ, часто по одному взгляду на офицера, обращался къ своему адъютанту со словами: «принять» или «отказать»,—не объявляя никакихъ тому причинъ. Въ томъ или другомъ изъ данныхъ случаевъ указанный офицеръ принуждаемъ былъ, не позже какъ черезъ три дня оставить столицу; этотъ срокъ былъ достаточенъ для того, чтобы отчаявшемуся человѣку увлечься какимъ-либо порывомъ ярости. Но Провидѣніе судило иначе, и большая часть недовольныхъ не выходила изъ предѣловъ долга.

Въ это время вся политическая система Павла круто измѣнилась. Онъ сблизился съ Бонапартомъ, предложившимъ ему Мальту и возвращеніе русскихъ плѣнныхъ. Панинъ впалъ въ немилость. Графъ Караманъ, котораго Людовикъ XVIII отправилъ посланникомъ въ Петербургъ, былъ внезапно высланъ оттуда. Король вообразилъ себѣ, что этотъ министръ чѣмъ-нибудь не понравился государю, и счелъ за лучшее написать Павлу, спрашивая его, чѣмъ Караманъ такъ ему не угодилъ, что онъ наказалъ его изгнаніемъ. Господа придворные изловчились представить это письмо государю въ такую минуту, когда онъ находился въ крайне дурномъ расположеніи духа. Совершенно не понявъ намѣренія Людовика XVIII, Павелъ гнѣвно воскликнулъ:

«Какъ! Онъ требуетъ у меня отчета въ моихъ дѣйствіяхъ? Надѣюсь, что я у себя дома еще господинъ!» [1]).

---

[1]) Эту фразу Павелъ повторялъ часто, и большею частію не тогда, когда слѣдовало. Такъ было, когда онъ однажды, въ минуту неудовольствія, приказалъ было наложить амбарго на всѣ шведскія суда, находившіяся въ нашихъ гаваняхъ. Графъ Буксгевденъ имѣлъ смѣлость противорѣчить ему.

«Какъ!—воскликнулъ Павелъ, внѣ себя отъ гнѣва,—я развѣ не господинъ у себя дома?»

«Нѣтъ, в. в.,—спокойно отвѣчалъ Буксгевденъ,—взаимныя международныя отношенія утверждены торжественными договорами, которыхъ вы не можете нарушать, не оскорбляя чувства вашей справедливости».

Помолчавъ съ минуту, государь обнялъ Буксгевдена, и—амбарго не состоялось. Авт.

Едва успѣлъ онъ успокоиться отъ перваго волненія, какъ его снова ухитрились разгнѣвать, и 3 (15) января 1801 года обнаружилось страшное дѣйствіе этого гнѣва. Генералъ Ферзенъ получилъ отъ Палена письмо слѣдующаго седержанія:

«Сообщите Людовику XVIII, что государь совѣтуетъ ему отправиться къ своей супругѣ, въ Киль».

Пораженный какъ громомъ, несчастный Людовикъ написалъ государю трогательное письмо, заключавшееся слѣдующими словами:

«Повинуюсь, вопреки горести, внушаемой мнѣ столь жестокимъ неблаговоленіемъ, и ожидаю полученія небходимихъ паспортовъ».

Государя постарались, однако, еще болѣе разсердить, выставляя ему покорность короля, какъ доказательство, сколь мало онъ дорожитъ пріютомъ, столь великодушно ему предоставленнымъ. Павелъ доведенъ былъ до того, что, забывъ всѣ священные законы гостепріимства, приказалъ объявить королю, что: такъ какъ онъ только требуетъ своихъ паспотовъ, то они будутъ ему выданы, но съ условіемъ, чтобы онъ сейчасъ же воспользовался ими, какъ для себя, такъ и для всей его свиты.

Этотъ страшный взрывъ гнѣва уничтожилъ всѣхъ французовъ, которые не ожидали такой жестокости...

Никогда не забуду отъѣзда несчастнаго Людовика XVIII и герцогини Ангулемской... Кавалерамъ свиты пришлось бы, среди зимы, отправиться въ дорогу пѣшкомъ, если бы сострадательные люди не оказали имъ посильной помощи. Въ помощи этой приняли участіе не только дворяне, но и бюргеры курляндскіе.

Всѣ эти событія такъ потрясли меня, что, распростившись съ моими пріятелями-французами, я захворалъ и едва черезъ нѣсколько недѣль могъ поправиться...

Желая объяснить непостижимый образъ дѣйствій, котораго нашъ бѣдный государь придерживался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пожалуй, не мудрено даже соблазниться ученіемъ Мани и признать его справедливымъ, добро и зло чередовались, смѣняя другъ друга въ продолженіе какого-нибудь часа; доброта

и варварство диктовали ему въ одинъ и тотъ же день приказы, въ принципѣ какъ нельзя болѣе противорѣчившіе одинъ другому. Не успѣешь, бывало, похвалить какое-нибудь мудрое и справедливое мѣропріятіе, какъ приходитъ вѣсть, что все, заслужившее ваше одобреніе, уже разрушено.

Чтобы разгадать эту загадку, я предлагаю здѣсь читателю свою гипотезу; онъ можетъ отвергнуть ее, если ему удастся найти другую, болѣе соотвѣтствующую характеру Павла. По моему мнѣнію, всякій его добрый поступокъ совершался подъ вліяніемъ сердечной теплоты и перваго непосредственнаго чувства, тогда какъ все, отмѣченное печатью жестокости, внушалось ему косвеннымъ образомъ извнѣ и было прежде всего порожденіемъ зависти, ненависти и желанія выставить напоказъ живѣйшую заботливость о его личности окружающихъ; затѣмъ, этимъ же путемъ стремились ускорить кризисъ, необходимость котораго становилась все неизбѣжнѣе. И дѣйствительно, въ силу своего коварства и своей пронырливости, интриганы не видѣли другого средства для своего спасенія, какъ совершеніе новаго преступленія.

Но обратимся къ фактической сторонѣ дѣла. Поверхностные наблюдатели были въ восторгѣ, видя, что такіе люди, какъ Румянцевъ и Державинъ, появились опять въ совѣтѣ, что Нелединскій изъ ссылки возвратился въ Сенатъ и что офицеры начали массами занимать опять свои прежнія мѣста. Но перемѣна эта осуществилась слишкомъ большой поспѣшностью и охватила безъ всякаго разбора черезчуръ большое число лицъ. Всякому мыслящему человѣку невольно долженъ былъ напрашиваться вопросъ: въ чемъ же заключается тайная цѣль такой удивительной мѣры?

И дѣйствительно, какъ согласовать неразумную смѣлость, проявившуюся въ томъ, что государь окружилъ себя недовольными людьми, съ милліономъ мелочныхъ мѣропріятій, свидѣтельствующихъ о его страхѣ и душевной тревогѣ? Какъ могло случиться, что Павелъ угрожалъ Англіи неизбѣжной войной, что онъ конфисковалъ имущество англичанъ, которые, по его мнѣнію, составили противъ него заговоръ, и въ то же время взялъ себѣ въ кухарки англичанку, жившую съ его разрѣшенія почти рядомъ съ нимъ? Если всѣ эти адскія комбинаціи и не привели

къ желанному результату, то онѣ, тѣмъ не менѣе, указываютъ на постоянство, съ которымъ преслѣдовался планъ, и объясняютъ (до нѣкоторой степени) неподдающееся опредѣленію поведеніе императора.

Значеніе Кутайсова—этого столь необходимаго враждебной коалиціи человѣка—возростало съ каждымъ днемъ; то же слѣдуетъ сказать и о Паленѣ. Общество видѣло съ негодованіемъ прежняго камердинера въ званіи оберъ-шталмейстера высочайшаго двора и кавалера ордена Андрея Первозваннаго. Любовница его (Кутайсова), актриса Шевалье, окончательно подчинила его своему вліянію и властно повелѣвала имъ. Она не замедлила открыто заняться торговлей чиновъ, должностей и имѣній. Весьма вѣроятно, что, благодаря ея интригамъ, г-жѣ Курвиліонъ удалось добиться изгнанія (изъ Россіи) Людовика XVIII. Такъ какъ она покровительствовала французской системѣ, то англійская партія держалась въ сторонѣ, но возможно, что она не бездѣйствовала.

Въ то время Павелъ былъ занятъ исключительно отдѣлкой своего Михайловского замка. При постройкѣ его работы безпрерывно производились—день и ночь. Стѣны были еще пропитаны такой сыростью, что съ нихъ всюду лила вода; тѣмъ не менѣе, онѣ были уже покрыты великолѣпными обоями. Врачи попытались было убѣдить императора не поселяться въ новомъ замкѣ; но онъ обращался съ ними, какъ съ слабоумными,—и они пришли къ заключенію, что тамъ можно жить. Зданіе это прежде всего должно было послужить монарху убѣжищемъ въ случаѣ попытки осуществить государственный переворотъ. Канавы, подъемные мосты и цѣлый лабиринтъ коридоровъ, въ которомъ было трудно оріентироваться, повидимому, дѣлали всякое подобное предпріятіе невозможнымъ. Впрочемъ, Павелъ вѣрилъ, что онъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ архангела Михаила, во имя котораго были построены какъ церковь, такъ и самый замокъ.

Императрица схватила въ сырыхъ покояхъ лихорадку, но не смѣла жаловаться на это; а какъ великій князь Александръ, такъ и весь дворъ страдали сильнымъ ревматизмомъ. Одинъ лишь Павелъ былъ здоровъ и чувствовалъ себя хорошо, посвящая все свое время исключительно убранству этого зданія, не предчувствуя при этомъ, что онъ украшаетъ свою могилу.

Онъ разссорился почти со всѣми европейскими державами; графъ Растопчинъ былъ уволенъ имъ потому, что попытался смягчить нѣкоторыя выраженія въ письмѣ, продиктованномъ ему Павломъ къ англійскому королю. Неизвѣстно, было ли это обстоятельство истинной причиной его увольненія, или лишь поводомъ. Паленъ былъ назначенъ главноуправляющимъ почтъ и сдѣлался, такимъ образомъ, обладателемъ всѣхъ государственныхъ и частныхъ тайнъ. Съ этого момента онъ могъ руководить рѣшеніями государя согласно собственному желанію [1]), такъ какъ Павелъ дѣйствовалъ всегда подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Паленъ могъ теперь, путемъ непосредственныхъ предписаній губернаторамъ, задерживать въ пути кого бы то ни было. Онъ, наконецъ, достигъ того положенія, благодаря которому всякое предпріятіе сулило ему полную удачу. И онъ не терялъ больше времени. Онъ сообщилъ свой планъ Зубовымъ, снѣдаемымъ честолюбіемъ и ненавистью къ Павлу; разжегъ чувство мести въ князѣ Яшвилѣ [2]), Чичеринѣ, Талызинѣ, Уваровѣ, Татариновѣ и др. Чтобы заручиться основаніемъ представить необходимость заговора въ еще болѣе яркихъ краскахъ, онъ нашелъ средство внушить государю страхъ передъ императрицей и великимъ княземъ Александромъ; вслѣдствіе этого Павелъ въ одинъ прекрасный день на парадѣ сталъ избѣгать близости своихъ сыновей и заперъ на ключъ дверь своей спальни, ведшую въ покои императрицы.

Какъ ни старались скрыть всѣ нити заговора, но генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, повидимому, все-таки заподозрѣлъ что-то. Онъ косвеннымъ путемъ увѣдомилъ государя, который

---

[1]) Этимъ путемъ онъ спасъ Кутайсова, котораго государь внезапно рѣшилъ прогнать. Императору обыкновенно приносили извлеченія изъ депешъ иностранныхъ посланниковъ, которыя вскрывались прежде, чѣмъ отправить ихъ по назначенію. Сочинили подложную депешу, въ которой шведскій посланникъ будто бы писалъ своему монарху слѣдующее: «Дурно освѣдомленное общество думаетъ, что государь уволитъ своего вѣрнаго слугу—Кутайсова, но его величество слишкомъ проницателенъ, чтобы не знать, что онъ въ отношеніи личной къ нему привязанности незамѣнимъ». Государь, обманутый этой хитростью, обнялъ Кутайсова и оставилъ его при себѣ.—Самъ Паленъ разсказалъ этотъ анекдотъ въ обществѣ, состоявшемъ изъ 7—8 лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и я.

[2]) Увѣряютъ, что государь въ запальчивости побилъ его.

заговорилъ объ этомъ съ своимъ любимцемъ Кутайсовымъ; но послѣднiй увѣрялъ, что это просто коварный доносъ, пущенный кѣмъ-нибудь, чтобы выслужиться. Съ цѣлью усыпить Кутайсова (еще больше), Паленъ приказалъ Шевалье неустанно осаждать его, содѣйствовалъ пожалованiю ему великолѣпныхъ курляндскихъ имѣнiй Альтъ и Ней-Раденъ и посовѣтовалъ ему ни на минуту не покидать Павла, чтобы имѣть возможнось сообщать ему, Палену, каждое слово императора, даже сказанное имъ хотя бы случайно.

Вѣроятно, этимъ путемъ узналъ онъ, что государь приказалъ Аракчееву явиться какъ можно скорѣе въ Петербургъ. Боясь, что это дѣлается, чтобы замѣнить его, онъ отдалъ тайный приказъ всячески задерживать Аракчеева въ дорогѣ и ускорилъ на два дня осуществленiе своего плана, который онъ сообщилъ генералу Бенигсену. Послѣднiй явился было къ нему съ требованiемъ (заграничнаго) паспорта и, вѣроятно, выразилъ при этомъ нѣкоторое чувство обиды по поводу манеры государя обращаться съ офицерами. Паленъ воспользовался удачнымъ моментомъ, чтобы вовлечь Бенигсена въ заговоръ; послѣ получасовой бесѣды последнiй возвратился въ канцелярiю и заявилъ тамъ, что паспорта ему не нужно въ виду того, что онъ рѣшилъ отложить свой отъѣздъ на нѣсколько дней.

Осуществленiе переворота было назначено въ ночь съ четверга на пятницу, но когда Паленъ явился въ понедѣльникъ къ государю съ рапортомъ, Павелъ сказалъ ему рѣзкимъ тономъ: «Вы не знаете ничего новаго?»—«Нѣтъ, ваше величество».—«Хорошо, въ такомъ случаѣ я сообщу вамъ, что что-то затѣвается». Опустивъ глаза на бумаги, которыя онъ держалъ въ рукахъ, Паленъ выгадалъ нѣсколько секундъ, чтобы овладѣть собою, послѣ чего отвѣтилъ, улыбаясь: «Если-что нибудь и затѣвается, то я долженъ быть освѣдомленъ объ этомъ, я самъ долженъ быть участникомъ. Слѣдовательно, вы, ваше величество можете не безпокоиться. Впрочемъ, ваше величество могли бы уполномочить меня арестовать безразлично всякаго по моему усмотрѣнiю, если бъ я счелъ это необходимымъ». — «Конечно, я васъ уполномочиваю на это, даже въ томъ случаѣ, если бъ пришлось арестовать великаго князя или императрицу».—«Соблаговолите, ваше величество, дать мнѣ этотъ приказъ письменно, такъ какъ я напалъ на слѣдъ

нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ я доложу вашему величеству завтра достовѣрныя свѣдѣнія».

Государь написалъ приказъ, и Паленъ удалился съ спокойнымъ видомъ, хотя и сильно взволнованный; онъ увѣдомилъ заговорщиковъ, что нельзя терять ни минуты. Князь Зубовъ взялся объявить Павлу, послѣ его предполагавшагося ареста, о необходимости отречься отъ престола, прочесть ему вслухъ актъ отреченія и заставить подписать послѣдній.

Вечеромъ 11-го марта успокоенный государь весело поужиналъ. Графиня Паленъ присуствовала при этомъ. Весьма вѣроятно, что она ничего не знала о заговорѣ или, по крайней мѣрѣ думала, что катастрофа осуществится еще не скоро. Во время ужина Павелъ сказалъ: «Мнѣ приснилось, что у меня скосило ротъ, говорятъ, что это дурная примѣта». Нарышкинъ отвѣтилъ ему, смѣясь: «А между тѣмъ ваше величество изволили проснуться mit sehr gutem Mund» [1]). Государь также засмѣялся, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Павелъ, по обыкновенію, удалился къ себѣ въ 10 часовъ. Въ половинѣ 11-го гвардейскій пѣхотный батальонъ, который вели вдоль Лѣтняго сада, спугнулъ стаю воронъ, поднявшихся съ пронзительнымъ крикомъ. Солдаты въ испугѣ начали роптать и не хотѣли идти дальше. Тогда Уваровъ воскликнулъ: «Какъ! Русскіе гренадеры не боятся пушекъ, а испугались воронъ, впередъ! Дѣло касается нашего государя!» Это двусмысленное восклицаніе убѣдило ихъ, и они молча послѣдовали за своими офицерами, хотя и съ неудовольствіемъ.

Съ другой стороны, заговорщики уже успѣли подняться по маленькой лѣстницѣ, когда Паленъ вошелъ во дворъ, гдѣ были выстроены два гвардейскихъ батальона. Онъ смѣнилъ командира охраны, гатчинца, приказавъ ему, какъ военный генералъ-губернаторъ, отрядилъ двѣнадцать человѣкъ, чтобы арестовать Обольянинова, и послать двѣнадцать другихъ—къ дому Нарышкина. Словомъ сказать, онъ безпрерывно занималъ своихъ гвардейцевъ, измышляя всевозможные приказы и мѣшая имъ, такимъ образомъ, обратить свое вниманіе на то, что происходило наверху.

---

[1]) Я слышалъ этотъ разсказъ отъ графини Паленъ, а графиня Ливенъ передала его въ тѣхъ же выраженіяхъ одному изъ моихъ друзей. Эта игра словъ трудно поддается переводу на нѣмецкій языкъ.

Заговорщики сперва заблудились въ лабиринтѣ коридоровъ замка, но Уваровъ, знавшій зданіе, собралъ ихъ опять и провелъ черезъ залу кавалергардовъ, которыхъ Паленъ сумѣлъ перевести за нѣсколько дней до этого въ болѣе отдаленное отъ спальни (государя) помѣщеніе. Вслѣдствіе этого императора въ данный моментъ охраняли лишь два стоявшихъ у его двери лейбъ-гусара. Когда послѣдніе увидѣли въ такой непоказанный часъ Зубовыхъ въ сопровожденіи другихъ заговорщиковъ, они перегородили имъ дорогу, несмотря на то, что адъютантъ сказалъ имъ, что эти господа явились по выходящему изъ ряда вонъ дѣлу. Одинъ изъ гусаровъ крикнулъ громкимъ голосомъ: «Я васъ не впущу!» и угрожалъ обнаженной саблей первому, кто осмѣлится силой переступить черезъ порогъ (спальни). Тогда нѣкоторые изъ заговорщиковъ также взялись за сабли, чтобы защищаться отъ ударовъ, наносимыхъ имъ гусаромъ: человѣкъ 5 или 6 бросились на него и ранили его, между тѣмъ какъ остальные схватили его товарища, который не оказалъ никакого сопротивленія.

Государь былъ разбуженъ шумомъ; онъ вскочилъ съ постели въ рубашкѣ и, не успѣвъ отпереть двери, которая вела въ покои императрицы, спрятался за ширмы. Заговорщики вошли (въ спальню), направились прямо къ кровати и, не найдя Павла въ ней, испугались, думая, что дѣло ихъ не удалось. Они поспѣшили къ дверямъ и при этомъ случайно замѣтили государя. «Какъ!» кричалъ онъ въ бѣшенствѣ, обращаясь къ князю Зубовъ: «развѣ я для того вызвалъ тебя изъ ссылки, чтобы ты сдѣлался моимъ убійцей?» Зубовъ принялся читать вслухъ актъ объ отреченіи отъ престола, но онъ дрожалъ и заикался. Тогда Бенигсенъ сказалъ: «Ваше величество, вы не можете больше царствовать надъ 20-милліоннымъ населеніемъ; вы дѣлаете его несчастнымъ; вамъ лишь остается, ваше величество, подписать актъ объ отреченіи отъ престола». Государь, кипя отъ гнѣва, отказывался (исполнить это требованіе). Тогда князь Яшвиль крикнулъ: «Ты обращался со мною, какъ тиранъ, ты долженъ умереть!» При этихъ словахъ другіе заговорщики начали рубить государя саблями и ранили его сперва въ руки, а затѣмъ—въ голову; тутъ они схватили его шарфъ, лежавшій близъ кровати, и, не взирая на сильное сопротивленіе съ его стороны... Перо выпадаетъ у меня изъ

рукъ... Павла нѣтъ больше въ живыхъ. Увы! я долженъ довести до конца разсказъ объ этомъ ужасѣ, и у меня хватитъ смѣлости сдѣлать это.

Пока все это совершалось наверху, Кутайсовъ былъ разбуженъ раненымъ гусаромъ, кричавшимъ: «Спѣшите къ государю, его убиваютъ!» Сперва онъ хотѣлъ-было подняться наверхъ; но смѣлость покинула его, и онъ бросился бѣжать, выскочилъ на улицу въ туфляхъ и сюртукѣ и, достигнувъ дома г. Ланскаго на Литейной, спрятался тамъ и не показывался нигдѣ до слѣдующаго дня.

Паленъ и Валеріанъ Зубовъ находились внизу въ страхѣ и трепетѣ, такъ какъ никто (изъ заговорщиковъ) не возвращался къ нимъ. Но вотъ тѣ, наконецъ, спустились и раздались громкіе возгласы: «Павелъ умеръ! Да здравствуетъ Александръ». Паленъ и сопровождавшіе его командиры вторили имъ, солдаты же молчали. Тогда Уваровъ и Талызинъ сказали имъ: «Какъ! вы не рады, что Александръ вашъ императоръ?! Павелъ захворалъ сегодня утромъ; онъ только что скончался, и нашъ новый государь заставитъ насъ забыть своего отца, который былъ уже черезчуръ строгъ».

Паленъ по-нѣмецки спросилъ своего адъютанта, побывавшаго наверху: «Что, онъ уже холодный»—«Да, я уже докладывалъ вамъ объ этомъ»—«Тогда я поднимусь». Онънаправился прежде всего къ г-жѣ Ливенъ, разбудилъ ее и сказалъ ей: «Подите къ государынѣ и доложите ей, что Павелъ скончался отъ апоплексическаго удара, и что Александръ нашъ императоръ».

Послѣ этихъ немногихъ словъ онъ пошелъ къ великому князю Александру, разбудилъ и его и сказалъ, опустившись на колѣни: «Привѣтствую васъ, какъ моего монарха! Императоръ Павелъ только что скончался отъ удара». Великій князь вскрикнулъ и былъ близокъ къ обмороку. Но Паленъ коротко сказалъ ему: «Ваше величество, дѣло касается какъ вашей личной безопасности, такъ и безопасности всей царской фамиліи. Соблаговолите немедленно одѣться и явиться къ колеблющимся солдатамъ, чтобы успокоить ихъ. Вотъ—князь Зубовъ, генералъ Бенигсенъ и вашъ генералъ-адъютантъ — всѣ были свидѣтелями кончины императора Павла. Въ ожиданіи вашего величества, я пойду къ императрицѣ“. Графиня Ливенъ уже успѣла разбудить государыню,

которая, увидѣвъ ее въ ночномъ костюмѣ, воскликнула: «О Боже! Неужели кто-нибудь изъ моихъ дѣтей такъ тяжко захворалъ?»— «Нѣтъ, я имѣю сообщитъ вамъ нѣчто гораздо болѣе печальное. Государь только что скончался!» — Императрица воскликнула: «Его навѣрное убили: мнѣ казалось, что я слышу шумъ и подавленные крики». Г-жа Ливенъ заставила ее накинуть на себя кое-что изъ платья. Въ тотъ моментъ, когда императрица хотѣла войти въ комнату государя, она замѣтила Палена, который приказывалъ часовымъ не впускать ея.

«Какъ», воскликнула она: «у васъ хватаетъ смѣлости запретитъ мнѣ доступъ въ комнату моего супруга?!»—«Я обязанъ сдѣлать это ради вашего величества и славы нашего императора Александра, которая можетъ быть скомпрометирована слишкомъ бурными изліяніями чувствъ. Императоръ Павелъ скончался отъ паралича».—«Я хочу видѣть его, его убили!»—Она заклинаетъ солдатъ пропустить ее. Тогда Паленъ говоритъ имъ: «Именемъ государя запрещаю вамъ впускать ее теперь, когда она внѣ себя отъ горя». Онъ хотѣлъ выгадать столько времени, чтобы успѣли одѣть усопшаго и уничтожить всѣ слѣды убійства. Павла поспѣшно одѣли; ему надвинули шляпу на лицо и повязали горло большимъ бѣлымъ носовымъ платкомъ.

Предусмотрѣвъ все, поспѣшили отправить ординарцевъ ко всѣмъ полковымъ командирамъ и во всѣ департаменты, такъ что къ 5 ч. утра уже успѣлъ собраться сенатъ; войска были наготовѣ, чтобы присягнуть новому государю, и курьеры были отправлены къ генералъ-губернаторамъ и къ дворамъ великихъ европейскихъ державъ.

Генералъ-прокурора Обольянинова арестовали лишь съ цѣлью помѣшать ему предпринять что-нибуть въ пользу Павла. Послѣ (обнародованія) манифеста Александра его освободили изъ-подъ стражи. Но новый государь немедленно же назначилъ генералъ-прокуроромъ Беклешова.

Извѣстіе о кончинѣ Павла достигло Риги 15 числа; 16-го, когда я только что всталъ изъ-за обѣда, ко мнѣ вошелъ одинъ изъ моихъ друзей со словами: «Великая новость! Павелъ скончался. Александръ—царствуетъ; только что прибылъ курьеръ». Излишне заявлять, какъ глубоко я былъ потрясенъ этой вѣстью, хотя предчувствовалъ и предвидѣлъ эту катастрофу.

На слѣдующій день меня посѣтилъ Д... и сообщилъ подробности. Курьеръ, старый его знакомый, кромѣ того, присовокупилъ, что заговорщики въ Петербургѣ говорятъ о случившемся во всеуслышаніе и хвастаютъ этимъ, какъ актомъ справедливости, совершеннымъ съ цѣлью прекращенія страданій двадцати милліоновъ людей.

Письмо, полученное однимъ рижскомъ купцомъ, подтвердило всѣ подробности. Заговорщики были въ немъ поименованы, а Палену приписывалась позорная честь, что онъ былъ защитникомъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой ужасной сцены, отблагодаривъ такимъ обрамъ Павла за всѣ его благодѣянія и неограченное довѣріе.

Акты милости молодого императора и любезное письмо, полученное отъ Беклешова, навели меня на мысль поѣхать въ Петербургъ, чтобы выхлопотать себѣ тамъ пенсію, которой меня лишили при увольненіи, хотя я всегда исполнялъ свои обязанности съ добросовѣстной точностью.

Я выѣхалъ 24 апрѣля (изъ Риги); волненіе мое усиливалось тѣмъ, что состояніе моего здоровья одно время вызывало во мнѣ сомнѣніе въ возможности когда-либо свидѣться съ моими столичными друзьями и знакомыми. Притокъ пріѣзжихъ въ Петербургъ со всѣхъ концовъ имперіи былъ въ то время такъ великъ, что всѣ гостиницы были переполнены. Графъ Віельегорскій пріютилъ меня у себя, что послужило мнѣ большимъ нравственнымъ удовольствіемъ.

Никогда еще новое воцареніе не вызывало такого всеобщаго восторга! Это было какое-то опьянѣніе, возраставшее съ каждымъ днемъ, благодаря возвращенію ссыльныхъ и заключенныхъ.

Молодой государь неустанно повторялъ, что будетъ управлять государствомъ только согласно закону, и старался окружить себя людьми, служившими еще при Екатеринѣ, которую онъ избралъ себѣ образцомъ. Съ 15 апрѣля онъ уволилъ Палена отъ должности главноуправляющаго почтами и назначилъ на этотъ постъ сенатора Трощинскаго. Одновременно съ этимъ получилъ отставку и Кутайсовъ съ разрѣшеніемъ уѣхать изъ Петербурга.

Александръ возстановилъ Тайный Совѣтъ, первыми членами котораго онъ назначилъ: фельдмаршала Салтыкова, обоихъ Зубовыхъ, вице-канцлера князя Куракина, генералъ-прокурора Бек-

лешова, государственнаго казначея Васильева, Палена, князя Лопухина, князя Гагарина, адмирала Кушелева и Трощинскаго. Онъ приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ англійскихъ матросовъ и заявилъ, что готовъ остаться лишь покровителемъ Мальтійскаго ордена, предоставляя послѣднему право избирать себѣ другого гросмейстера, согласно желаніямъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ европейскихъ державъ. 2 апрѣля Александромъ была уничтожена тайная канцелярія, и въ тотъ же день возстановлена во всей своей первоначальной силѣ дарованная Екатериной грамота о вольностяхъ дворянства.

Первой свой визитъ я сдѣлалъ Беклешову, который принялъ меня очень хорошо; затѣмъ я поспѣшилъ выразить свою благодарность Лопухину и т. д.

Я долго не могъ рѣшиться пойти къ Палену; но нашъ уполномоченный отъ дворянства Корфъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, увѣрялъ меня честью, что Паленъ въ разговорѣ съ нимъ отозвался обо мнѣ дружески и съ похвалой; къ тому же онъ былъ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, вслѣдствіе чего я былъ обязанъ засвидѣтельствовать свое почтеніе, если не лично ему, то исправляющему эту должность. Онъ (Корфъ) предложилъ сопровождать меня къ нему; я согласился и мы отправились туда въ 11 часовъ.

Комната, смежная съ его кабинетомъ, была набита биткомъ генералами, чинами департамента иностранныхъ дѣлъ, лицами всѣхъ чиновъ и національностей. Мы узнали, что его превосходительство совѣщается какъ разъ съ посланникомъ графомъ Разумовскимъ, которому предстояло возвратиться въ Вѣну. Намъ пришлось подождать добрыхъ полчаса. Наконецъ, его превосходительство явился. Стоявшіе по сосѣдству съ дверями окружили его тѣснымъ кольцомъ. Онъ выслушивалъ всѣхъ, отвѣчалъ парой словъ направо, парой словъ—налѣво и, увидѣвъ въ отдаленіи какого-то незнакомаго мнѣ генерала, направился къ нему черезъ толпу, почтительно разступившуюся передъ нимъ; пройдя совсѣмъ близко мимо насъ, онъ какъ бы не замѣтилъ меня и, поровнявшись съ генераломъ, завелъ съ нимъ разговоръ вполголоса, при чемъ взоръ его блуждалъ по всей залѣ. Взгляды наши встрѣтились, и, возвращаясь въ кабинетъ, онъ остановился предо мною, обнялъ меня и сказалъ: «Ахъ, вы ли это?! Какъ теперь ваше

здоровье?»—«Оно устояло въ несчастіи, и я надѣюсь, что оно теперь поправится». Затѣмъ онъ дружески обратился къ Корфу, отвелъ его въ сторону, поболталъ съ нимъ нѣсколько минутъ и послѣ этого возвратился къ себѣ въ кабинетъ, тогда какъ мы и вся находившаяся здѣсь толпа начали расходиться, почитая себя счастливыми, что намъ удалось увидѣть кумиръ настоящаго дня.

Въ продолженіе всего времени, проведеннаго Паленомъ въ залѣ, я неустанно слѣдилъ за нимъ взоромъ, чтобы уловить его взглядомъ и прочесть въ немъ, каково его душевное состояніе. Мнѣ показалось, что въ немъ сказывалось присутствіе глубокаго волненія, и что вся его манера держать себя обнаруживала какую-то затаенную душевную двойственность, замаскированную смѣлостью и даже дерзостью внѣшней повадки.

Я внимательно изучалъ ходъ новаго правленія и, убѣдившись въ величайшей любви къ справедливости монарха, дрожалъ за него, видя его окруженнымъ людьми въ родѣ Палена, Зубовыхъ и другихъ, которыхъ общественное мнѣніе во всеуслышаніе называло виновниками послѣдней трагедіи.

Господа эти не только не старались стушеваться, а, напротивъ, говорили о случившемся совершенно открыто съ друзьями и знакомыми; сравнивая разсказы столь многихъ различныхъ лицъ, мнѣ было нетрудно отличить, что признавалось всѣми единогласно за непреложные факты и что являлось лишь хвастовствомъ и плодомъ фантазіи отдѣльныхъ повѣствователей.

Соображаясь съ этимъ, я изложилъ здѣсь свой разсказъ.

Однажды утромъ, когда я пришелъ къ князю Лопухину, онъ сказалъ мнѣ: «Я желалъ бы, чтобы вы остались въ Петербургѣ и возвратились въ третій департаментъ, гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного курляндца и ни одного лифляндца».

Прежде, чѣмъ подать свою записку о причитавшейся мнѣ по закону пенсіи, я прочелъ ее графу Медему, зятю Палена, жившему у своего тестя. Онъ обѣщалъ мнѣ поговорить объ этомъ предметѣ съ послѣднимъ, чтобы онъ не оказался моимъ противникомъ въ случаѣ, если государь заговоритъ съ нимъ о моей просьбѣ. Графъ Медемъ къ тому же увѣрялъ меня, что Паленъ призналъ мое ходатайство справедливымъ и скромнымъ, и посовѣтовалъ мнѣ снестись съ нимъ, какъ съ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Съ своей запиской и письмомъ къ государю въ карманѣ я отправился къ Палену. На этотъ разъ у него было меньше народу. Онъ вышелъ изъ своего кабинета, и я направился къ нему со словами: «Графъ Медемъ уже предупредилъ васъ, генералъ, о моемъ дѣлѣ», и началъ вкратцѣ излагать ему свое ходатайство. «Пойдемте въ мой кабинетъ», сказалъ онъ: «я располагаю получасомъ времени—мнѣ доставитъ удовольствіе поболтать съ вами».

Едва успѣли мы сѣсть, какъ онъ заговорилъ: «Мнѣ извѣстно все, что вамъ пришлось перенести; но это ничто въ сравненіи съ гнусностями, совершенными по отношенію къ массѣ людей, которымъ приписывались воображаемыя преступленія, или вся вина которыхъ заключалась въ одной лишь необдуманности. Мы устали быть орудіями подобныхъ актовъ тираніи, а такъ какъ мы видѣли, что безуміе Павла возрастаетъ съ каждымъ днемъ и вырождается въ манію жестокости, то у насъ оставалась лишь слѣдующая альтернатива: или избавить свѣтъ отъ чудовища, или увидѣть въ ближайшемъ будущемъ, какъ мы сами, а, быть можетъ, и часть царской фамиліи, сдѣлаемся жертвой дальнѣйшаго развитія его бѣшенства. Только одинъ патріотизмъ можетъ даровать человѣку смѣлость подвергнуть себя, жену и дѣтей опасности умереть самой жестокой смертью ради 20 милліоновъ угнетенныхъ, измученныхъ, сосланныхъ, битыхъ кнутомъ и искалѣченныхъ людей съ цѣлью возвратить имъ счастье. Впрочемъ, я всегда ненавидѣлъ его и ничѣмъ ему не обязанъ; я ничего не получилъ отъ него, кромѣ этихъ орденовъ. Но и ихъ я возвратилъ нашему государю при его воцареніи; но онъ приказалъ мнѣ сохранить ихъ, и я считаю, что получилъ только отъ него. Такая услуга, оказанная государству и всему человѣчеству, не можетъ быть оплачена ни почестями, ни наградами, и я объявилъ нашему государю, что никогда не приму подарка. Графъ Панинъ, раздѣлившій мой трудъ, солидаренъ со мною и во взглядѣ на этотъ вопросъ».—«Я не зналъ, что графъ Панинъ былъ здѣсь и опять уѣхалъ».—«Мы лишь хотѣли заставить государя отречься отъ престола, и графъ Панинъ одобрилъ этотъ планъ. Первой нашей мыслью было воспользоваться для этой цѣли сенатомъ; но большинство сенаторовъ болваны, лишенные души и способности отдаться идеямъ высшаго полета. Теперь они рады

всеобщему счастью; они упиваются восторгомъ; но у нихъ никогда не хватило бы ни смѣлости, ни самоотверженія, необходимыхъ для совершенія добраго дѣла («das Gute zu thun»). Возможно, что мы были наканунѣ большого несчастья, а для великихъ недруговъ необходимы и сильныя средства. И я долженъ сказать, что поздравляю себя съ этимъ поступкомъ, считая его своей величайшей заслугой передъ государствомъ, ради котораго я рисковалъ жизнью и пролилъ свою кровь».

Послѣ нѣсколькихъ, не имѣющихъ значенія словъ, онъ началъ снова: «Меня удивляетъ, что вдовствующая императрица, повидимому, хочетъ отмстить мнѣ за это въ особенности тогда, какъ она сама подвергалась величайшей опасности, и этой точки зрѣнія, нѣкоторымъ образомъ, обязана мнѣ. Я отказываюсь отъ проявленія ее признательности, но она должна чувствовать ее и, по крайней мѣрѣ, не пытаться возбуждать государя противъ меня... Вы, безъ сомнѣнія, видѣли Нелидову? Я высоко цѣню ее... Что сказала она вамъ по этому поводу?» [1]).

«Я видалъ ее всего минуту, при чемъ она была окружена полудюжиной фрейлинъ». Едва успѣлъ я вымолвить эти слова, какъ онъ вынулъ свои часы. «Ахъ, прочтите мнѣ свою записку: у насъ осталось очень немного времени». Я поспѣшно прочелъ ее и замѣтилъ, что онъ слушалъ безъ вниманія. Затѣмъ онъ сказалъ: «Очень хорошо...» Онъ весьма вѣжливо проводилъ меня до дверей кабинета, но я замѣтилъ въ его лицѣ выраженіе, которое подсказало мнѣ, что его поведеніе не искренно.

Я почти каждый день бывалъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ у начальницы—нашей хорошей пріятельницы г-жи Пальменбахъ—и нѣсколько разъ видѣлъ тамъ Нелидову. Въ первый разъ я былъ пораженъ, до чего она измѣнилась: волосы ея посѣдѣли; лицо покрылось сплошь морщинами; цвѣтъ его былъ желтовато-свинцовый, и черта глубокой печали омрачала это всегда столь ясное лицо. Лишь при моемъ третьемъ посѣщеніи мнѣ удалось застать ее одну. Я говорилъ съ ней о моей женѣ и о минувшихъ дняхъ; глаза ея наполнились слезами, когда я разсказалъ ей о своихъ страданіяхъ.

---

[1]) Эта фраза послужила мнѣ разгадкой для всего этого введенія, цѣль котораго заключалась исключительно въ томъ, чтобы узнать мнѣніе личности весьма близкой императрицѣ.

«Ахъ, несчастный монархъ былъ менѣе виноватъ, чѣмъ окружавшие его. Вы оба совершенно правы, не любя этого Палена». При этихъ словахъ ея лицо оживилось, что меня удивило тѣмъ болѣе, что ея обычная осторожность часто доходила до притворства.

«Ему еще мало, что онъ былъ зачинщикомъ заговора противъ своего благодѣтеля и монарха; онъ еще хотѣлъ бы поссорить мать съ сыномъ, чтобы управлять государствомъ, какъ премьеръ-министръ; но я сомнѣваюсь, чтобы второй планъ удался ему такъ же хорошо, какъ первый. Государь любитъ свою мать, а она боготворитъ его: такая связь не можетъ быть порвана какимъ-нибудь Паленомъ, вопреки всѣмъ его искуснымъ маневрамъ».

Двѣ фрейлины вошли въ комнату—разговоръ нашъ былъ прерванъ. Но тутъ я въ первый разъ въ жизни видѣлъ Нелидову разгнѣваной и забывшей о крайней осторожности, которую она всегда такъ хорошо соблюдала.

Графъ Віельегорскій пригласилъ меня сдѣлать съ нимъ нѣсколько визитовъ; мы пошли къ Палену, гдѣ застали за карточнымъ столомъ самого графа Палена, графа Валеріана Зубова, Валицкаго и Чаплина, игравшихъ въ фараонъ. Генералъ Бенигсенъ присутствовалъ въ качествѣ зрителя. Увидя насъ, Паленъ нахмурился; но нѣсколько остротъ Віельегорскаго вернули ему хорошее расположеніе духа, такъ что мы остались тамъ по окончаніи игры, а кромѣ насъ обоихъ—еще какой-то секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ и два незнакомыхъ мнѣ лица.

Не знаю, какъ это случилось, но разговоръ коснулся императрицы. «Право», сказалъ Паленъ: «она напрасно воображаетъ себѣ, что она наша повелительница. Въ сущности, мы оба подданные государя, и если она подданная перваго класса, то я—втораго; усердіе, съ которымъ я стараюсь избѣжать всего, что могло бы послужить поводомъ къ скандалу и возмущенію, всегда останется неизмѣнно тѣмъ же по своей глубинѣ и искренности. Знаете ли вы исторію съ иконой?».—«Нѣтъ».—«Такъ дѣло вотъ въ чемъ. Императрица пожертвовала для часовни новаго Екатерининскаго института икону, на которой изображены: Распятіе, Божья Матерь и Марія Магдалина; на ней сдѣланы надписи, намекающія на кончину императора и могущія подстрекнуть раз-

драженнную чернь противъ тѣхъ, на кого молва указываетъ, какъ на участниковъ этого дѣла. Надписи эти уже успѣли привлечь многихъ въ часовню, такъ что полиція донесла мнѣ объ этомъ. Чтобы не поступить опрометчиво, я отрядилъ туда смышленаго и образованнаго полицейскаго чиновника въ партикулярномъ платьѣ, поручивъ ему списать возмутительныя мѣста надписей, и велѣлъ передать священнику, чтобы образъ былъ удаленъ втихомолку. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ предварительнаго приказанія императрицы. Вотъ почему я сегодня поговорю объ этомъ съ государемъ, который завтра ѣдетъ навѣстить свою мать въ Гатчину. Мнѣ передали, что она хочетъ, чтобы икона осталась на мѣстѣ во что бы то ни было. Но это невозможно».

Онъ еще нѣсколько разъ принимался горячо ратовать противъ императрицы. Когда мы собрались уходить, графъ Віельегорскій сказалъ мнѣ «Я положительно не узнаю Палена. Онъ всегда отличался, чтобы не сказать худшаго,—смышленностью фурьера или придворнаго камеръ-лакея, а сегодня онъ позволилъ себѣ, не стѣсняясь, такія выходки противъ императрицы—и еще при свидѣтеляхъ!»—«Онъ, очевидно, воображаетъ», отвѣтилъ я: «что находится въ такой незыблемой милости, что можетъ тягаться съ императрицей, но ему слѣдовало бы быть поосторожнѣе. Императрица—женщина: въ ней много упорства, сынъ ее любитъ и уважаетъ. Это очень неравная игра».

Въ четвергъ я отправился къ обѣду въ институтъ. Проходя мимо двери Нелидовой, я замѣтилъ, что тамъ готовятся къ отъѣзду въ Гатчину. Я зашелъ къ ней и попросилъ ее объяснить мнѣ исторію съ иконой, надѣлавшей столько шуму и способной вызвать въ массѣ праздныхъ и склонныхъ къ возмущенію людей опасное движеніе.

«Я очень рада», сказала она: «что вы вспомнили объ этомъ, такъ какъ могу сообщить вамъ все до мельчайшихъ подробностей: я была свидѣтельницей всей этой исторіи, и образъ не разъ былъ у меня въ рукахъ. Одинъ русскій художникъ приносилъ императрицѣ отъ времени до времени иконы для ея новыхъ учрежденій. Такъ такъ онъ не хотѣлъ продать ихъ, то императрица приказывала выдавать ему когда 100, когда 200 руб. Но, въ виду его слишкомъ частыхъ появленій, императрица ве-

лѣла отказать ему, когда онъ принесъ послѣднюю икону, на которой было изображено распятіе. Здѣсь Божія Матерь обращается къ Спасителю съ изреченіемъ изъ св. писанія, а Христосъ отвѣчаетъ ей другимъ текстомъ [1]). Такъ какъ эти надписи дѣлаются славянскимъ и часто весьма мелкимъ шрифтомъ, то ни императрица, ни я, ни кто-нибудь изъ придворныхъ никогда не трудились разбирать ихъ. Художникъ, между тѣмъ, оставилъ икону у одного изъ камердинеровъ съ просьбой убѣдить государыню взглянуть на нее, такъ какъ онъ, по бѣдности своей, нуждается въ вспомоществованіи. Икона уже провисѣла двѣ недѣли съ лишкомъ въ покояхъ императрицы, когда она, собираясь уѣхать въ Гатчину, вдругъ сказала: «Все-таки надо будетъ осмотрѣть образъ. Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ дирекціи моихъ учрежденій?» Ей доложили, что г. Гревеницъ налицо. Императрица велѣла позвать его и спросила: «Куда бы можно было помѣстить эту икону?»—«Въ часовнѣ новаго Екатерининскаго института еще не хватаетъ одного образа».—«Такъ велите поставить туда этотъ и скажите художнику, что я вспомню о немъ, когда возвращусь изъ Гатчины». Все это можетъ засвидѣтельствовать вамъ дворъ императрицы. Но Паленъ, который во что бы то ни стало хочетъ посѣять раздоръ между матерью и сыномъ, усмотрѣлъ въ надписяхъ на иконѣ смыслъ, способный вызвать возмущеніе. Мысль эта экстравагантна и становится преступной, когда ее приписываютъ императрицѣ. Государь, вѣроятно, прикажетъ основательно изслѣдовать это дѣло и дастъ своей матери удовлетвореніе. Пока не говорите объ этомъ, а въ особенности—не называйте меня».—«Я увѣряю васъ, что я никому не скажу ни слова».

Въ воскресенье вечеромъ я получилъ отъ одного изъ своихъ друзей записку слѣдующаго содержанія: «Паленъ со всей своей семьей уѣзжаетъ въ 9 часовъ въ Ригу; увѣряютъ, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Всѣ идутъ къ нему, и я совѣтую вамъ сдѣлать то же».

Я отвѣтилъ: «Не вѣрю ни одному слову объ этомъ путешествіи. Сходите къ нему и по возвращеніи увѣдомьте меня, въ чемъ дѣло».

---

[1]) На русскихъ образахъ часто изображаются ленты съ текстами изъ св. писанія, исходящія какъ бы изъ устъ Господа, ангеловъ и святыхъ.

Въ 11 часовъ вечера мой другъ писалъ (опять): «Онъ уѣхалъ, разыгрывая роль невозмутимаго, но она въ отчаяніи».

Все это показалось мнѣ сномъ. Но я, тѣмъ не менѣе, спокойно легъ спать и во всякомъ случаѣ пожелалъ ему счастливаго пути.

Около 10 часовъ утра къ Віельегорскому пришелъ кто-то изъ приближенныхъ государя и объяснилъ намъ причину внезапнаго отъѣзда Палена.

Въ четвергъ утромъ онъ горько жаловался государю на инцидентъ съ иконой. Его величество, разсерженный его сильными выраженіями, замѣтилъ ему: «Не забывайте, что вы говорите о моей матери. Впрочемъ, невозможно, чтобы надписи были таковыми, какъ вы говорите; я хочу видѣть икону».

Паленъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, велѣлъ взять образъ и принесъ его государю, который, прочитавъ надписи, ничего не сказалъ, но поѣхалъ въ Гатчину съ цѣлью потребовать объясненій отъ своей матери. Какъ ни старался онъ смягчить дѣло, императрицѣ все-таки пришлось оправдываться въ своихъ намѣреніяхъ, что было для нея крайне унизительно. Она заключила объясненія, приведенныя ею въ свое оправданіе, словами: «Пока Паленъ будетъ въ Петербургѣ, я туда не возвращусь!».

Государь вернулся изъ Гатчины лишь въ субботу вечеромъ и, не желая лично приказать Палену отправиться на ревизію Лифляндіи и Курляндіи, проработалъ съ нимъ вмѣстѣ въ воскресенье все утро до обѣдни; послѣ этого онъ велѣлъ позвать къ себѣ генералъ-прокурора и поручилъ ему передать Палену свое повелѣніе приблизительно за часъ до обѣда. «Я понимаю», сказалъ Паленъ Беклешову, «смыслъ этого совѣта государя и знаю его источникъ. Доложите его величеству, что сегодня вечеромъ въ 8 ч. его приказъ будетъ исполненъ мною, и я больше не буду въ Петербургѣ».

Онъ сообщилъ о случившемся своей женѣ и заявилъ ей, что немедленно же потребуетъ полной и безусловной отставки. Она сама написала молодой императрицѣ о своемъ увольненіи, чтобы имѣть возможность сопровождать своего мужа. Паленъ помѣтилъ свое письмо Стрѣльной, и оно было передано государю рано утромъ, когда онъ только что проснулся. Указъ объ его отставкѣ былъ обнародованъ въ тотъ же день, такъ что меньше, чѣмъ

въ 26 часовъ, этотъ человѣкъ, считавшій свое положеніе незыблемымъ, обладавшій въ такой высокой мѣрѣ умомъ и тактомъ, обратился въ ничтожество и былъ принужденъ праздно прогуливаться въ своихъ имѣніяхъ въ сопровожденіи своей совѣсти, вѣскій голосъ которой теперь уже больше не будетъ заглушенъ лестью и шумомъ придворной жизни.

Наконецъ я рѣшился уѣхать безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Двухмѣсячнаго пребыванія въ знакомой уже раньше столицѣ вполнѣ достаточно, чтобы получить ясное понятіе о системѣ правленія, которую затѣмъ необходимо основательно изучить и съ духомъ которой надо познакомиться на основаніи личнаго опыта. Я сдѣлалъ все, отъ меня зависящее, чтобы заручиться достовѣрными свѣдѣніями объ отличительномъ характерѣ новаго правительства, и, по крайней мѣрѣ, вынесъ то утѣшеніе, что я въ состояніи безъ посторонней помощи заранѣе опредѣлить, въ какомъ направленіи будутъ сдѣланы дальнѣйшіе шаги нашего новаго монарха.

Я возвратился на лоно моей родины и моей семьи съ двойнымъ удовлетвореніемъ: я понялъ цѣну независимаго положенія и сладкаго досуга.

По приглашенію генералъ-прокурора, князя Голицына и выдающихся членовъ первой курляндской судебной палаты принять участіе въ разработкѣ плана реорганизаціи присутственныхъ мѣстъ и въ редакціи новыхъ судебныхъ уставовъ, я отдался этому труду; такимъ образомъ мой досугъ, быть можетъ, окажется не совсѣмъ безплоднымъ для моей родины.

Какъ благословляю я судьбу, удалившую меня изъ Петербурга задолго до наступленія этого печальнаго времени. Замѣть я какіе-нибудь признаки готовившагося заговора, я былъ бы принужденъ, въ силу принесенной мною присяги и своихъ принциповъ, раскрыть ужасную тайну. Множество людей считали бы меня гнуснымъ доносчикомъ, и какъ мои намѣренія, такъ и поступки были бы заклеймлены клеветой.

Но такъ какъ меня выслали (изъ Петербурга) задолго до ужасной катастрофы, то я избѣжалъ всѣхъ этихъ непріятностей, нисколько не измѣнивъ при этомъ моимъ правиламъ.

Теперь, находясь на покоѣ, я посвящаю остатокъ своихъ дней дружбѣ, своимъ обязанностямъ и прелестямъ литературы.

Императорская семья[1]).

Для предстоящаго переворота нужно было согласіе или содѣйствіе какого-нибудь одного члена императорскаго семейства. Прежде всѣхъ въ соображеніе могли быть приняты только супруга Павла, Марія Θеодоровна, и великій князь Александръ. Поводомъ для заговора противъ императора послужило то обстоятельство, что къ концу царствованія Павла оба великіе князья, Александръ и Константинъ [2]), находились въ величайшей опасности. То обстоятельство, что Петръ III собирался оттолкнуть мать Павла, дало поводъ къ низложенію императора въ 1762 г.; тогда дѣло шло не только о спасеніи ближайшихъ къ государю лицъ. Совершенно такъ же обстояло дѣло и въ послѣднее время царствованія Павла.

Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что бракъ Павла съ Вюртембергской принцессой, получившей послѣ принятія ею православія имя Маріи Θеодоровны, болѣе десяти лѣтъ былъ сравнительно счастливымъ. Затѣмъ положеніе измѣнилось вслѣдствіе увлеченія Павла Нелидовой. Если даже отношеніе Павла къ Нелидовой было, какъ многіе утверждаютъ, платоническимъ, то все-таки особенное вниманіе, оказываемое ей, заключало въ себѣ пренебреженіе къ супругѣ Павла. Всѣ лица, непосредственно окружавшія великаго князя Павла, преклонялись передъ Нелидовой. Такъ какъ камеръ-юнкеръ графъ Н. П. Панинъ не захотѣлъ подчиниться лозунгу «respect pour la Nélidow., mépris pour la grande duchesse» (почтеніе къ Нелидовой, презрѣніе къ великой княгинѣ), то впалъ въ немилость, и въ августѣ 1791 г. имѣлъ съ Павломъ разговоръ, во время котораго великій князь сказалъ: «Путь, которымъ вы идете, приведетъ васъ къ двери или къ окну»; на это Панинъ возразилъ, что ни въ какомъ случаѣ не сойдетъ съ пути чести, и вышелъ, не дожидаясь знака, озна-

---

[1]) Отрывокъ изъ книги А. Г. Брикнера — Смерть Павла I.

[2]) Николай родился лишь въ 1796 г., Михаилъ былъ еще моложе.

чающагося у государей «Allez vous en» (убирайтесь) [1]. Придворному садовнику въ Царскомъ Селѣ Павелъ грозилъ палкою только за то, что онъ доставилъ великой княгинѣ фрукты [2]. Ростопчинъ писалъ въ 1793 г.: «Великая княгиня безсильна, она покорилась своей судьбѣ, безмолвно страдаетъ и живетъ для своихъ дѣтей» [3]. Павелъ удалилъ отъ двора библіотекаря и чтеца Лафермьера потому, что Марія Ѳеодоровна любила его общество [4].

Послѣ вступленія Павла на престолъ, отношенія измѣнились къ худшему. Во время коронаціи, когда дворъ пребывалъ въ Москвѣ, Павелъ влюбился въ дочь оберъ-прокурора Лопухина. Если императоръ уже раньше преслѣдовалъ и ссылалъ людей, преданныхъ его супругѣ, то теперь подобныя мѣры приняли еще худшій характеръ; Лопухина же, разумѣется противъ желанія императрицы, была назначена фрейлиной. Благодаря этому, вліяніе Маріи Ѳеодоровны все уменьшалось, и шведскій посланникъ Стедингкъ былъ склоненъ приписывать этому обстоятельству возраставшую неурядицу во всѣхъ дѣлахъ.

Стедингкъ въ письмѣ къ шведскому королю говоритъ, что отношенія Павла къ Лопухиной, которыя онъ считалъ только платоническими [5], не будутъ продолжительны, и что Павелъ опять вернетъ свое расположеніе императрицѣ. Другіе современники также представляли это отношеніе какъ сравнительно невин-

---

[1]) См. въ высшей степени интересный разсказъ Панина въ его письмѣ къ Воронцову, содержащемъ автобіографію въ «Матеріалахъ для жизнеописанія Панина», I, стр. 106.

[2]) См. письмо Ростопчина къ Воронцову отъ 1703 г. въ Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 257.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 67.

[4]) Тамъ же, XV, 83.

[5]) Письмо Стедингка отъ 18—20 марта 1799: «On dit qu'il n'y a rien de sensuel dans cette liaison, et je serais tenté de le croire, puisque'il est très religieux et qu'il vit toujours avec l'imperatrice». По словамъ Стедингка, Кутайсовъ сильно содѣйствовалъ этой любовной исторіи, о которой шведскій посланникъ далѣе разсказываетъ слѣдующее: «L'impératrice en a été fort affligée dans les commencements et a fait des efforts inutiles pour s'y opposer. Elle a fini par s'y accoutumer, et présentement elle caresse beaucoup sa rivale, ce qui lui attire de grandes attentions de son époux. Si elle avait tenu cette conduite plus tôt, ses amis seraient encore en place».

ное [1]); но изъ достовѣрнаго источника мы знаемъ, что Лопухина, выйдя замужъ за князя Гагарина [2]), покинула своего мужа, чтобы всецѣло принадлежать государю [3]). Она имѣла значительное вліяніе, которымъ впрочемъ нерѣдко пользовалась для смягченія участи несчастныхъ изгнанниковъ [4]).

Не удивительно, что Павелъ охладѣлъ къ своей супругѣ. Но и нѣсколько раньше въ семейной жизни Императорской фамиліи наступилъ полный разладъ. Въ 1798 г. Императрица въ теченіе

---

[1]) См. статью Андріанова о княгинѣ Гагариной, рожденной Лопухиной въ Историческомъ Вѣстникѣ (январь, 1895, стр. 182); это цѣлый рядъ разсказовъ, въ которыхъ между прочимъ изображается сильное вліяніе Гагариной на личную судьбу высокихъ сановниковъ.

[2]) Стедингкъ замѣчаетъ въ своемъ письмѣ отъ 18 февраля (1 марта) 1880 г., гдѣ идетъ рѣчь о бракѣ Лопухиной, что эта свадьба доказываетъ «que le goût de l'empereur pour la princesse a été aussi pur qu'irréprochable». При этомъ шведскій дипломатъ разсказываетъ о щедрости государя по этому случаю: молодая женщина получила 100,000 рублей чистыми деньгами, великолѣпно устроенный домъ, который оцѣнивался въ 300,000 руб.; отецъ Лопухиной получилъ 100,000 рублей. Кромѣ того, ей было дано огромное количество брилліантовъ, серебра и т. д. Далѣе, отецъ Лопухиной получилъ 7,000 крестьянъ съ тѣмъ условіемъ, что половину отдастъ дочери и т. д. Въ день свадьбы императрица Марія Θеодоровна причесала невѣсту, какъ того требовалъ обычай относительно фрейлинъ, выходящихъ замужъ. Стокгольмскій архивъ.

[3]) Саблуковъ, а. а. О., 308, разсказываетъ, какъ завязалось интимное отношеніе между ними; онъ говоритъ, что Кутайсовъ и отецъ Лопухиной довели до этого дѣло, и что этому способствовалъ также Гагаринъ. Павелъ купилъ три дома, велѣлъ ихъ соединить и устроить для своей «maîtresse en titre». Рядомъ съ нею жилъ Кутайсовъ съ актрисой Шевалье. Саблуковъ разсказываетъ: «I have frequenly seen the Emperor leave him there and fetch him away again on his return from his own mistress».

[4]) См. только что упомянутую статью Адріанова. Даже графъ Панинъ, будучи изгнанъ, прибѣгъ къ посредничеству Гагариной. См. «Матеріалы для жизнеописанія Панина», V, 622, 633—634. Воронцовъ писалъ Панину въ іюнѣ 1801 г., бичуя безнравственность русскаго общества: «Nous avons vunpère assez infâme que de prostituer sa propre fille». Безъ сомнѣнія, здѣсь подразумѣвался Лопухинъ. См. «Матеріалы для жизнеописанія Панина», VI, 476-477. Розенцвейгъ (а. а. О, стр. 11) упоминаетъ о томъ, что Михайловскій дворецъ, гдѣ Павелъ поселился незадолго до своей смерти, выкрашенъ былъ въ розовую краску, по цвѣту перчатокъ Гагариной: «Дворецъ носилъ названіе архангела, а цвѣтъ—любовницы». Объ этомъ упоминаетъ также Коцебу въ соч. «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

недолгаго времени повидимому имѣла еще извѣстное вліяніе; но, какъ полагали, ей не хватило ловкости и такта, чтобы удержать его за собою [1]). Письмо Ростопчина къ Воронцову отъ 2 ноября 1798 г. даетъ возможность глубоко заглянуть въ эти печальныя отношенія: «Хотя государь истратилъ милліоны на благодѣянія, но все-таки не имѣетъ вѣрныхъ слугъ. Его ненавидятъ; собственныя дѣти его терпѣть не могутъ; Великій Князь Александръ относится съ ненавистью къ своему отцу; Великій Князь Константинъ боится его. Его дочери, какъ и всѣ, находящіеся подъ вліяніемъ матери, питаютъ къ отцу антипатію. Всѣ улыбаются ему, а между тѣмъ ничего не желаютъ такъ сильно, какъ видѣть его обратившимся въ прахъ. Какой однако ужасный характеръ у императрицы! [2]) Прежде ея кумиромъ было общественное мнѣніе [3]), теперь это деспотизмъ и желаніе царствовать. Она унизила себя, вступивъ въ союзъ съ шельмой (coquine), со своимъ заклятымъ врагомъ [4]), чтобы господствовать надъ своимъ супругомъ; теперь она обнаруживаетъ полное подчиненіе его волѣ».

Что оба супруга незадолго до катастрофы замышляли недоброе другъ противъ друга—объ этомъ говорили, этому вѣрили; провѣрить этого мы не въ состояніи. Поэтому приводимъ нижеслѣдующее, не ручаясь за его достовѣрность.

Бернгарди пишетъ безъ указанія источниковъ: «Марія Ѳеодоровна знала о томъ, что готовится [5]), и имѣла свой собственный небольшой кружокъ, интриги котораго были довольно безсильны по сравненію съ замышляемымъ большимъ заговоромъ. Главную роль въ этомъ второстепенномъ кружкѣ играла семья Куракиныхъ [6]), съ которыми Императрица была очень дружна, и которые льстили своей высокой покровительницѣ, говоря ей, что она можетъ сама царствовать, быть самодержицей Россіи и съиграть

---

[1]) См. слова Кочубея въ архивѣ кн. Воронцова, XVIII, 149—150.

[2]) Вмѣсто послѣднихъ словъ въ изданіи Воронцовскаго архива (XXIV, 274) стоитъ многоточіе. Быть можетъ это объясняется цензурными условіями, хотя контекстъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ о Маріи Ѳеодоровнѣ.

[3]) Вѣроятно страсть къ популярности.

[4]) Не имѣется ли здѣсь въ виду Нелидова?

[5]) Отъ Панина, Палена и ихъ сообщниковъ.

[6]) Объ отношеніяхъ Куракиныхъ къ Императрицѣ есть цѣнныя свѣдѣнія въ часто упоминавшихся «Матеріалахъ къ біографіи Панина».

роль Екатерины [1]). Ей говорили, что Великій Князь Александръ слишкомъ молодъ, неопытенъ, слабъ и легко поддается чужому вліянію; онъ вѣроятно самъ устрашится тяжести короны. За то, всѣмъ памятно блестящее царствованіе Екатерины; старики помнятъ еще царствованіе Императрицы Елизаветы и считаютъ это время прекраснымъ и счастливымъ; Россія даже привыкла къ управленію женщинъ, подъ ихъ властью чувствовала себя всего лучше, и народъ желаетъ мягкаго господства царицы. Сама же она чрезвычайно любима, и любовь народа, въ связи съ свѣтлыми воспоминаніями, поможетъ ей вступить на престолъ.—Разумѣется, Императрица Марія Ѳеодоровна охотно слушала такія рѣчи; особенно легко было убѣдить ее въ томъ, что она очень любима, такъ какъ вся ея жизнь, всѣ ея дѣйствія какъ прежде, такъ и послѣ были почти-что боязливымъ исканіемъ популярности. Она стояла во главѣ нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій и завѣдывала ихъ дѣлами, если безъ надлежащаго пониманія, то съ большимъ рвеніемъ и стараніемъ обратить на себя вниманіе. Она не предпринимала ни одной прогулки безъ разсчета на то, что случится какое-нибудь маленькое происшествіе, что создастся анекдотъ, который выставитъ ее передъ народомъ въ свѣтѣ сердечной доброты и снисхожденія, полнаго сознанія своего достоинства. Она никогда,—развѣ только въ рѣдкія минуты,—не выходила изъ своей роли, благодаря чему все ея существо стало носить характеръ театральности и дѣланности» [2]).

Однако, честолюбивые планы Императрицы и ея намѣренія предпринять что-нибудь рѣшительное противъ своего супруга гораздо сомнительнѣе, чѣмъ недовѣріе, какое питалъ къ своей женѣ Павелъ. Доказательствомъ этого служитъ роковое рѣшеніе Государя задѣлать двери изъ своей спальни въ покои императрицы. Разсказы современниковъ объ этомъ не вполнѣ согласуются.

Розенцвейгъ сообщаетъ: «Изъ спальни Императрицы былъ только одинъ выходъ. Архитекторъ Бренна, строившій Михайловскій дворецъ, оставилъ еще одну соединительную дверь съ покоями императрицы. Но такъ какъ Павелъ въ то время совершенно разошелся со своей супругой, то приказалъ задѣлать эту

---

[1]) Т.-е. значитъ свергнутъ Павла, какъ Екатерина свергла своего супруга?

[2]) Histor. Zeitschrift, III, 149.

дверь, и когда архитекторъ недостаточно быстро исполнилъ его желаніе, наказалъ его арестомъ на нѣсколько часовъ. Послѣ этого приказаніе было исполнено» [1]).

По словамъ Ланжерона, дверь не была задѣлана, а была лишь заперта на ключъ со стороны спальни Павла, такъ что Марія Өеодоровна очень скоро послѣ совершенія преступленія—дверь тѣмъ временемъ неизвѣстно какимъ образомъ была открыта—могла появиться на мѣстѣ катастрофы [2]). Источники, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія Бернгарди, гласятъ, что непосредственно передъ убійствомъ Павла Беннигсенъ заперъ двери, ведущія въ помѣщеніе Императрицы [3]). Саблуковъ замѣчаетъ, что дверь въ покои императрицы была уже раньше заперта изнутри [4]).

Итакъ, дверь, повидимому, не была задѣлана, а была лишь заперта изнутри. Это было выраженіемъ отчужденія, недовѣрія между обоими супругами.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Императрица и Великіе Князья имѣли полное основаніе бояться Павла. Трудно было предугадать, куда его можетъ завлечь его страстность, его душевное разстройство, и каково будетъ его обхожденіе съ близкими ему людьми. Какъ силенъ былъ страхъ передъ нимъ въ его же семьѣ, вполнѣ ясно изъ писемъ такихъ царедворцевъ, какъ Ростопчинъ, Роджерсонъ, и изъ мемуаровъ современниковъ, какъ Саблуковъ и др.

На основаніи неизвѣстныхъ, но въ данномъ случаѣ вѣроятно очень важныхъ источниковъ, Бернгарди разсказываетъ, что Павлу въ послѣднее время его жизни такъ понравился племянникъ императрицы, четырнадцатилѣтній принцъ Евгеній Вюртембергскій, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ, что онъ задумалъ назначить его своимъ наслѣдникомъ. Бернгарди пишетъ: «Вскорѣ его расположеніе къ красивому и умному мальчику усилилось до без-

[1]) Aus allen Zeiten und Landen, a. a. O., стр. 12.

[2]) Revue Britannique, a. a. O. стр. 74. Elle accourut bientôt, la porte avait «été ouverte, on ne sait par qui ni comment». Примѣчаніе Ланжерона, относящееся къ тому же: «Il est à présumer que Bennigsen l'avait fait ouvrir car elle n'était fermée que du côté de l'empereur; mais il ne m'a rien dit, et j'ai oublié de le lui demander».

[3]) Histor. Zeitschrift, III, 159.

[4]) „The door c (см. планъ), leading to the Empress's bedroom, was also locked on the side of the cabinet. Fraser's Magazine 1865, September, стр. 318.

предѣльной и страстной экзальтаціи, которая, какъ всѣ проявленія Павла, граничила съ безуміемъ. Этотъ мальчикъ казался Павлу какъ бы ниспосланнымъ съ небесъ; планъ его былъ готовъ, и съ семьей своей государь рѣшилъ покончить насильственно; онъ хотѣлъ сначала посадить подъ строгій арестъ императрицу, сославъ ее на далекій сѣверъ, въ Холмогоры [1]), Великаго Князя Александра заточить въ Шлиссельбургъ, Константина — въ Петербургскую крѣпость и т. д. [2]).

Очень интересенъ слѣдующій разсказъ Бернгарди: «Уже не разъ у государя вырывались намеки относительно «grand coup», который онъ собирается сдѣлать; теперь онъ грозно заявлялъ своей возлюбленной, красивой княгинѣ Гагариной и Кутайсову, что онъ уже хочетъ выполнить свой grand coup; при этомъ онъ сказалъ даже слѣдующія знаменательныя слова: «Sous peu je me verrai forcé de faire tomber des têtes qui iadis m'étaient chères!» (скоро я буду вынужденъ снять когда-то дорогія мнѣ головы) [3]). Сходный разсказъ мы находимъ у Розенцвейга: «Паленъ до такой степени возбуждалъ недовѣріе Павла къ сыновьямъ, что государь далъ ему, какъ военному губернатору, письменное полномочіе арестовать Великихъ Князей, чтобы священная особа царя была въ безопасности. Паленъ показалъ этотъ приказъ Великому Князю и вырвалъ у него согласіе [4]). Впрочемъ, этотъ послѣдній уже изъ другого источника зналъ объ участи, какую готовилъ отецъ. Дѣло въ томъ, что генералъ-лейтенантъ Уваровъ, начальникъ кавалергардовъ, былъ любовникомъ княгини Лопухиной, дочь которой, княгиня Гагарина, была въ то время любовницей Государя. Павелъ посѣтилъ Гагарину однажды ве-

---

[1]) Въ Холмогорахъ, находящихся верстахъ въ 70-ти отъ Архангельска, цѣлыя десятилѣтія находились въ заточеніи брауншвейгцы, родственники бывшаго Императора Ивана Антоновича.

[2]) По нѣкоторымъ даннымъ, говоритъ Бернгарди, можно было предположить, что Павелъ хочетъ женить герцога Евгенія Вюртембергскаго на своей дочери Екатеринѣ. Павелъ всячески отличалъ его и осыпалъ почестями, орденами и т. д. Дѣло дошло до того, что однажды на парадѣ Павелъ самъ отдалъ ему честь и лично провелъ передъ нимъ парадирующій батальонъ,—честь, какой Павелъ никому еще не оказывалъ. Histor. Zeitschrift, III, 152—153.

[3]) Histor. Zeitschrift, III, 153.

[4]) На рѣшительное дѣйствіе противъ государя.

черомъ и горько жаловался ей на то, что окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, и что даже сыновья составляютъ противъ него заговоръ. Затѣмъ онъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ, что намѣренъ посадить сыновей въ тюрьму. Гагарина сказала объ этомъ матери, эта послѣдняя — графу Уварову, который въ свою очередь передалъ это Палену [1]). Паленъ совѣтовалъ прямо сказать объ этомъ Великому Князу, и когда послѣ этого Александръ сообщилъ это извѣстіе генералъ-губернатору, оказалось, что Паленъ уже получилъ приказъ объ арестѣ и настаивалъ на необходимости низложить императора. Утверждаютъ также, что государь намѣревался посадить въ тюрьму и свою супругу, а преемникомъ своимъ назначить своего третьяго сына Николая, котораго самъ хотѣлъ воспитывать [2]). Все складывалось такъ, что катастрофа становилась неизбѣжной [3]).

Понятно, что всѣ подобные разсказы на основаніи того, что «говорятъ», легко могутъ содержать въ себѣ если не прямые вымыслы, то сильныя преувеличенія. Принимать ихъ за чистую монету нельзя. За то, вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова Ланжерона въ его сочиненіи о смерти Павла I: «Въ Европѣ распространился слухъ (и шелъ онъ ни отъ кого иного, какъ отъ Палена), что Павелъ намѣревается оттолкнуть свою жену, жениться на княгинѣ Гагариной послѣ ея развода съ мужемъ, заточить своихъ старшихъ сыновей и назначить своимъ наслѣдникомъ великаго князя Михаила, родившагося уже въ царствованіе Павла. Слухъ этотъ—отвратительная клевета; его опровергаетъ Коцебу въ своемъ сочиненіи: «Самый замѣчательный годъ моей жизни» [4]), и я слышалъ изъ устъ генерала Кутузова, жившаго въ то время въ Петербургѣ, что о такихъ нелѣпыхъ намѣреніяхъ не было и рѣчи, и что Павелъ еще наканунѣ своей смерти былъ очень сердеченъ съ женой и съ дѣтьми.» Извѣстно, что уже въ

---

[1]) Бернгарди говоритъ: «Угроза Павла была тотчасъ же сообщена графу Палену кѣмъ?—прежнимъ ли слугой, котораго Павелъ, какъ друга, возвысилъ до ступеней трона (Кутайсовъ), или его возлюбленной,—этого мы опредѣлить не можемъ; врядъ ли это могъ сдѣлать кто-нибудь, кромѣ этихъ двухъ лицъ». Объясненіе Розенцвейга кажется весьма вѣроятнымъ.

[2]) Николай родился въ 1796 г., значитъ ему было четыре года, когда былъ убитъ отецъ.

[3]) Aus allen Zeiten und Landen, a. a. O, стр. 8.

[4]) Мы изучили этотъ источникъ, но этого мѣста найти не могли.

силу своего характера Павелъ совершенно не могъ хоть сколько-нибудь притворяться» [1]).

Истина очевидно находится посерединѣ. Если даже Павелъ не замышлялъ оттолкнуть свою супругу и заключить въ тюрьму сыновей, то все-таки не могло быть и рѣчи о сердечномъ, доброжелательномъ обращенiи его съ его близкими. Саблуковъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ о натянутыхъ отношенiяхъ между Павломъ и его сыновьями. «Александръ», пишетъ Саблуковъ, «будучи близорукъ и тугъ на ухо, тѣмъ болѣе опасался сдѣлать ошибку, и не спалъ изъ-за этого ночей. Оба Великiе Князя ужасно боялись отца, и если послѣднiй казался сколько-нибудь сердитымъ, блѣднѣли, какъ мертвецы, и дрожали, какъ осиновые листья» [2]). Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ Саблукова мы читаемъ слѣдующее, написанное по поводу разсказа о безчисленныхъ дисциплинарныхъ наказанiяхъ военныхъ: «Оба великiе князя всегда опасались всего худшаго и для самихъ себя. Они оба были шефами полковъ и, какъ таковые, ежедневно должны были выслушивать сильнѣйшiе упреки за самыя ничтожныя провинности на парадахъ, за недочеты въ дрессировкѣ» и т. д. [3]). Такое положенiе дѣлъ тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ роковой день смерти Павла какъ Александръ, такъ и Константинъ находились подъ арестомъ. Недовѣрiе отца къ своимъ сыновьямъ явствуетъ изъ того факта, что оба великiе князя въ этотъ день, за нѣсколько часовъ до убiйства Павла, были отведены генеральнымъ прокуроромъ Обольяниновымъ въ дворцовую церковь для возобновленiя присяги [4]). Присяга была принесена, хотя по крайней мѣрѣ старшiй изъ Великихъ Князей зналъ и долженъ былъ знать, что дни царствованiя Павла сочтены. Въ интимныхъ кружкахъ поведенiе Александра относительно отца считалось не безупречнымъ. Уже въ концѣ 1798 г. Ростопчинъ писалъ графу Воронцову: «Le grand duc Alexandre a de grands torts vis à vis de son père“ (Be-

---

[1]) Revue Britannique, 1895, iюль, 77.

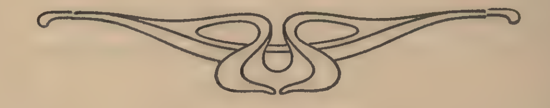
[2]) Fraser's Magazine, Августъ, 1865, стр. 324,

[3]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine, Сентябрь, 1865 г., стр. 310.

[4]) Александръ разсказалъ Саблукову въ 8 часовъ вечера 11-го марта, т.-е. за нѣсколько часовъ до катастрофы: «We are both under arrest... we have been both of us brought up by Obolianinow to the chapel, to take an oath of allegiance». Fraser's Magazine, стр. 314.

ликій Князь Александръ во многомъ виноватъ передъ своимъ отцомъ) [1]).

Казалось, что въ такія времена всеобщаго угнетенія, смятенія, крайней опасности можно упразднить обычныя понятія о нравственности и лояльности. Злоупотребленіе монархическою властью со стороны Павла, повидимому, совершенно отмѣняло господствовавшія правила законности. Поэтому обычныя обязанности подданныхъ, родственниковъ государя и слугъ государства стали невыполнимыми. Психіатрамъ и сторожамъ въ психіатрическихъ больницахъ не вмѣняется въ преступленіе нарушеніе истины по отношенію къ опаснымъ больнымъ. Экстравагантность характера Павла и необычайность его положенія требовали, чтобы при изысканіи средствъ для спасенія не стѣсняться обычными соображеніями. Общее настроеніе и недовольство дѣлаетъ понятной диктатуру Паниныхъ и Паленовъ, которые въ интересахъ государства рѣшили прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, чтобы положить конецъ безобразнымъ явленіямъ этого царствованія.

[1]) Архивъ князя Воронцова, XXIV, 277.

Записки Вельяминова-Зернова [1]).

Императоръ Павелъ I взошелъ на престолъ 6-го Ноября 1796-го г. Онъ былъ въ чрезвычайномъ раздраженіи противъ матери своей Екатерины II. Преданіе говоритъ, что причиною этой ненависти были фавориты Екатерины: Орловы покушались на жизнь его; Потемкинъ обращался съ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ и заносчивостью, какъ и со всѣмъ міромъ, по его высокомѣрному характеру; Зубовъ тоже не оказывалъ ему должнаго вниманія, какъ наслѣднику престола. Мнѣ кажется, однако, что коренною причиною этой ненависти было внушеніе, сдѣланное Павлу при его воспитаніи. Ему натолковали съ дѣтскихъ еще лѣтъ, что Екатерина похитила престолъ, ему принадлежащій, что онъ былъ долженъ царствовать, а она повиноваться, а самолюбіе подсказывало ему, что онъ царствовалъ бы и распоряжался бы лучше ея. Самолюбіе всегда обманываетъ дѣтей, но едва ли оно когда-нибудь обманывало сильнѣе, чѣмъ въ этомъ случаѣ. Послѣ такого критическаго и опаснаго переворота, которымъ Екатерина взошла на престолъ, слѣдовало бы принять гораздо болѣе осторожную систему въ воспитаніи наслѣдника— слѣдовало бы воспитать его такимъ кроткимъ и покорнымъ, какимъ позже воспитала Екатерина внука своего Александра; но она, кажется, не смѣла смѣнить находившагося при немъ

---

[1]) Авторъ настоящихъ воспоминаній Александръ Николаевичъ В.— Зерновъ служилъ долгое время въ гвардіи, но въ 1799 году, опасаясь подвергнуться, по примѣру многихъ офицеровъ Павловской эпохи, «выбрасыванію изъ службы», вышелъ въ отставку. Въ 1801 году онъ занималъ должность Директора въ одномъ изъ Департаментовъ Министерства Внутренныхъ дѣлъ.

Записки его напечатаны за границей, въ книгѣ проф. Шимана „Der Ermordung“ Pauls I. Berl. 1902 г. Въ Россіи въ изданіяхъ Суворина и Парамонова.

графа Н. И. Панина и не имѣла, кѣмъ замѣнить его. Такія стѣснительныя въ этомъ отношеніи обстоятельства Екатерины проистекали изъ того, что она взошла на престолъ насильственнымъ и беззаконнымъ образомъ. И странно, какъ это удалось! Два гвардейскіе офицера, братья Орловы, почти безъ всякаго участія вельможъ, генераловъ, сената, синода и прочихъ коллегій, Императрицу, гонимую мужемъ своимъ, привозятъ на удачу къ командиру одного гвардейскаго полка, въ темной надеждѣ на его къ ней расположеніе, собираютъ три полка гвардіи, убѣждаютъ присягнуть ей, низвергаютъ царствовавшаго императора и, такимъ образомъ, въ двое сутокъ дѣлаютъ совершенный въ правленіи переворотъ, которому безмолвно покоряется все пространнѣйшее въ мірѣ государство безъ малѣйшаго кровопролитія. Нѣтъ ни одной жертвы, кромѣ самого вѣнценосца. Единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ, даровитый и прославленный своими подвигами Минихъ, Минихъ, который уже одинъ разъ самъ перемѣнилъ правительство одною ротою своего полка, покушается защищать Императора, но тщетно. Усилія добродушнаго фельдмаршала ничтожны противъ заговора двухъ развратныхъ, буйныхъ, молодыхъ офицеровъ. Боже мой, какое непостижимое происшествіе! Какая тайна, какія обстоятельства, какіе поступки были причиною такого необычайнаго успѣха! Но тогда менѣе этому удивлялись, потому что привыкли къ переворотамъ.

Петръ III, взойдя на престолъ съ самыми добродѣтельными побужденіями на пользу своихъ подданныхъ, былъ слишкомъ лѣнивъ и слабъ характеромъ, чтобы держать крѣпко бразды правленія. Онъ только наслаждался сладостями стола и незаконной любви съ Елизаветою Воронцовою, которой въ жертву хотѣлъ принести законную, геніальную свою супругу. Екатеринѣ оставалось только два пути: или вѣчное заточеніе или престолъ. Она избрала послѣдній. Петръ III, сдѣлавъ себѣ опаснѣйшаго врага изъ своей супруги, противопоставилъ себѣ и націю, особенно же войско, безтолковымъ, мелочнымъ и обиднымъ поклоненіемъ всему прусскому. Уваженіе, питаемое имъ къ Фридриху II, дѣлаетъ честь его сердцу; этотъ геній, герой и благодѣтель своего народа, достоинъ былъ обожанія; но наружные признаки нашего благоговѣнія должны быть такъ разсчитаны, чтобы они не оскорбляли никого, а наипаче тѣхъ

людей, на которыхъ мы возлагаемъ собственную свою защиту и съ которыми хотимъ пріобрѣсти себѣ славу. Вотъ ближайшія причины, доставившія быстрый успѣхъ Екатеринѣ. Но, сверхъ того, существовала еще одна, хотя отдаленная, но столь же важная.

Петръ I, по ненависти къ своему сыну Алексѣю, котораго онъ измучилъ пытками и умертвилъ, разрушилъ порядокъ наслѣдства по первородству, утвержденный вѣками, и предоставилъ царствущему Государю назначить послѣ себя наслѣдникомъ кого ему вздумается, безъ всякаго ограниченія. Не прошло и полусутокъ послѣ кончины Петра I, какъ изъ этого указа сдѣлано уже было злоупотребленіе; извѣстно, что Меньшиковъ съ нѣсколькими гренадерами выломалъ дверь той залы, въ которой главные государственные сановники совѣщались объ избраніи наслѣдника, и съ обнаженною шпагою провозгласилъ Императрицею Екатерину I, вышедшую изъ черни и преданную ему совершенно еще съ тѣхъ поръ, какъ она была служанкою въ его домѣ. Съ легкой руки Меньшикова 75 лѣтъ продолжались перевороты, изъ которыхъ составилась пословица: «Кто раньше всталъ да палку взялъ, тотъ и капралъ». Какъ только Петръ II скончался, то И. А. Долгоруковъ, также съ обнаженною шпагою, вошелъ въ залу собранія и провозглашалъ сестру свою Императрицею. Ему бы это удалось, если бъ она хоть за сутки до смерти Императора была обвѣнчана съ нимъ. Нѣсколько сановниковъ избираютъ Императрицею Анну Ивановну, обходя семейство Петра I, и предписываютъ ей условія. Анна, при собраніи двора, не спрося согласія народа, ни сената, разрываетъ эти условія, объявляетъ себя самодержавной и предаетъ Россію на волю бывшаго конюха своего Бирона. Елизаветѣ Петровнѣ стоило только войти во дворецъ и, взявъ изъ колыбели Императора Іоанна, отдать его въ руки гренадеръ, чтобы объявить себя царствующею. Перемѣнить царствующую особу было столь же легко, какъ смѣнить министра. Но смѣнить министра тогда было гораздо труднѣе, чѣмъ теперь; надо было внезапно и вооруженной рукою схватить Меньшикова или Бирона, чтобы отнять у нихъ власть.

Отъ Петра I до Екатерины II въ продолженіе 37 лѣтъ, было 7 переворотовъ: насильственное провозглашеніе Екатерины I, низверженіе Меньшикова, избраніе Анны партіею, уничтоженіе

принятыхъ ею условій, арестованіе и ссылка Бирона, воцареніе Елизаветы и восшествіе на престолъ Екатерины II. Далѣе увидимъ, какъ скончался Павелъ I. Все это суть слѣдствія Петрова постановленія о наслѣдствѣ. Это безумно-деспотическій законъ отдалъ Россію на произволъ интригъ и заговоровъ; онъ, такъ сказать, кинулъ ее на драку честолюбцамъ подобно тому, какъ Римская Имперія переходила безпрестанно изъ рукъ въ руки, съ насильственною смертью Императоровъ, по произволу преторіанцевъ. Избрать въ Императоры значило въ Римѣ почти то же, что осудить на смерть, а пожаловать въ префекты преторіи почти то же, что открыть путь къ престолу.

Послѣ такого рода примѣровъ Екатерина II, конечно, могла надѣяться, что сынъ ея не долженъ питать къ ней ожесточенной ненависти, за ея похищеніе престола; но все-таки слѣдовало бы ему внушать, что если бы мать его была заключена Петромъ III въ монастырь и потомъ, вѣроятно, лишена жизни, то Императоръ Петръ III, женясь на Воронцовой, едва ли сдѣлалъ бы его наслѣдникомъ, едва ли даже призналъ его сыномъ, и что, вѣроятно, онъ сдѣлался бы вскорѣ жертвою своей мачехи, которая не преминула бы имѣть дѣтей или, можетъ быть, также смѣнена была бы другою. Страсти сильнѣе дѣйствуютъ на престолѣ и не въ такомъ слабомъ Государѣ, какимъ былъ Петръ III. Напротивъ, Павелъ былъ направленъ совсѣмъ противному. Правда, гр. Панинъ доставилъ ему хорошее умственное образованіе; но характеръ его былъ совершенно испорченъ: запальчивость и необузданность страстей, щедрость и мстительность въ высочайшей степени, подозрительность на каждомъ шагу и нетерпѣливость во всемъ, словомъ—ожесточенные и самые неумѣренные порывы составляли весь характеръ Павла. Глубоко-закоренѣлая ненависть ко всему тому, что учреждено Екатериною, сдѣлали порывы его еще опаснѣе и вреднѣе. Взойдя на престолъ, ожиданіемъ котораго онъ истомился, онъ сталъ коверкать все: и гражданскую, и военную часть, и внѣшнія отношенія государства; а паче всего страсть къ экзерциціямъ и запальчивая взыскательность за малѣйшія ошибки во фронтѣ, возстановили противъ него войско и все дворянство. Нѣмцы, вышедшіе изъ камеръ-лакеевъ и изъ ремесленниковъ, и самые мелкопомѣстные дворяне, едва знающіе грамоту, выслужившіеся черезъ педант-

скую гатчинскую службу, стали угнетать и презирать дворянство жалованное Екатериною. Оно раздражалось, писало пасквили и карикатуры, подкидывало самому Императору насмѣшливыя и ругательныя письма. Онъ въ ярости требовалъ мгновеннаго отысканія виновныхъ; полиція, желая удовлетворить его изступленному нетерпѣнію, хватала, по малѣйшему подозрѣнію, часто вовсе невинныхъ, такъ что вошло уже въ обыкновеніе хватать кого попало, лишь бы поскорѣе. Кто зазѣвался и не снялъ шляпы, кто не успѣлъ выйти изъ экипажа, кто переѣхалъ дорогу, всѣхъ брали въ полицію: лошадей подъ артиллерію, людей наказывали палками. Господа трепетали; въ домахъ все приходило въ волненіе, ежели кто изъ домашнихъ не скоро возвращался домой. Старики и старухи не выпускали дѣтей и внучатъ и сами не выѣзжали въ то время, когда предполагали, что могутъ встрѣтить Императора.

Всѣмъ извѣстно, какъ, страстно обожалъ Павелъ Анну Петровну Лопухину, позже княгиню Гагарину; гренадерскія шапки, знамена, флаги кораблей и самые корабли украшены были именемъ «благодати», потому что Анна по-гречески значитъ благодать. Сколько было жертвъ его ревности и сколько милостей къ ея родству!

Павелъ ежедневно выходилъ на свои вахтъ-парады и другія экзерциціи, и очень часто былъ ими недоволенъ, такъ что по нѣсколько офицеровъ вдругъ бывали тяжело оштрафованы: ихъ тутъ же хватали изъ фронта, сажали въ кибитки и отсылали въ Сибирь, въ дальніе гарнизоны, въ крѣпости, или разжаловали въ рядовые. Сихъ послѣднихъ тутъ же передъ фронтомъ переодѣвали въ солдатскіе мундиры, срывая съ нихъ офицерскіе признаки и разрывая платье. Императоръ иногда самъ насосилъ имъ по нѣсколько ударовъ палкою.

Будучи недоволенъ малымъ успѣхомъ въ этихъ любимыхъ экзерциціяхъ, въ которыхъ онъ все переиначилъ и требовалъ съ нетерпѣливостью быстроты и точности, къ чему, правду сказать, мудрено было и довести неповоротливую Екатерининскую гвардію, Императоръ вообразилъ, что не довольно для этото учить солдатъ и офицеровъ, и учредилъ во дворцѣ тактическій классъ, гдѣ какому-то школьнику изъ фехтовальныхъ учителей приказалъ читать лекціи для всѣхъ старыхъ и заслуженныхъ генера-

ловъ. Самъ Суворовъ принужденъ былъ слушать эти уроки. Это не столько раздражало Суворова, который отшучивался чрезвычайно остро, сколько всю націю, которая гордилась своими побѣдами при Екатеринѣ и геніемъ своихъ генераловъ, а наипаче Суворова.

Все это могло бы кончиться однѣми насмѣшками, если бы не было ссылокъ, заточеній въ крѣпости и казематы, наказаній кнутомъ, рванія ноздрей, отрѣзыванія языковъ и ушей и прочихъ истязаній. Въ извиненіе этого говорятъ, что и самого Павла раздражали необыкновеннымъ образомъ; но кто же подавалъ къ этому поводъ? И какъ можно унять цѣлую націю, которая видитъ, что ею управляютъ съ жестокосердіемъ, педанствомъ и безразсудствомъ? Возстановляя противъ себя дворянство и войско, Павелъ находился еще въ заблужденіи, будто бы привязываетъ къ себѣ чернь тѣмъ, что онъ далъ свободу расколамъ и запретилъ помѣщикамъ держать крестьянъ на барщинѣ болѣе трехъ дней въ недѣлю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдавалъ свободныхъ крестьянъ въ крѣпостное владѣніе своимъ приверженцамъ и гатчинскимъ выслуженцамъ, и при случавшихся отъ того возмущеніяхъ повелѣвалъ наказывать нерѣдко кнутомъ. Итакъ, изъ всѣхъ сословій развѣ только одно духовенство не имѣло противъ него негодованія. Такимъ образомъ стонала Россія болѣе четырехъ лѣтъ. Екатерининскіе вельможи были разосланы по деревнямъ, государственныя должности почти всѣ заняты людьми самыми ничтожными и необразованными, и Россія терпѣла бы еще долго это ужасное ярмо, не смѣя и желать прекращенія онаго, еслибъ Императоръ былъ благоразумнѣе или хоть бы осторожнѣе во внѣшнихъ сношеніяхъ съ прочими державами. Онъ поссорился со многими державами и хотѣлъ вдругъ объявить войну пяти или шести государствамъ, а паче всѣхъ онъ раздражалъ Англію до такой степени, что она-то и нанесла ему послѣдній смертельный ударъ.

Англійскимъ посломъ при Петербургскомъ дворѣ былъ въ то время Витвортъ. Не знаю, изъ Англіи ли сообщена ему мысль объ убіеніи Павла, или она родилась въ петербургскомъ его пріятельскомъ обществѣ и лишь подкрѣплена изъ Лондона денежными пособіями; но знаю, что первый заговоръ о томъ сдѣланъ между нимъ и Ольгою Александровною Жеребцовою, сестрою Зубовыхъ,

съ которой онъ былъ въ любовной связи. Они рѣшились посовѣтоваться объ этомъ съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, который жилъ тогда въ деревнѣ, будучи въ опалѣ.

Весьма любопытно узнать, кто такой этотъ графъ Николай Петровичъ Панинъ. Воспитатель Павла, графъ Никита Ивановичъ Панинъ не имѣлъ дѣтей и поэтому для совмѣстнаго ученія съ своимъ царскимъ воспитанникомъ взялъ родного своего племянника графа Никиту, сына своего брата, извѣстнаго генерала графа Петра Павловича Панина. Екатерина II до излишества ласкала этихъ обоихъ братьевъ Паниныхъ. Никита Петровичъ, выросши вмѣстѣ съ Павломъ и часто отнимая у него игрушки, думалъ продолжать ту же короткость и сохранять ту же силу воли и противъ Императора царствующаго. Павелъ былъ по природѣ великодушенъ, открытъ и благороденъ; онъ помнилъ прежнія связи, желалъ имѣть друзей и хотѣлъ любить правду, но не умѣлъ выдерживать этой роли. Должно признаться, что эта роль чрезвычайно трудна. Почти всегда подъ видомъ правды говорятъ царямъ рѣзкую ложь, потому что она какимъ-нибудь косвеннымъ образомъ выгодна тому, кто ее сказалъ. Павелъ сдѣлалъ вице-канцлеромъ товарища своего дѣтства и обходился съ нимъ по-прежнему; но такъ какъ Павелъ былъ раздражителенъ, а графъ Никита надмененъ и самонадѣянъ, то между ними выходила вспышка. Однажды Императоръ, раздраженный Панинымъ, бѣжалъ отъ него скорыми шагами по всему дворцу въ Эрмитажъ; Панинъ слѣдовалъ за нимъ. Не думаю, чтобы, несмотря на гнѣвъ Императора, вице-канцлеръ былъ обязанъ непремѣнно за нимъ слѣдовать; кажется, лучше было бы оставить разгнѣваннаго царя и дать ему время нѣсколько успокоиться. Остановясь передъ портретомъ Генриха IV французскаго, Павелъ воскликнулъ:

— Вотъ счастливый Государь! Онъ имѣлъ друга въ такомъ великомъ министрѣ, какъ Сюлли, а у меня его нѣтъ!

Панинъ и въ ту минуту не оставилъ въ покоѣ своего Государя и отвѣчалъ:

— Будь ты Генрихомъ IV, будутъ и Сюлли!

Не знаю, за это ли или за другую какую-нибудь дерзость, Павелъ сослалъ Панина въ деревню.

Эта-то ссылка была причиною такого ужаснаго озлобленія Панина противъ своего Государя, что когда Витвортъ и Жереб-

цова задумали отыскать цареубійцъ, то обратились къ нему первому за совѣтомъ. Съ этимъ посланіемъ отправленъ былъ отъ нихъ къ Панину г. Рибасъ, извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ итальянскій, котораго происхожденіе слѣдующее. Императрица Елизавета Петровна имѣла дочь, которую, не знаю почему, называли княжной Таракановой. Эта несчастная дѣвушка съ посредственнымъ состояніемъ, полученнымъ ею отъ матери, поселилась въ Италіи. Когда Екатерина II взошла на престолъ, то, разумѣется, были люди, противъ нея возопіявшіе. Это неудовольствіе дошло до слуха Таракановой, и она имѣла безразсудство иногда высказывать, что скорѣй ей принадлежалъ бы престолъ Россійскій, нежели Принцессѣ Ангальтъ-Цербстской. По отдаленности мѣста, по недостатку дарованія и по бѣдности средствъ этой княжны Таракановой не стоило бы, кажется, обращать на нее вниманіе; однако жъ, обратили. Екатерина поручила брату фаворита своего, графу Алексѣю Орлову, похитить изъ Италіи эту бѣдную княгиню, когда онъ возвращался побѣдителемъ съ Чесменскаго боя. Алексѣй Орловъ подыскалъ себѣ въ Италіи фактора, который, на подобіе польскихъ жидовъ, сводничалъ, шпіонилъ, а иногда, коли уменъ, употреблялся и на государственныя тайныя дѣла и пронырства. Этотъ-то факторъ былъ Рибасъ. Они вмѣстѣ съ Орловымъ заманили княжну Тараканову на корабль, изнасиловали ее, привезли въ Петербургъ и заключили въ казематъ Петропавлоской крѣпости, гдѣ она въ наводненіе 1777 года утонула. Рибасъ имѣлъ необыкновенныя способности и пронырство, почему и былъ рекомендованъ Императрицѣ, которая поручила ему воспитаніе графа Бобринскаго, своего сына. Рибасъ позже женился на Бецкой, былъ полнымъ адмираломъ, нажилъ большое состояніе, но до конца жизни остался факторомъ.

Говорятъ, Рибасъ привезъ отъ графа Панина планъ заговора, по которому и дѣйствовали, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ предположеніяхъ. Вѣроятно, планъ состоялъ въ указаніи лицъ, на которыхъ можно положиться.

Вотъ какъ приступили къ дѣлу:

Нужно было вызвать къ двору Зубовыхъ. Обратились къ Кутайсову, первому фавориту и прислужнику Императора, вышедшему изъ камердинеровъ. Простыя убѣжденія оказались безсильны; надобно было, какъ говорится, задѣть за живое. Князь

П. А. Зубовъ написалъ къ Кутайсову письмо, прося у него руки его дочери. Сестра Зубова, О. А. Жеребцова, дала почувствовать Кутайсову, что этотъ бракъ тогда только состояться можетъ, если князь будетъ вызванъ въ Петербургъ и получитъ назначеніе, приличное своему чину, равномѣрно же и братья его Николай и Валерьянъ Зубовы.

Павелъ былъ такъ предубѣжденъ противъ Зубовыхъ и такъ негодовалъ на нихъ, что не легко было исходатайствовать ихъ возвращеніе. Сказываютъ, будто Кутайсовъ признался Императору въ своемъ малодушномъ желаніи сродиться съ такою знатною фамиліею и показалъ ему письмо князя Зубова. Какъ бы то ни было, но Зубовы были возвращены. Платонъ и Валерьянъ были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ, а Николай оберъ-шталмейстеромъ. Ласково и съ открытой душой встрѣтилъ ихъ Павелъ въ своемъ дворцѣ и сказалъ;

— Платонъ Александровичъ, забудемъ все прошедшее.

Послѣ такого пріема, не понимаю, что хотѣли эти люди! Неужели они рисковали собою изъ искренняго состраданія къ бѣдствіямъ отечества? Не вѣрю такой добродѣтели въ душѣ придворныхъ.

Надобно полагать, что Зубовы пріобрѣли нѣкоторое вліяніе на Императора посредствомъ Кутайсова и своей притворной преданности.

Стали обращать вниманіе Государя на полицію, но такъ, чтобы онъ былъ недоволенъ ею, и потомъ присовѣтовали ему сдѣлать военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ графа П. А. фонъ-деръ-Палена, находившагося въ отставкѣ. Я самъ слышалъ изъ устъ графа Петра Алаксѣевича, что когда присланъ былъ къ нему отъ Павла курьеръ съ приглашеніемъ вступить на службу военнымъ губернаторомъ Петербурга, то первое его движеніе было отказаться отъ этого, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ онъ мнѣ, пріятели мои увѣдомили, что это нужно, и я рѣшился принять приглашеніе. Не знаю, кто были эти пріятели, но полагаю, что выборъ фонъ-деръ-Палена сдѣланъ по указанію графа Н. П. Панина.

Фонъ-деръ-Паленъ, вступивъ въ должность военнаго губернатора, дѣйствовалъ самымъ успѣшнымъ образомъ; онъ вооружалъ противъ Павла и войско и жителей. Между тѣмъ, у Зубовыхъ

собирались маленькія вечеринки, на которыхъ они высматривали, кого набрать въ свои сотоварищи для послѣдняго дѣйствія. Къ сему нужнѣе всего были военные и преимущественно начальники частей. Вѣроятно, и женщины содѣйствовали этому дѣлу. Сюда привлечены были генералы: Беннигсенъ и Уваровъ, командиръ кавалергардскаго полка, который послѣ женатъ былъ на бойкой и разумной вдовѣ Валерьяна Зубова; начальникъ конно-гвардейской артиллеріи полковникъ князь Владиміръ Яшвиль, артиллерійскій штабъ-офицеръ Татариновъ и нѣсколько молодыхъ людей, какъ-то: Николай Бибиковъ, Евсей Чертковъ, адъютантъ Уварова, Сергѣй Маринъ, Аргамаковъ и др. Два послѣдніе присоединились по вліянію начальника ихъ, генерала Талызина.

Обращая вниманіе на командировъ гвардейскихъ полковъ, необходимо признать, что заговорщики были довольно затруднены: Кологривовъ, начальникъ лейбъ-гусарскаго полка, и Милютинъ—Измайловскаго полка, были люди, преданные Императору Павлу и имъ много облагодѣтельствованные; Леонтій Деперрадовичъ, командиръ Семеновскаго полка, былъ человѣкъ сомнительный, однако-жъ съ него взяли слово въ согласіи его. Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, былъ единственною надежною подпорою заговорщиковъ и, вѣроятно, былъ умышленно рекомендованъ Павлу на это мѣсто, куда былъ указанъ гр. Н. П. Панинъ.

Однажды Талызинъ, возвращаясь поздно вечеромъ домой, нашелъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ запечатанное письмо, распечатываетъ—оно отъ гр. Панина, который проситъ его содѣйствовать фонъ-деръ-Палену въ заговорѣ противъ Императора, говоря, что онъ уже рекомендовалъ его, какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка, военному губернатору. Талызинъ, истребя письмо, ждалъ послѣдствій. Фонъ-деръ-Паленъ, увидя его во дворцѣ, спрашиваетъ при всѣхъ, читалъ ли онъ письмо гр. Панина и, получивъ утвердительный отвѣтъ, проситъ его къ себѣ въ шесть часовъ вечера на совѣщаніе. Тутъ они познакомились и условились. Вотъ какъ дѣлаютъ опытные заговорщики.

Въ такомъ положеніи былъ заговоръ въ концѣ 1800 года. Слухи о заговорѣ проникли во всѣ кружки Петербургскаго общества. Число сообщниковъ умножалось. Время шло, а заговорщики почему-то медлили: чего еще поджидали, неизвѣстно. Вѣроятно, опасность предпріятія колебала ихъ души.

Но между тѣмъ, самъ Павелъ ускорилъ исполненіе ихъ замысла: онъ день ото дня становился запальчивѣе и безразсуднѣе въ своихъ взысканіяхъ, не замѣчая, что его умышленно раздражаютъ, чтобы произвести болѣе недовольныхъ. Наконецъ, заговоръ сдѣлался до такой степени извѣстнымъ въ Петербургѣ, что и самъ Павелъ узналъ о немъ. Въ гнѣвѣ своемъ, надѣлавъ множество непріятностей на вахтъ-парадѣ, онъ призываетъ къ себѣ военнаго губернатора.

— Знаете ли вы, что было въ 62 году?

— Знаю, Государь,—отвѣчаетъ Паленъ.

— А знаете ли, что теперь дѣлается?

— Знаю.

— А что вы, сударь, ничего не предпринимаете по званію военнаго губернатора? Знаете ли, кто противъ меня въ заговорѣ?

— Знаю, Ваше Величество. Вотъ списокъ заговорщиковъ, и я самъ въ немъ.

— Какъ, сударь!

— Иначе, какъ бы я могъ узнать ихъ всѣхъ и ихъ замыслы? Я умышленно вступилъ въ число заговорщиковъ, чтобъ подробнѣе узнать всѣ ихъ намѣренія.

— Сейчасъ схватить ихъ всѣхъ, заковать въ цѣпи, посадить въ крѣпость, въ казематы, разослать въ Сибирь на каторгу!—возопилъ Павелъ, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ.

— Ваше Величество,—возразилъ Паленъ,—извольте прочесть этотъ списокъ: тутъ Ваша супруга, оба сына, обѣ невѣстки—какъ можно взять ихъ безъ особаго повелѣнія Вашего Величества? Я не найду исполнителей и не въ силахъ буду этого сдѣлать. Взять семейство Вашего Величества подъ стражу и въ заточеніе безъ явныхъ уликъ и доказательствъ—это столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россію и не имѣть еще чрезъ то вѣрнаго средства спасти особу Вашу. Я прошу Ваше Величество ввѣриться мнѣ и дать мнѣ своеручный указъ, по которому я могъ бы исполнить все то, что Вы теперь приказываете; но исполнить тогда, когда на это будетъ удобное время, т.-е., когда я уличу въ злоумышленіи кого-нибудь изъ Вашей фамиліи, а остальныхъ заговорщиковъ я тогда уже схвачу безъ затрудненія.

Павелъ дался въ этотъ обманъ и написалъ указъ, повелѣвающій Императрицу и обѣихъ великихъ княгинь развезти по манастырямъ, а наслѣдника престола и брата его Константина заключить въ крѣпость, прочимъ же заговорщикамъ произвесть строжайшее наказаніе. Паленъ съ этимъ указомъ обратился къ наслѣднику и съ помощью нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ исторгнулъ у Александра согласіе низвергнуть съ престола отца его.

Раздраженіе Павла возростало каждый день. За два или за три дня до своей кончины онъ многимъ державамъ велѣлъ объявить войну. Курьеры съ этими указами были задержаны, и это еще болѣе ускорило его смертъ и еще болѣе склонило наслѣдника на предложеніе заговорщиковъ. Однако, Александръ упорно настаивалъ, чтобы не лишать отца его жизни. Хотя это ему и обѣщали, но онъ долженъ былъ предвидѣть, что лишить самодержавнаго государя престола, оставя ему жизнь, дѣло немыслимое. Коль скоро Павелъ не могъ обуздывать сердца своего до такой степени, что даже увлекался въ гнѣвѣ противу равносильныхъ ему иностранныхъ державъ, то уже само собой разумѣется, что противу подданныхъ своихъ негодованіе его доходило до величайшаго изступленія, послѣ извѣстія о заговорѣ и послѣ того, какъ онъ злобнымъ и подозрительнымъ окомъ смотрѣлъ и на жену и на дѣтей своихъ. Равнымъ образомъ, понятно, что заговорщики не могли оставлять его долгое время въ такомъ сомнительномъ и опасномъ для обѣихъ сторонъ положеніи. Надо полагать, что вышеприведенный разговоръ Павла съ Паленомъ былъ не ранѣе, какъ 10-го или, быть можетъ, 11-го марта по утру; вѣроятнѣе, что 11-го.

Въ этотъ день Императоръ былъ очень гнѣвенъ на своемъ вахтъ-парадѣ, или разводѣ; однако, не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Вѣроятно, страхъ удерживалъ его. Послѣ развода военный губернаторъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартирѣ. Прямо изъ экзерциръ-гауза офицеры отправились къ нему и ждали болѣе часа. Фонъ-деръ Паленъ все былъ во дворцѣ. Пройдя домой особымъ подъѣздомъ, онъ немедленно вышелъ къ собравшимся и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицомъ, довольно грозно сказалъ имъ: «Господа! Государь приказалъ объявить вамъ, что онъ службою вашею чрезвычайно недово-

ленъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность, невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе въ исполненіи вашей должности, такъ что, ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не отыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и старайтесь вести себя лучше». Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и съ уныніемъ въ сердцѣ. Всякій желалъ перемѣны.

Въ тотъ же день, 11-го марта, вотъ что произошло въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку.

Командиръ полка, Л. И. Депрерадовичъ, приказалъ одному изъ баталіонныхъ адъютантовъ, молодому прапорщику 16—17 лѣтъ, явиться къ нему послѣ развода. Юный семеновецъ пріѣзжаетъ отъ военнаго губернатора прямо къ командиру полка.

— У тебя есть карета?—спрашиваетъ командиръ.

— Есть, Ваше Превосходительство.

— Гдѣ ты сегодня обѣдаешь?

— У тетки (такой-то).

— Ты не отпустишь кареты домой или куда въ другое мѣсто?

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, а впрочемъ, какъ прикажете.

— Нѣтъ, этого не надобно, тѣмъ лучше. Поди сейчасъ къ казначею и прими отъ него ящикъ съ патронами; онъ такой величины, что умѣстится въ каретѣ, подъ сидѣньемъ. Возьми эти патроны и уложи ихъ осторожно; храни ихъ цѣлый день; да смотри же, не отпускай карету никуда, а вечеромъ, часовъ въ 9-ть, пріѣзжай ко мнѣ въ той же каретѣ и съ патронами.

— Слушаю,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, а самъ стоялъ, какъ остолбенѣлый, и смотрѣлъ своему генералу въ глаза.

— Ну, больше ничего, ступай, и будь скроменъ; у насъ сегодня будетъ новый Императоръ.

Юноша отправился съ радостью въ сердцѣ и былъ увѣренъ, что всѣ его товарищи встрѣтятъ эту новость съ восторгомъ. Но онъ умѣлъ сохранить тайну, даже отъ своихъ кузинъ, съ товарищами онъ въ этотъ день не видѣлся.

Въ 9-ть часовъ вечера адъютантъ пріѣхалъ къ своему генералу и тотъ ему говоритъ:

«Поди на полковой дворъ, тамъ собранъ баталіонъ въ строю: обойди по шеренгамъ и раздай патроны самъ каждому солдату по свертку въ руку, какъ они приготовлены».

Адъютантъ исполнилъ приказаніе и, послѣ того, спустя часа полтора пришелъ на полковой дворъ Депрерадовичъ и, обойдя баталіонъ по шеренгамъ, ставъ по серединѣ и самымъ тихимъ образомъ скомандовалъ: «Смирно! заряжай ружья патронами». Во время заряжанія онъ безпрестанно повторялъ: «Тише, тише, какъ можно тише!» Наконецъ, спросилъ: «Все ли готово?», потомъ также весьма тихо скомандовалъ: «По отдѣленіямъ направо, маршъ!» Офицеры тише, нежели вполголоса, командовали «Тише», а генералъ такъ же тихо: «Маршъ!» Баталіонъ направился къ Михайловскому замку, идя сколь возможно медленнѣе, безъ всякаго шума и разговоровъ. Офицеры соблюдали молчаніе и рядовымъ приказывали то же.

Въ Преображенскомъ полку дѣлались такія же приготовленія, но не такъ медленно.

Несмотря, однако, на большую гласность заговора, немногіе гвардейскіе офицеры были приглашены къ содѣйствію. Преображенскій баталіонъ выведенъ былъ только съ шестью офицерами; въ Семеновскомъ полку около того же числа, и изъ нихъ нѣкоторые были приглашены почти въ самую минуту дѣйствія. Мнѣ извѣстно, что къ одному Преображенскому офицеру, Петру Степановичу Рыкачеву, который жилъ у своего родственника, пріѣхалъ полковой адъютантъ Аргамаковъ съ другими офицерами около 11 часовъ вечера и, остановясь у подъѣзда, они послали звать его къ себѣ въ карету. Рыкачевъ былъ въ халатѣ и туфляхъ—онъ такъ и пошелъ къ нимъ. Хозяинъ квартиры поручилъ ему звать гостей въ комнату, но, по прошествіи получаса, узналъ, что они увезли съ собой его родственника, и что въ карету ему подавали всю фронтовую одежду и все офицерское вооруженіе. Хозяинъ зналъ о заговорѣ, но такъ какъ разговоры объ этомъ уже прислушались и въ досадѣ, что пріятели не вошли къ нему, не обратилъ на это вниманія, такъ что спокойно легъ спать и поутру былъ разбуженъ уже поздравленіями съ новымъ Императоромъ.

Въ поддержку заговорщиковъ не было другой вооруженной силы, какъ баталіонъ Преображенскаго полка. Въ Измайловскомъ

полку довольствовались тѣмъ, что послали нѣкоторыхъ офицеровъ напоить пьянѣе обыкновеннаго командира полка генералъ-лейтенанта Машотина, и этотъ пропилъ своего благодѣтеля. Командиръ лейбъ-гусарскаго полка, генералъ-лейтенантъ Кологривовъ, тоже любилъ подгулять и такъ какъ онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ подъ гнѣвомъ Государя, то фонъ-деръ-Паленъ именемъ Императора его арестовалъ, почему онъ, не смѣя выѣхать изъ дома, не зналъ ничего и тоже прогулялъ всю ночь съ пріятелями. Наиболѣе опасный для заговорщиковъ изъ всѣхъ приверженцевъ Государя, гр. Аракчеевъ, былъ также въ немилости и въ отставкѣ, жилъ въ своемъ Грузинѣ. Павелъ, узнавъ о заговорѣ и, можетъ быть, не вполнѣ довѣряя Палену, послалъ Аракчееву приказаніе немедленно пріѣхать въ Петербургъ. Его ожидали въ ту ночь, съ 11-го на 12-е марта. Вѣроятно, это обстоятельство и заставило избрать эту ночь для исполненія заговора, дабы упредить пріѣздъ Аракчеева. Военный губернаторъ приказалъ на заставѣ не впускать Аракчеева въ городъ, а, задержавъ, прислать просить позволенія о въѣздѣ его, объявя, что это по волѣ Императора.

Такимъ образомъ, отстранены были всѣ тѣ, которыхъ заговорщики могли опасаться, кромѣ Кутайсова, который ничего не понималъ. Но всего удивительнѣе, какими доводами графъ Фонъ-деръ-Паленъ могъ убѣдить Государя перемѣнить караулъ въ Михайловскомъ замкѣ; поутру съ развода занялъ всѣ посты Семеновскій полкъ; передъ сумерками поставили Преображенцевъ и во внутренній караулъ одного изъ заговорщиковъ—поручика Марина. Иные увѣряютъ, будто Паленъ успѣлъ въ томъ, наложивъ тѣнь сомнѣнія на вѣрность Государю командира Семеновскаго полка Депрерадовича. Это, однако, мало вѣроятно; въ такомъ случаѣ надо было бы сказать Павлу, что въ ту же ночь должно вспыхнуть возстаніе, но не примѣтно, чтобы Павелъ къ тому сколько-нибудь приготовился.

Наконецъ, около 11-ти часовъ вечера, 11-го марта 1801 года, заговорщики собрались въ квартирѣ генералъ-лейтенанта Талызина, что въ лейбъ-компанскомъ корпусѣ, т.-е. въ пристройкѣ Зимняго дворца, гдѣ всегда квартируетъ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка. По мнѣнію многихъ, тутъ выпито было большое количество шампанскаго; но родной братъ одного изъ

заговорщиковъ увѣрялъ меня твердо, что выпито было только по одному бокалу, и то уже по пріѣздѣ фонъ-деръ-Палена. Полагаю, что правда въ серединѣ этихъ двухъ крайностей.

Около часа ожидали военнаго губернатора. Онъ пріѣхалъ въ половинѣ 12-го. Всѣ вышли въ залу его встрѣтить. Онъ, не снимая шляпы, спросилъ:

— Все ли готово? Ему отвѣчали:

— Все.

— Ну, хозяинъ, при этомъ случаѣ надобно шампанскаго!

Фонъ-деръ-Паленъ, выпивая первый, сказалъ твердымъ, но скромнымъ голосомъ:

— Поздравляю васъ съ новымъ Государемъ.—Пока разносили шампанское, онъ продолжалъ:—Теперь, господа, вамъ надобно раздѣлиться: одни пойдутъ со мною, другіе съ княземъ Платономъ Александровичемъ. Раздѣляйтесь! Никто не трогался съ мѣста.—«А, понимаю», сказалъ Паленъ, и сталъ разстанавливать безъ разбору по очереди—одного направо, другого налѣво, кромѣ генераловъ. Потомъ Паленъ, обратясь къ Зубову, сказалъ:—«Вотъ эти господа пойдутъ съ вами, а прочіе со мной. Мы пойдемъ разными компаніями. Ѣдемъ!»

Всѣ отправились въ Михайловскій замокъ; Преображенскій баталіонъ пошелъ туда же скорымъ шагомъ.

Впущены они были въ замокъ безъ всякаго затрудненія, подъемный мостъ опустили предъ ними. Обѣ партіи вскорѣ соединились. Фонъ-деръ-Паленъ пошелъ въ комнаты Императрицы и, разбудя статсъ-даму, которая всегда спала передъ спальнею Императрицы, сѣлъ въ ногахъ ея кровати и сталъ разсказывать, что дѣлается въ замкѣ и какъ бы предупредить о томъ Марію Ѳеодоровну, чтобы не произошло внезапной суматохи.

Между тѣмъ заговорщики уже доканчивали свое дѣло. Когда они проходили мимо внутренняго караула, то караулъ, для почести генераламъ, сталъ передъ ними въ ружье, и когда прошли далѣе, Маринъ держалъ весь караулъ подъ ружьемъ, дабы вѣрнѣе держать его въ повиновеніи. Когда солдаты услышали шумъ и крикъ, то начали роптать. Маринъ, послѣ многихъ повтореній «смирно», прибѣгнулъ къ другому средству: онъ скомандовалъ: Старые Екатерининскіе гвардейцы, впередъ! и когда тѣ выступили, онъ присовокупилъ: Если эти негодяи гатчинскіе

пикнутъ хоть слово, то въ штыки ихъ, ребята! Безъ сомнѣнія, караулъ былъ подобранъ такъ, что большее число было не гатчинскихъ.

Когда заговорщики подошли къ спальнѣ Императора, то у дверей оной нашли спящаго гусара. Гусаръ вскочилъ и сказалъ:

— Не извольте ходить, Императоръ почиваетъ!

Его хотѣли оттолкнуть, онъ сопротивлялся. Одинъ изъ Зубовыхъ, Николай или Валерьянъ—не знаю, нанесъ ему ударъ саблею, такъ что перерубилъ руку.

Павелъ, услыша шумъ, вскочилъ съ кровати. Въ испугѣ онъ не могъ найти двери, которая вела на потайную лѣстницу, и спрятался въ каминъ, заслоненный экраномъ. Заговорщики, входя въ спальню Императора, тщетно искали его нѣсколько минутъ, но когда отодвинули экранъ, то луна освѣтила ноги, стоящія въ каминѣ. Вытащили Павла изъ камина и, прежде всего, стали высчитывать ему всѣ его жестокости. Онъ бросился на колѣни передъ ними, просилъ прощенія и обѣщалъ вести себя впредь сообразно ихъ волѣ. Онъ даже предлагалъ взять отъ него подписку, въ которой онъ подпишетъ всякія условія, какія имъ угодно. Нѣкоторые стали, глумясь надъ Императоромъ, выдумывать разныя условія, иные предлагали ему отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника—онъ на все соглашался! Беннигсенъ первый прекратилъ это пустословіе, сказавъ:

— Развѣ мы затѣмъ собрались и пришли сюда, чтобы разговаривать!

Съ этимъ словомъ, мгновенно силачъ Николай Зубовъ ударилъ Императора золотою табакеркою въ лѣвый високъ. Павелъ повалился на полъ. Всѣ бросились доколачивать его.

Въ этотъ моментъ Императрица Марія Θеодоровна ломится въ дверь и кричитъ: Впустите, впустите! Алексѣй Татариновъ, мужчина сильный, схватилъ ее въ охабку и понесъ, какъ ношу, обратно въ ея спальню. Долго не могли умертвить Павла—онъ былъ полонъ жизни и здоровья. Наконецъ, сняли шарфъ съ Аргамакова—онъ одинъ только былъ въ шарфѣ—и, сдѣлавъ глухую петлю, задушили. На лицѣ осталось много знаковъ отъ нанесенныхъ ему ударовъ.

Тѣмъ временемъ Преображенскій баталіонъ, подъ начальствомъ Талызина, стоялъ противъ подъемнаго моста и заряжалъ

ружья боевыми зарядами. Офицеры разными остротами и прибаутками возбуждали солдатъ противъ Павла. Семеновскій баталіонъ шелъ такъ медленно, что когда голова его показалась въ воротахъ дворца со стороны Садовой улицы, то князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ шефскій адъютантъ этого полка бывшій тогда при наслѣдникѣ, подскакалъ верхомъ къ баталіону и закричалъ: «Помилуйте, Леонтій Ивановичъ, вы всегда опаздываете» и, не слушая отговорокъ Депрерадовича, прибавилъ: «Ну, теперь все равно—поздравляю съ новымъ Императоромъ».

Такъ погибъ полномочнѣйшій властелинъ величайшей державы въ свѣтѣ, человѣкъ, рожденный съ весьма хорошими способностями, довольно хорошо образованный и съ благородными побужденіями. Почему всѣ эти качества не спасли его отъ погибели? Потому что первымъ качествомъ человѣка должно быть умѣніе управлять своими страстями, и тогда только онъ можетъ управлять другими. Гораздо большее число заговорщиковъ и гораздо осторожнѣе веденный заговоръ не могъ бы успѣть въ этомъ убійствѣ, если бы не было на то общаго молчаливаго согласія всей столицы, общаго желанія всей Россіи.

Правда, что Павелъ не имѣлъ того просвѣщеннаго взгляда на бытъ государственный, который при воспитаніи сообщенъ былъ Александру. Это, повторяю, отъ того, что Екатерина II не смѣла смѣнить Панина какимъ-нибудь образованнымъ европейцемъ; она, вѣроятно, боялась при этой перемѣнѣ возможныхъ покушеній со стороны Орловыхъ, которымъ она слишкомъ поддалась было сначала. Въ этомъ случаѣ Екатерина II заплатила общую дань слабости человѣческой, притомъ же она тогда была менѣе опытна, чѣмъ при воспитаніи своего внука.

Въ ночь убійства генералъ Уваровъ, съ пятью или шестью офицерами, отправленъ былъ къ наслѣднику престола для удержанія его въ бездѣйствіи. Александръ плакалъ и рвался безпрестанно идти на помощь къ своему отцу. Офицеры, загораживая ему путь, становились на колѣни и, простирая руки, умоляли его всевозможными убѣжденіями и даже ложными обѣщаніями, что Павелъ не будетъ лишенъ жизни, не идти къ отцу и подождать возвращенія отъ него заговорщиковъ. Такимъ образомъ, Уваровъ и его сообщники протянули время до тѣхъ поръ, пока главные заговорщики пришли провозгласить его Импе-

раторомъ. Благодушный Александръ отвѣтствовалъ на это поздравленіе горькими слезами и показался на короткое время двору своему смущенный и грустный. Великій князь Константинъ въ это время былъ арестованъ отцомъ своимъ за какія-то неисправности по Конногвардейскому полку, котораго онъ былъ шефомъ, и безпечно спалъ въ своихъ комнатахъ.

Нѣтъ возможности описать восторгъ столицы при распространившейся вѣсти о смерти Павла. На разсвѣтѣ 12-го марта заговорщики разсыпались прямо изъ дворца во всѣ концы Петербурга, каждый по своимъ знакомымъ.

Съ бѣшеною радостію вбѣгая въ дома спящихъ, громогласно еще изъ передней кричали они: Ура! поздравляю съ новымъ Государемъ! Гдѣ дома были заперты, тамъ сильно, съ крикомъ стучались, такъ что будили всю улицу, и каждому, высунувшемуся въ окошко, провозглашали свою новость.

Всѣ изъ домовъ выбѣгали и носились по городу съ этою радостною вѣстью. Многіе такъ были восхищены, что со слезами на глазахъ бросались въ объятія къ людямъ совершенно незнакомымъ и лобызаніями поздравляли ихъ съ новымъ Государемъ.

Въ девять часовъ утра на улицахъ была такая суматоха, какой никогда не запомнять. Къ вечеру во всемъ городѣ не стало шампанскаго. Одинъ не самый богатый погребщикъ продалъ его въ тотъ день на 60,000 рублей.

Пировали во всѣхъ трактирахъ. Пріятели приглашали въ свои кружки людей вовсе незнакомыхъ и напивались до-пьяна, повторяя безпрестанно радостные крики въ комнатахъ, на улицахъ, на площадяхъ. Въ то же утро появились на многихъ круглыя шляпы и другіе запрещенные при Павлѣ наряды; встрѣчавшіеся, размахивая платками и шляпами, кричали имъ браво. Весь городъ, имѣвшій болѣе 300,000 жителей, походилъ на домъ умалишенныхъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна, несмотря на суровость своего супруга, была очень огорчена умерщвленіемъ Павла, особенно же родомъ смерти его и поступкомъ заговорщиковъ съ нею. Она, прежде всего, потребовала отъ Императора, своего сына, чтобъ Алексѣй Татариновъ былъ удаленъ. Его выписали тѣмъ же чиномъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ. Но, къ несчастью, полкъ тотъ пришелъ въ Москву на коронацію, и че-

резъ пять мѣсяцевъ Императрица опять увидѣла его и опять возобновила свои требованія. Татариновъ былъ отставленъ въ чистую и ему велѣно было жить безвыѣздно въ деревнѣ.

Въ какой? У него вмѣстѣ съ братомъ было всего семь душъ! Его товарищъ по полку, Сафононъ, человѣкъ богатый, купилъ ему 50 душъ съ землею, близъ своего имѣнія, въ Курской губерніи, гдѣ Татариновъ прожилъ болѣе 30 лѣтъ. Въ 1814 году, по убѣдительной просьбѣ своихъ родныхъ, жившихъ въ Петербургской губерніи, онъ рѣшился ихъ посѣтить. Въ то время, какъ родные съ нетерпѣніемъ ожидали его, является къ нимъ незнакомый человѣкъ и спрашиваетъ, не здѣсь ли Алексѣй Татариновъ, пріѣхавшій изъ Курска? Ему радостно отвѣчаютъ, что ожидаютъ его ежедневно. «Такъ я буду его дожидаться, отвѣчаетъ незнакомецъ—я полицейскій офицеръ, присланный изъ Петербурга, чтобы отвезти его обратно въ Курскъ». Онъ пріѣхалъ черезъ сутки послѣ полицейскаго и, переночевавъ только одну ночь, отправился обратно въ свое курское обиталище.

Прочіе убійцы Павла были также большею частію разосланы по деревнямъ. Талызинъ умеръ черезъ два мѣсяца, Николай Зубовъ черезъ 7 мѣсяцевъ, Валерьянъ Зубовъ черезъ два года и 4 мѣсяца—какъ подозрѣваютъ, всѣ не безъ отравы.

Фонъ-деръ-Паленъ также былъ удаленъ. Всѣ увѣрены въ томъ, что онъ дѣйствовалъ на-двое и, выигрывая время то передъ спальней Императрицы, то у дверей потаенной лѣстницы, онъ прислушивался, какъ идетъ дѣло, и еслибъ оно не удалось, онъ былъ готовъ явиться на помощь Павлу и перевязать всѣхъ заговорщиковъ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ заговорщиковъ одинъ только Уваровъ, человѣкъ самый ограниченный и необразованный, сохранилъ до самой своей смерти, въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, милость и расположеніе Императора Александра. Беннигсенъ, первый нанесшій ударъ Павлу, былъ употребляемъ въ службѣ во все царствованіе Александра. Волконскій и Маринъ также не потеряли своей карьеры.

Кстати разсказать анекдотъ, доказывающій, какъ многимъ извѣстенъ былъ заговоръ.

Какой-то Екатерининскій вельможа (полагаю, что графъ Апраксинъ, ибо я слышалъ это отъ престарѣлой дѣвицы графи-

ни Прасковьи Алексѣевны Апраксиной, которая называла его дѣдомъ) смиренно жилъ въ домѣ своемъ на Царицыномъ лугу. У него ежедневно бывалъ съѣздъ родныхъ, такъ что всегда человѣкъ до 20-ти садилось за столъ. 11-го марта, одинъ его внукъ, камеръ-юнкеръ тогдашняго двора, молодой, взбалмошный повѣса, сидя за ужиномъ, около полуночи, безотвязно просилъ у своего дѣдушки шампанскаго, тотъ долго не хотѣлъ исполнить его просьбы, но, наконецъ, согласился. Когда налито было шампанское, молодой человѣкъ, часто поглядывая на часы, наконецъ, схватилъ бокалъ и громко возгласилъ: «Поздравляю васъ съ новымъ Государемъ».

Всѣ вскрикнули въ одинъ голосъ и разбѣжались по внутреннимъ комнатамъ. Повѣса остался одинъ и, не дождавшись ничьего возвращенія, уѣхалъ. Черезъ нѣсколько часовъ предсказаніе его оправдалось. Графиня, бывшая свидѣтельницей, прибавляла, что этотъ молодой камеръ-юнкеръ, по вѣтренному своему характеру и болтливому языку, никакъ не могъ быть въ числѣ заговорщиковъ, а, вѣроятно, зналъ это только по слуху.

...ая общественная библiотека-читальня въ память Льва Николаевича Толстого.
№

Достовѣрный разсказъ о моихъ приключеніяхъ въ 1801 году.

Написанъ въ 1804 г. и посвященъ господину Доргелетту, моему учителю французскаго языка въ Ерлангенѣ.

Принца Евгенія ВЮРТЕМБЕРСКАГО.

14-го января я выѣхалъ изъ Карлсруэ въ сопровожденіи капитана Требра, прусскаго офицера и хирурга Бартуза въ Варшаву, куда выѣхалъ заранѣе генералъ баронъ Дибичъ со своими двумя дочерьми. Мы оставались тамъ нѣсколько дней, и я отдалъ визитъ генералу Колеру, губернатору города. Въ Т. я познакомился съ генераломъ Гюнтеромъ, шефомъ босняковъ, и на слѣдующій день увидѣлъ границу Россійской Имперіи на берегу Нѣмана, напротивъ города Гродно.

Таможенные казаки и офицеры долго удерживали насъ, нося наши паспорта то въ одно, то въ другое мѣсто. Наконецъ пріѣхалъ первый инспекторъ таможни по фамиліи Гирсъ и майоръ кадетскаго корпуса Эльснеръ, чтобы принести намъ тысячу извиненій за опозданіе, причиненное осмотромъ. Однако, губернаторъ разрѣшилъ намъ только въѣздъ въ городъ, отложивъ свое согласіе на нашъ отъѣздъ въ Петербургъ до слѣдующаго постановленія въ виду неисправности нашихъ бумагъ. Мнѣ не припомнить никакъ причины этихъ погрѣшностей.

Но достовѣрно то, что, спустя нѣсколько дней, прибыло письмо Императора Павла на мое имя и приказъ по властямъ города.

Между тѣмъ мы достигли другого берега Нѣмана, гдѣ насъ встрѣтилъ главнокомандующій полкомъ, составлявшимъ гарнизонъ города и получившимъ впослѣдствіи названіе Муромскаго. Этотъ полкъ носилъ зеленый мундиръ съ голубыми отворотами. Генералъ находился во главѣ своего офицерскаго отряда, и его

сопровождали корпусный начальникъ, а также и многіе офицеры Муниципалитета. Генералъ передалъ мнѣ рапортъ и самъ сопровождалъ меня къ моему жилищу у одной польской дамы, очень знатнаго происхожденія, имя которой я забылъ.

Она приняла меня очень любезно, потомъ окружала вниманіемъ и даже расточала мнѣ свои ласки. Эти маленькія и сладостныя утѣхи у себя дома смѣнялись парадами, обѣдами и балами.

Все, что представлялъ городъ, было видѣно. Тамъ былъ также генеральный экзаменъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ моемъ присутствіи вызывали преимущественно лицъ, говорящихъ по-нѣмецки, которыхъ спрашивали на этомъ языкѣ.

Внезапная смерть моего слуги Тренка замедлила нашъ отъѣздъ еще на нѣсколько дней. Мнѣ показалось, что добрыя отношенія между генераломъ Дибичемъ и M-г Требра стали портиться, безъ того, чтобы я узналъ этому причину.

Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Моя комната наполнилась властями города и моя прекрасная хозяйка покинула меня съ волненіемъ.

Я опять отдалъ визитъ генералу, увидѣвъ у него собраніе его офицеровъ и полковыхъ пѣсенниковъ. Между высшими офицерами я вспоминаю одного нѣмецкаго майора по фамиліи Неймана и двухъ русскихъ, прекрасно воспитанныхъ, которыхъ я больше никогда не видалъ. Генералъ былъ старикъ очень малаго роста, говорившій только по-русски.

Мы поѣхали по Мерецкой дорогѣ, хотя это была и не большая дорога. Ночью мы достигли окрестностей этой станціи, и цѣлая туча гикающихъ казаковъ съ факелами въ рукахъ примчалась намъ навстрѣчу, имѣя во главѣ полковника всего расшитаго серебряными галунами. Мы выѣхали въ Мерецъ съ такой блестящей свитой и на слѣдующій день снова отправились въ путь, усталые отъ многочисленныхъ привѣтствій, которыя насъ заставляли получать.

Дорога изъ Мереца до Ковно представляетъ очень живописный видъ; она тянется вдоль Нѣмана и пересѣкаетъ долины, окаймленныя лѣсистыми возвышенностями.

Въ Ковно егерскій полковникъ (лифляндецъ) оказалъ намъ

почести. По дорогѣ въ Митаву намъ приходилось еще побороться съ подобными нападеніями настолько трогательными, насколько и почетными, но докучными въ путешествіи. Въ Кайданѣ, кажется, полковникъ инфантеріи въ зеленомъ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, а въ Цавлѣ взводъ кавалеріи заставили меня много страдать.

Наше пребываніе въ Митавѣ ограничилось однимъ днемъ, Генералъ Ферзенъ, шефъ Тобольскаго полка (такъ называемый нынѣ; зеленый мундиръ и синій воротникъ), оказалъ намъ почести съ участіемъ гражданскаго начальника. Здѣсь мы встрѣтили M-r Оттерштеда, прусскаго офицера Старо-Ларишскаго полка, прибывшаго сюда на все полугодіе изъ Берлина.

Въ Ригу мы прибыли очень поздно, проѣхавъ по льду черезъ Двину. Я подъѣзжалъ къ предмѣстьямъ С.-Петербурга, явился въ отель къ дядѣ Людовику и своимъ пріѣздомъ привелъ въ умиленіе весь домъ. Тетка нѣжно заключила меня въ свои объятія.

На другой день я поспѣшилъ нанести визиты, которые я получилъ сначала. Губернаторъ, насколько помнится, по фамиліи Булгаковъ, былъ командиръ гарнизоннаго полка въ Ригѣ, извѣстный своею красотой и отрядомъ избранныхъ офицеровъ; тамъ насчитывали большое число княжескихъ именъ, между которыми и Бирона курляндскаго; по крайней мѣрѣ онъ находился тамъ незадолго передъ этимъ. Остальная часть гарнизона состояла изъ двухъ ружейныхъ полковъ (нынѣ гренадеры); одинъ (нынѣ С.-Петербургскій) подъ командой генерала Розена и другой (Таврическій, шефомъ котораго я состою въ настоящее время) подъ командой генерала Данзаса, и изъ полка кирасиръ моего дяди Александра.

Не считая нѣсколькихъ парадовъ, которыми генералъ желалъ оказать мнѣ честь, въ Ригѣ не произошло ничего замѣчательнаго. Присутствіе моихъ дядей гарантировало меня отъ большинства представленій, и время, посвященное моимъ роднымъ, помѣшало мнѣ также бросить взглядъ на достопримѣчательности города.

Наша поѣздка въ С.-Петербургъ заставила насъ проѣзжать почтовыя нѣмецкія станціи Лифляндіи и Эстляндіи. Сынъ г-на Гирса, искавшій мѣста въ столицѣ, отправился впереди насъ курьеромъ. Между тѣмъ при каждой смѣнѣ лошадей происходили ссоры. Генер. Дибичъ объявилъ, что хозяева почтовыхъ

DK 186 V74 ch.1
Vremi͡a Pavla i ego smert'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY